ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лианна Матевосян

РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ СТАНДАРТ

КУРС ЛЕКЦИЙ

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2022

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
М 330

Печатается по постановлению
Ученого совета факультета русской филологии
Ереванского государственного университета.

Рецензенты:

Р.Р. Грдзелян, д.филол.н., профессор, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации фак-та русской филологии ЕГУ, председатель Методического совета фак-та русской филологии ЕГУ;

С.П. Ламбарджян, к.филол.н., доцент, доцент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации фак-та русской филологии ЕГУ;

Н.И. Мартирян, к.филол.н., доцент, зав. кафедрой русского языка ЕГУ;

Л.В. Селезнева, д.филол.н., доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации филологического фак-та РГИРЯ им. А.С. Пушкина

Матевосян Л.Б.

М 330 **Русский разговорный стандарт: курс лекций.** – Ер.: Изд-во Ереванского университета, 2022. – 194 с.

Авторский лекционный курс о стереотипном пласте русского лингвокультурного сознания предназначен для студентов филологических факультетов, а также лингвистов, методистов, преподавателей русского языка как иностранного и лиц, интересующихся вопросами изучения и преподавания русского языка как неродного.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-8084-2579-8

© Изд. ЕГУ, 2022
© Матевосян Л.Б., 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторский лекционный курс "Русский разговорный стандарт" написан на основе многолетней исследовательской работы (1981 – 2022), представленной в монографиях и статьях автора [см. перечень монографий в Списке использованной литературы], и лекций, читавшихся в течение нескольких лет в Ереванском государственном университете в рамках курса "Теория речевого стандарта" на факультете русской филологии в соответствии с бакалавриатской программой "Русский язык и литература" (2018).

В связи с тем, что университеты готовят как учителей, так и специалистов по межкультурной коммуникации, автор считает необходимым передать студентам знание русской разговорной речи, русского некодифицированного литературного языка, в частности русского разговорного стандарта, представленного стационарными предложениями, – макросистемы, состоящей из нескольких микросистем: *Речевой этикет*, *Поддержание контакта*, *Городские стереотипы*, *Выражение эмоций*.

Стационарные предложения значатся в стереотипном пласте лингвокультурного сознания носителей русского языка и рефлекторно "выскакивают" в стереотипных ситуациях, этим объясняется частотность их употребления в живой русской речи. Стационарные предложения, как правило, многоситуативны и обладают множеством значений: полисемичных, омонимичных и антонимичных, так что их неправильное понимание часто приводит к коммуникативным неудачам.

Лекции представлены по темам, раскрывающим стационарные предложения прежде всего как феномен языка, а также как социо- и психолингвистический, лингвокультурный,

речевой, прагмалингвистический и лингводидактический феномен. Каждая тема сопровождается вопросами и заданиями. В рубрике *Вопросы и задания* задания, предлагаемые под символом , имеют теоретическую направленность, под символом – практическую. Последние развивают речь и креативность студентов.

Автор благодарит, в первую очередь, д.филол.н., проф. Московского государственного педагогического университета Н.В.Черемисину за предложение работать над темой, которая в 80-е годы XX столетия не была достаточно исследована (*Речевой этикет* был представлен докторской диссертацией Н.И. Формановской [1979], *Городские стереотипы* – работами д.филол.н., проф. Е.А.Земской), "звезду РКИ" д.филол.н., проф. Московского государственного университета им. Ломоносова М.В. Всеволодову, сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН в лице д.филол.н., проф. Ю.А. Сорокина, д.филол.н., проф. Е.Ф.Тарасова (благодаря беседам с ними тема обрела психолингвистический тренд), директора Института языкознания РАН д.филол.н., проф. В.А. Виноградова.

Автор благодарит факультет русской филологии, а также кафедру русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета за возможность читать данный курс, благодарит рецензентов и коллег, принимавших участие в обсуждении.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ СТАНДАРТ..... 7
Вопросы и задания..... 11
СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК
ФЕНОМЕН ЯЗЫКА..... 13
1. Понятие "стационарное предложение" 13
2. Грамматическая характеристика стационарных
предложений..... 18
3. Структурная характеристика стационарных предложений 28
1. Фразеологизированная модель 31
2. Комбинированная модель..... 39
3. Свободная модель 39
Вопросы и задания 43
СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК
СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН..... 46
Вопросы и задания 53
СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН..... 55
Вопросы и задания 64
СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК
РЕЧЕВОЙ ФЕНОМЕН 66
Вопросы и задания 89
ТЕМАТИКО-СИТУАТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
СТАЦИОНАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ 91
1. Понятие "тематико-ситуативная группа" 91
2. Тематико-ситуативные группы в системе стационарных
предложений..... 98
3. Синонимия в системе стационарных предложений 118
Вопросы и задания 133

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 135
Вопросы и задания 155
СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 158
Вопросы и задания 163
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 165
ЛИТЕРАТУРА 169
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА 184
Приложение 185

XXI век в лингвистике –
век обостренного внимания к стереотипам.
Н.Д.Бурвикова, В.Г.Костомаров, Ю.Е.Прохоров

РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ СТАНДАРТ

Для современного языкознания в связи с постепенным расширением понимания языка в качестве предмета науки чрезвычайно характерно появление новых "креолизованных" дисциплин.

Начало XXI века ознаменовалось становлением новой парадигмы научных исследований, составляющими которой стали психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, нейролингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативно-когнитивная лингвистика, лингвокультурология, культурология, культурно-историческая психология, когнитивная психология, отражающие различные грани общения и являющиеся закономерным результатом развития научной мысли XX столетия.

Уже в XX веке был очевиден повышенный интерес к устной разговорной речи (Е.А.Земская, О.А.Лаптева, О.Б.Сиротинина), к изучению целевых установок коммуникантов, к выявлению прагма-социальных, ролевых факторов в процессе общения (А.А.Леонтьев), к таким понятиям, как коммуникативные намерения, ожидания, эффекты (*интенции*, *иллокуции*, *перлокуции* – в терминах авторов "теории речевых актов" Т.П.Грайса, Дж.Л.Остина, Дж.Р.Серля), стратегии и тактики общения. В центре внимания лингвистов продолжают оставаться составляющие акта коммуникации в рамках конкретных сфер и ситуаций общения.

Доминирующим направлением современных лингвистических исследований продолжает оставаться антропоцентрическое направление.

Проблема человека всегда приковывала внимание исследователей: философы и историки, психологи и социологи, литераторы и искусствоведы во все времена проявляли пристальный интерес к человеку. Проблему человека не оставили без внимания и лингвисты, ибо человек думает и живет в языке. Язык не только средство общения, но и орудие мыслей и чувств, и его рассмотрение как орудия мыслей и чувств, по утверждению В. фон Гумбольдта, "основа подлинного языкового исследования" [1985: 377].

Н.Д.Бурвикова, В.Г.Костомаров, Ю.Е.Прохоров, назвав XXI век в лингвистике "веком обостренного внимания к стереотипам", пишут: "Ведь стереотип облегчает коммуникацию, позволяя каждый раз заново не конструировать словосочетание или высказывание. Стереотипный язык противопоставляется эмоциональному языку и различим только на фоне последнего. Стереотипы, наконец, исчислимы. "Стереотипно" – не значит плохо. "Стереотипно" означает – быстро. Цель реализации стереотипов – затратив минимум языковых и поведенческих усилий, достигнуть нужного коммуникативного эффекта" [2003: 5].

Стереотипны те высказывания, которые воспроизводятся в речи целиком и полностью, высказывания, которые имеются в виде готовых "речений" в мышлении и лексике, языковом запасе всех или большинства носителей языка. Отметим, многие из высказываний, которые сегодня пока оригинальны, завтра могут войти в "стереотипный" фонд русского языка. Регулятором выступают частотность и повторяемость тех или иных высказываний в речи.

Критерием стереотипности коммуникативных единиц являются *воспроизводимость*, *регулярная повторяемость* в речевой практике носителей русского языка. Фактором, отражающим воспроизводимость, регулярность, повторяемость стереотипных высказываний, выступает их высокая ч а с т о т н о с т ь:

а) в разговорной речи;

б) в языке современной русской художественной литературы, в частности драматургии и прямой речи персонажей прозы;

в) с точки зрения информантов, владеющих русским литературным языком во всех его функциональных проявлениях [см. описание и результаты проведенного нами социолингвистического эксперимента: Матевосян, 1992: 26-27, 165-200; 2005: 27-28].

Все рождается, конечно, в речи. Противопоставлять речи язык сегодня уже неразумно, потому что это диалектическое единство.[1] Где начало? Очевидно, в речи.

Как только в процессе общения возникают стереотипные ситуации, – достаточно подробно описанные в наших монографиях [Матевосян, 1992; 2005; 2007; 2012; 2012а], – сразу же из уст говорящего "выскакивают" стереотипные высказывания: *Здравствуйте, я Ваша тетя; Ну да; Конечно; Нужны мне Ваши советы*. Основная особенность (дифференциальный признак) стереотипных высказываний – ч а с т о т н о с т ь их употребления в речи. Таким образом, наступает момент, когда количество "вынуждено" перейти в качество, когда данные коммуникативные единицы попадают в "словарь" – в систему,

[1] Уже в недрах Пражского лингвистического кружка была высказана мысль, что соссюровское противопоставление языка и речи – слишком жесткое, так же как и противопоставление синхронии и диахронии, – в реальной практике очень много переходных случаев, так что не следует это противопоставление абсолютизировать.

такую же как язык, – и речевые явления становятся фактом языка.

В процессе исторического развития языка принцип экономии конкурировал (и продолжает конкурировать) с принципом избыточности. Говорящий стремится к экономии произносительных и мыслительных усилий, а слушающий заинтересован в развертывании реплики говорящего, так как стремится затратить наименьшие усилия на восприятие и понимание. Принцип экономии, конкурирующий с принципом избыточности, связан, по наблюдениям Н.В.Черемисиной, с тенденцией к стандарту, ибо стандарт предполагает "ограничение разнообразия" [1982а: 154]. Человек и сегодня еще стремится зачастую выразить мысль стандартно, по стереотипам, по заданным алгоритмам. Поэтому в стандарте заинтересованы как говорящий, так и слушающий. Однако часто стандарт свидетельствует о бедности и шаблонности мысли и речи. Поэтому в практике речи следует придерживаться "золотой середины": найти то, что способствует и соответствует реализации принципа экономии, но в то же время не приводит к злоупотреблению стандартом. Разговорный стандарт соответствует узусу языка, вот почему его изучение представляет собой интерес. "Именно в узусе, складывающемся в масштабе всего литературного языка как результат взаимодействия индивидуальных, социальных, профессиональных, возрастных и иных речевых пристрастий и предпочтений, возникают некие точки расшатывания устойчивого состояния и риска его нарушения, некие линии разлома, затрагивающие и норму, и систему" [Лаптева, 2002: 345].

Тенденция к стандарту и противодействующая ей тенденция к увеличению разнообразия вместе с остальными постоянно действующими в языке закономерностями (тенденцией к

аналитизму формальных структур – и к синтетизму; к экономии в парадигматике – и к избыточности; к интеграции средств языкового выражения – и к дифференциации) существовали во все времена [см.: Черемисина, 1982а: 153]. В последние сорок с лишним лет развития языка в условиях массовой коммуникации тенденция к стандарту активизировалась [см.: Черемисина, 1982а: 153; Протченко, Черемисина, 1986: 89-102; Пищальникова, Сорокин, 1993: 93-106; Красных, 1999: 266-271; Бурвикова, Костомаров, Прохоров, 2003: 3-5]. Активизацию стандарта Н.В.Черемисина объясняет тем, что "… стандарт снимает на какое-то время (ибо в принципе речевой стандарт, как и большинство штампов, недолговечен и исторически изменчив) антиномию говорящего и слушающего" [1982а: 154].

Одним из проявлений тенденции к стандарту являются **стационарные предложения**, типичные для разговорной речи и потому широко употребительные в языке современной драматургии, прямой речи персонажей прозаических произведений. Так, например, в пьесе "Беги, беги, Вечерняя заря" Эдуарда Володарского о весьма неординарной жизни талантливого математика и игрока всего содержится 2545 предложений-высказываний, из них 952 (т.е. ≈37,4% всего текста пьесы) составляют предложения-формулы, разговорные штампы, так называемый разговорный стандарт, или стационарные предложения.

Вопросы и задания

1. Чем ознаменовалось начало XXI века?
2. Назовите доминирующее направление в современной лингвистике.

3. Почему Н.Д.Бурвикова, В.Г.Костомаров, Ю.Е.Прохоров называют XXI век в лингвистике "веком обостренного внимания к стереотипам"?
4. Как вы понимаете противоборство принципа экономии и избыточности в языке?
5. Перечислите критерии определения стереотипности коммуникативных единиц.
6. Назовите тенденцию, противодействующую тенденции к стандарту.
7. Кто и почему заинтересован в стандарте?

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА

1. Понятие "стационарное предложение"

В процессе вербального общения мы пользуемся высказываниями, которые не создаем каждый раз заново, а повторяем, воспроизводим. Например: *Как поживаете(-ешь)? Сколько вам (тебе) лет? Ты (Вы) кашу заварил(-и), ты(вы) и расхлебывай(-те).* Подобное повторение не носит характера цитирования, ибо высказывания эти не имеют автора, а являются общим достоянием народа. Такие высказывания воспроизводимы и, следовательно, входят в систему языка.

Говоря о единицах языка, А.И.Смирницкий подчеркивал, что они обладают, во-первых, "… не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением (смысловым и эмоциональным содержанием) и, во-вторых, выступают не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто, уже существующее и лишь воспроизводимое в речи" [1956: 13]. Этими признаками обладают стационарные предложения.

На существование в языке предложений, являющихся своего рода готовыми "формулами", обратили внимание еще Л.П.Якубинский [1923: 93-194], А.М.Пешковский [1956: 398-399], Е.Д.Поливанов [1968: 59], О.Есперсен [1958: 16-23], А.И.Смирницкий [1956: 228-230]. В современной лингвистике такие предложения называют стационарными. "Стационарные предложения суть готовые, заранее данные единицы языка, характеризующиеся постоянством оформления и неизменностью лексического состава" [Черемисина, 1980: 67]. Поскольку они воспроизводимы и нередко идиоматичны, их называют иногда фразеологизированными [Лекант, 1974: 151], нечлени-

мыми предложениями [Меликян, 2002]. Однако идиоматичностью, в том числе нечленимостью, обладают не все подобные предложения, и поэтому более удачным представляется термин **стационарные предложения**, данный А.М.Пешковским [1956: 399].

Называя упомянутые воспроизводимые единицы языка предложениями, мы под термином "предложение" подразумеваем высказывание, ибо, реализуясь в определенной конситуации, данные коммуникативные единицы, то есть стационарные предложения, становясь единицами речевого акта, являются результатом речевого акта. "Высказывание, – пишет Н.И.Формановская, – на наш взгляд, является подлинно коммуникативной единицей, в отличие от предложения – единицы потенциально коммуникативной" [2003: 442]. Более того, среди стационарных предложений есть и "коммуникаты", то есть высказывания, построенные не на основе структурной схемы.[2] Таким образом, под термином "предложение" мы имеем в виду "предложение-высказывание". В целях экономии мы называем их просто стационарными предложениями.

Стационарные предложения образуют различные функционально-семантические микросистемы (**речевой этикет, городские стереотипы, афористика, выражение различных эмоций, поддержание контакта** и др.), обнаружить полный состав которых еще предстоит. В настоящее время теоретически достаточно исследован речевой этикет, являющийся одной из микросистем устойчивых формул общения [см. об этом: Акишина, Камогава, 1974; Акишина, Формановская, 1983; Формановская, 1979]. Объектом же нашего рассмотрения является разговорный стандарт, то есть не только и не столько речевой этикет, сколько, по возможности, – полный список

[2] Вопрос о структурной схеме предложения здесь не рассматривается.

наиболее частотных разноситуативных стационарных предложений, живущих полнокровной жизнью в разговорной речи.

Мы исключили из объекта нашего рассмотрения литературные реминисценции, крылатые слова, хотя они тоже часть "стандарта" и не менее частотны в разговорной речи. Литературные реминисценции оказались в центре внимания известных ученых В.Г.Костомарова и Н.Д.Бурвиковой, которые дали им название **логоэпистемы** "(логос – греч. – слово; эпистема – греч. – знание), т.е. знание, хранимое в единице языка" [Костомаров, Бурвикова, 1999: 253]. Их называют и **лингвокультуремами** (термин В.В.Воробьева, и, на наш взгляд, более удачный) [см.: Воробьев, 2008].

Среди литературных реминисценций встречаются такие, которые часто повторяются в разговорной речи интеллигенции (и даже в рамках одного произведения), однако не стали достоянием всего общества. Ср.:

[Туманский:] ***Такова жизнь, и не нам ее осуждать.*** [Окаемов:] *Вот-вот! Как только необходимо оправдать натуру, сейчас изреченьице. "Такова жизнь", "Любви все возрасты покорны", "Сегодня ты, а завтра я"...* (А.Афиногенов, Машенька, с. 19.)

Предложение-высказывание *Такова жизнь, и не нам ее осуждать,* хотя и повторяется несколько раз, – вслед за Туманским произносят Виктор (там же, с. 36), Вера (там же, с. 55) – нас не интересует, так как оно за пределы данной пьесы не вышло.[3]

Крылатые слова имеют иную, отличную от фразеологизмов-предложений, специфику, которую прекрасно раскрыл

[3] Имеется в виду вся реплика полностью – *Такова жизнь, и не нам ее осуждать*, ибо высказывание *Такова жизнь* – перевод с французского – вошло в фонд крылатых слов русского языка.

А.А.Потебня: они являются своеобразной моралью, вытекающей из произведения: "А ларчик просто открывался" (И.Крылов), или своеобразным его сжатием: "Как мало прожито, как много пережито!" (С.Надсон). Близка к крылатым словам речевая природа литературных штампов и клише, если в них не произошло тех семантических сдвигов, которые характерны для фразеологизмов-идиом.

А.И.Смирницкий справедливо заметил, что "… воспроизведение единиц языка никогда не носит характера "цитирования"; эти единицы применяются и воспроизводятся как принципиально не имеющие автора, как общее достояние народа, неразрывно связанное с ним. Как только какое-либо слово повторяется как "чье-либо", так оно уже приобретает характер своеобразного речевого произведения, обособляется от системы языка: для полного включения в эту систему требуется утрата каких бы то ни было "авторских прав" на него" [1956: 21].

Стационарные предложения, будучи единицами языка в силу своей воспроизводимости, все-таки реализуются в реальном речепорождении и речевосприятии, соотносятся с ситуацией и содержательным контекстом. Противопоставляя язык и речь как общее и конкретное, следует помнить, что язык и речь – две стороны одного явления – "речевой деятельности". В.А.Звегинцев в работе "Предложение и его отношение к языку и речи" пишет: "Никогда не следует забывать ‹…› того фундаментального обстоятельства, что путь, которым внелингвистические знания "входят" в язык, всегда остается открытым, и этот путь идет через речь. Им постоянно пользуются говорящие, когда осуществляют речевую деятельность, когда делают конкретные высказывания" [1976: 278].

В современном языкознании до сих пор отсутствует единообразная, общепринятая интерпретация таких понятий, как

язык и речь. "Несмотря на то, что дихотомия "язык – речь" рассматривается многими лингвистами как одно из крупнейших достижений современного языкознания, в этом вопросе еще очень много неясного и недоработанного" [Общее языкознание 1970: 89]. Более перспективным, на наш взгляд, представляется следующее утверждение: "Каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему – язык в собственном смысле: ошибочно, следовательно, отождествлять одну функциональную речевую деятельность с языком, а другую – с "речью" (по терминологии Ф. де Соссюра), например, интеллектуализованную речевую деятельность – с языком, а эмоциональную – с речью" [Пражский лингвистический кружок 1967: 25]. Вслед за Е.С.Кубряковой мы считаем, что "… речевая деятельность – это деятельность, в ходе которой используется язык. В основе речи лежит, однако, не столько употребление языка, сколько обращение к языку и его неиссякаемым возможностям" [1986: 10]. Язык выступает "… не просто как выразитель уже готового, но как оформитель еще не определившегося" [Атаян, 1986: 88]. По образному определению Э.Р.Атаяна, "... речевой импульс вторгается в язык и – **хитрость речевого разума!** (выделено нами – Л.М.) – находит в нем ровно столько, сколько нужно для преодоления его собственной, языковой, косности для поднятия языка выше того, что он, казалось, может. Речь приводит в движение две системы: ограничений и высвобождений от них" [там же].

Стационарные предложения, как отмечалось выше, будучи единицами языка, целиком и полностью воспроизводятся в речи, однако "речевой импульс" вторгается и в систему стационарных предложений. Он разрушает их стандартность, варьирует их, обогащая и увеличивая фонд стационарных предложений – единиц языка, – "... этот фатальный выход языка за

себя в речь – и в мир – оказывается по сути лишь его самоуглублением и самоутверждением в по праву завоеванных им доменах" [Атаян, 1986: 89].

2. Грамматическая характеристика стационарных предложений

Стационарные предложения – факт языка, рассматриваемый нами как элемент речевого общения. Устойчивость синтаксической структуры и лексического наполнения позволяет отнести часть из них к особому типу фразеологизированных предложений. Подобную точку зрения высказал П.А.Лекант в книге "Синтаксис простого предложения в современном русском языке": "К фразеологизированным относятся неглагольные предложения типа *Счастливого пути! Что нового?*" [1974: 151]. А выше П.А.Лекант отмечает: "Они обладают основным признаком предложения – предикативностью, но, в отличие от свободно конструируемых предложений, обрели свойство воспроизводимости, что сближает их с фразеологическими единицами" [1974: 151]. Н.И.Формановская в докторской диссертации "Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения", посвященной изучению речевого этикета, пишет, что единицы речевого этикета обладают предикативностью [см.: 1979: 16]. В.Г.Гак, хотя и относит высказывание к единицам речи, констатирует, что "... предикативность, отличительное свойство высказывания, есть показатель соотнесенности его с ситуацией" [1973: 356]. Однако среди стационарных высказываний встречаются и такие (например, *Алло! Ура! Увы! Ну и ну! Разве?* и другие), которые основными грамматическими признаками предложения не обладают.

Предикативность является грамматическим значением предложения. Она представлена категориями объективной модальности, синтаксического времени и лица. Вопрос о категории лица как "составляющей" категорию предикативности до сих пор в современном синтаксисе остается спорным: одни лингвисты (В.В.Виноградов, Г.А.Золотова) выделяют категорию лица в качестве одного из основных грамматических признаков предложения [см.: Грамматика русского языка 1954: 82; Золотова, 1973], другие (Н.Ю.Шведова) – исключают [см.: Грамматика современного русского литературного языка 1970]. Мы, вслед за В.В.Виноградовым и Г.А.Золотовой, придаем категории лица самостоятельный статус и выделяем лицо как категорию столь же значимую, как и категории объективной модальности и синтаксического времени. Категория лица отсутствует в номинативных и собственно-безличных предложениях, но этим во многом определяется их специфика на фоне иных структур.

Стационарным предложениям, подобно единицам речевого этикета, присущи устойчивые невариативные категории объективной модальности, синтаксического времени, лица, а именно: объективной реальной модальности или реальной перспективы; актуального настоящего времени момента речи или перспективы в настоящее; 1-го лица адресанта и 2-го лица адресата или перспективы от 1-го лица ко 2-му лицу [см.: Формановская, 1979]. Остановимся на рассмотрении каждого признака в отдельности.

Объективная модальность – это комплекс значений времени и реальности/нереальности, слитых воедино. Синтаксические категории, формирующие предикативность, образуют систему синтаксических времен и наклонений. "Синтаксические наклонения, несущие объективно-модальные значения реальности, т.е. временной определенности – настоящего,

прошедшего или будущего времени, – все вместе образуют синтаксический индикатив" [Русская грамматика 1980: 86] – реальную модальность. "Синтаксические наклонения, несущие объективно-модальные значения ирреальности, т.е. временной неопределенности, образуют синтаксические ирреальные наклонения" [Русская грамматика 1980: 86] – ирреальную модальность.

Стационарным предложениям присуща объективная реальная модальность или реальная перспектива. Обратимся к примерам:

[Кушак:] *... И вам, Галина Николаевна,* ***большое спасибо****. Этот вечер я запомню на всю жизнь.* [Вера:] *Я тоже.* [Галина:] ***Очень рада. Надеюсь, вы будете у нас бывать. Я буду рада.*** [Вера (Галине):] ***Счастливо вам.*** (Зилову и Кузакову.) ***До свидания,*** *алики.* [Кузаков:] ***До свидания.*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 180.)

Стационарные предложения *Большое спасибо, Очень рада, Надеюсь, вы будете у нас бывать, Счастливо вам, Я буду рада, До свидания* выражают имплицитно (*Большое спасибо, Очень рада, Счастливо вам, До свидания*) или эксплицитно (*Надеюсь, вы будете у нас бывать, Я буду рада*) реальную модальность.

Заменим стационарное предложение *Я буду рада* (эксплицитная модальность реальности) стационарным предложением *Я была бы рада* (эксплицитная модальность ирреальности):

[Галина:] *Надеюсь, вы будете у нас бывать.* ***Я была бы рада.*** (= *Я буду рада.*)

Как видим, взаимозамена делает эти стационарные предложения однородными и сообщает второму предложению (*Я была бы рада*) реальную перспективу – перспективу реализации ‘радости’ в реальный момент речи.

Другой пример из сферы речевого этикета:

[Зилов:] *Ах да! Конечно! Семья, друг семьи, невеста –* ***прошу прощения!*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 233-234.)

Ср.: *Ах да! Конечно! Семья, друг семьи, невеста –* ***простите!***

Прошу прощения (эксплицитная модальность реальности) и синонимичная единица *Простите* (эксплицитная модальность ирреальности). В силу синонимичности этих двух коммуникативных единиц второй единице сообщается реальная перспектива – перспектива реализации ‘извинения’ в реальный момент речи.

[Жена:] *Герик!* [Голос сына (из смежной комнаты):] *Чего?* [Жена:] *Ты не "чего", а* ***поди сюда.*** [Голос сына:] *Я уроки делаю.* [Жена:] ***Ну погоди у меня!*** [Теща:] *Пошли, отец. Время позднее. Пока доедем, пока что.* [Жена:] ***Погодите****, я с вами ...* (А.Сударев, В Альдебаран, в Альдебаран, с. 182.)

Стационарные предложения *Поди сюда* (стилистически приниженный вариант стационарного предложения *Иди сюда*), *Погодите* (выражающие ‘просьбу совершить какое-либо действие’) и *Ну погоди у меня!* (выражающее ‘угрозу’) манифестируют побудительность, то есть содержат эксплицитно модальность ирреальности, но по сути своей – это реальные высказывания ‘о просьбе подойти’ или ‘подождать’ (*Поди сюда, Погодите*) и ‘о реальной угрозе’ (*Ну погоди у меня!*). Ср.:

Поди(-те) сюда. *= Я прошу (тебя, вас) подойти* (эксплицитная модальность реальности).

Погоди(-те). *= Я прошу (тебя, вас) подождать* (эксплицитная модальность реальности).

Ну погоди(-те) у меня! *= Я тебе (вам) покажу* (эксплицитная модальность реальности).

Синонимичность исходных и преобразованных стационарных предложений позволяет увидеть в первых перспективу реальной просьбы и реального наказания. Данные стационарные предложения содержат не объективный показатель ирреальности, а лишь субъективно-модальный план ‘повышенной просьбы’ и ‘пониженной угрозы’.

[Виктор:] *Алкоголь для твоего здоровья вреден, папаша...* [Отец:] ***Не тронь меня**, Витька. Обижен я до глубины основания. Как мастер обижен и как отец* (А.Афиногенов, Ложь, с. 194.)

***Не тронь меня,** Витька**.** = Прошу не трогать меня, Витька.*

Не тронь меня (эксплицитная модальность ирреальности) и синонимичная единица *Прошу не трогать меня* (эксплицитная модальность реальности). Синонимичность этих двух стационарных предложений сообщает первому возможность реальной перспективы – перспективу реализации ‘просьбы’ в реальный момент речи.

Другим основным грамматическим признаком предложения является, как известно, синтаксическое время.

Под синтаксическим временем в современной синтаксической теории [см.: Грамматика современного русского литературного языка 1970; Белошапкова, 1977; Русская грамматика 1980; Современный русский язык 1981] принято понимать временные значения, которые возникают в условиях контекстуально-ситуативного употребления.

В акте общения стационарные предложения сиюминутны, поэтому (независимо от того, эксплицирована категория времени в морфологической структуре предиката или нет) сама логика ситуативного общения "здесь" – "сейчас" относит стационарные предложения в план синтаксического настоящего.

Еще Э.Бенвенист заметил: "Высказыванию обязана своим появлением категория настоящего" [1974: 315].

Стационарные предложения, повторенные в одних и тех же ситуациях и устойчиво прикрепленные к ним, переходят из речи в язык и переносят с собой категории "я" – "здесь" – "сейчас" [см.: Степанов, 2001: 283] из сиюминутного акта высказывания в постоянное свойство. Указатели "я" – "здесь" – "сейчас" являются эксплицитным выражением антропоцентрической точки зрения на язык.

Таким образом, в стационарных предложениях диалектически сосуществуют высказывание-процесс и высказывание-результат.

Итак, синтаксическое время стационарных предложений – это актуальное настоящее в момент речи, так как во всех стационарных предложениях присутствуют такие компоненты ситуации, как "я" – "здесь" – "сейчас". И компонент ситуации "сейчас" откладывается в виде настоящего времени во всех стационарных предложениях. Рассмотрим это на примерах.

[Валентина:] ***Доброе утро.*** [Мечеткин:] *Ну и как оно...* ***Как дела? Как настроение?*** [Валентина:] ***Спасибо, хорошо.*** (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 315.)

Стационарные предложения *Доброе утро, Как дела? Как настроение? Спасибо, Хорошо* выражают имплицитно актуальное настоящее время в момент речи.

[Сарафанов:] *Володя!* ***Я все понял!*** *Из этого дома надо уходить. Уходить, пока тебя не вынесли.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 143.)

Ср. : *Володя!* ***Я все понимаю!..***

Я все понял (прошедшее время) и синонимичная единица *Я все понимаю* (настоящее время). Синтаксическая синонимия

данных предложений подтверждает сказанное выше. Приведем еще несколько примеров:

[Кулик:] ***Пришла?*** (А.Афиногенов, Ложь, с. 207.)

В стационарном предложении *Пришла?* морфологическое прошедшее время, но компонент ситуации "сейчас" переносит его в план настоящего.

[Швейцар:] *... Тут на днях, вижу, раздевается на вешалке мой бывший начальник с женой и детишками, четверо их. И сюда на меня идет, в дверь. А я: местов нет!* ***Зуб я на него имел****, обидел он меня, когда вместе работали. Важничал очень… А он мне: Федор Патаевич, да ты чего, это же я, Будальников, здравствуйте! А я ему: здравствуйте, бывшее мое начальство, только местов нет. Он тут юлил у меня у двери, юлил, – очень ему хотелось дочку свою младшую, – день у нее рождения был, – по высшему классу отметить. А я не пустил. Да еще нарочно в положение при жене-то и детях ставил. Дочка-то чуть не заплакала, а у меня потом целую неделю на душе Первое мая было.* (В.Розов, Хозяин, с. 179.)

Стационарные предложения *Зуб я на него имел* (морфологически – форма прошедшего времени) и *Зуб я на него имею* (морфологическое настоящее время) равнозначны. Компонент ситуации "сейчас" выражен в данном случае эксплицитно – контекстом. Ср.: *Зуб на него* ***я имел*** (*раньше, когда работали, и сейчас имею, поэтому и не впустил*).

В стационарных предложениях, эксплицирующих в грамматической структуре побудительность, наблюдается перспектива синтаксического настоящего в ближайшее будущее. В этих предложениях то, что относится к плану настоящего, принадлежит адресанту, а то, что относится к плану ближайшего будущего, – адресату. Регулярная реализация

стационарных предложений в момент речи закрепила в них категорию синтаксического настоящего времени и его перспективу. Это можно обозначить следующим образом:

настоящее время ↔ ближайшее будущее время

[Неизвестный:] ***Позвольте мне уйти.*** [Пересухин:] *Можно подумать, я вас держу. Уходите.* (А.Сударев, В Альдебаран, в Альдебаран, с. 187.)

Просьба о ‘позволении уйти’ (план настоящего) принадлежит адресанту, ‘позволение уйти’ (план ближайшего будущего) ориентировано на адресата.

Стационарные предложения живут полнокровной жизнью в диалоге, что является их отличительной чертой, а следовательно, предполагает общение между собеседниками – говорящими, то есть присутствие 1-го лица – адресанта ("я") и 2-го лица – адресата ("ты", официально-вежливое "Вы").

Категория лица выражает отношение содержания высказывания к 1-му, 2-му или 3-му лицу. Природу личных местоимений Э.Бенвенист определяет, исходя из речевого акта: "я – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я; ‹…› ты – индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы ты" [1974: 286]. В стационарных предложениях содержание высказывания исходит от 1-го лица и направляется ко 2-му лицу.

Итак, синтаксическое лицо стационарных предложений – 1-е лицо адресанта и 2-е лицо адресата или перспективы направленности от 1-го лица ко 2-му, что предопределено присутствием в структуре ситуации "я" – "ты" коммуникантов. Эти коммуниканты откладываются в структуре предложения, в которой выражение категории лица может быть представлено эксплицитно или имплицитно. Например:

[Зилов:] *Нет,* ***этого я тебе не прощу.*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 195.)

Категория лица в данном стационарном предложении выражена эксплицитно – 1-е лицо адресанта и 2-е лицо адресата.

[Галина:] ***Перестань паясничать.*** (А. Вампилов, Утиная охота, с. 195.)

В этом примере 2-е лицо адресата выражено эксплицитно – нулевой флексией глагола (ср.: *Ты перестань паясничать*), 1-е лицо адресанта или перспективы направленности от 1-го лица ко 2-му – имплицитно (ср.: *Я прошу (требую) тебя перестать паясничать*).

Таким образом, категории объективной модальности, времени, лица в стационарных предложениях невариативны. Они, будучи первоначально категориями сиюминутного высказывания, отложились в качестве постоянных в предложениях, бесконечное число раз повторенных в аналогичных ситуациях.

Стационарные предложения, хотя и строятся иногда по элементарным структурным схемам, отличаются от оригинальных, или производимых/креативных, предложений и тем, что отражают компоненты ситуации "я" – "ты" – "здесь" – "сейчас". Е.В.Падучева считает "я" – "ты" – "здесь" – "сейчас" прагматическими переменными высказывания [2002].

При изменении ситуативных условий стационарные предложения, как и все обычные (производимые) предложения русского языка, образуют парадигму лица, временную и модальную парадигмы. Но ни одно лицо, кроме 1-го или 2-го, не дает стереотипной формулы, а видо-временные варианты приводят к разрушению стандарта, вследствие чего соответствующие предложения существуют в языке как оригинальные/производимые предложения.

Ср.: Стационарное предложение *Не хочу*.

Синтаксический индикатив

Настоящее время

(*Я*) **Не хочу.**	(Мы) Не хотим.
(Ты) Не хочешь.	(Вы) Не хотите.
(Он, Она) Не хочет .	(Они) Не хотят.

Прошедшее время

Не хотел(-а, -и). – Не захотел(-а, -и).

Будущее время

(*Я*) Не захочу.	(Мы) Не захотим.
(Ты) Не захочешь.	(Вы) Не захотите.
(Он, Она) Не захочет.	(Они) Не захотят.

Ирреальные наклонения

Побудительное наклонение

Пусть бы я (за-)хотел(-а)! и др.

Условное наклонение

Я (за-)хотел(-а) бы и др.

Желательное наклонение

Лишь (Хоть) бы я (за-)хотел(-а) и др.

Ни один видо-временной парадигматический вариант предложения *Не хочу* не является стационарным. Ни одно лицо, кроме 1-го лица ед. ч. настоящего времени, не дает воспроизводимой единицы.

Наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

Характеристики, вытекающие из условий речевой коммуникации, образуют каждый раз новую конфигурацию при-

знаков, совокупность которых предопределяет значение синтаксической формы в речи. Участие всех компонентов коммуникации в становлении грамматических форм стационарных предложений говорит о том, что жесткое разграничение высказывания-процесса и высказывания-результата может заслонить реальный механизм образования значений в языковых формах. Следует различать грамматические формы, которые в языке имеют полный и постоянный статус, и грамматические формы, возникающие в акте высказывания и существующие лишь в создаваемых высказыванием "языковых" единицах, в частности невариативные (непарадигматические) категории объективной модальности, синтаксического времени и лица. Казалось бы, наличие одного времени, одной модальности не позволяет говорить о наличии категории времени и модальности, поскольку нет оппозиций. Однако оппозиций нет в рамках стационарных предложений, применительно же к нестационарным предложениям оппозиции имеются. Стационарные же предложения характеризуются нами на фоне нестационарных, которым, как известно, присущи парадигматические противопоставления объективной модальности (реальности/ирреальности), синтаксического (настоящего, прошедшего, будущего) времени и лица.

3. Структурная характеристика стационарных предложений

В современной лингвистической науке предложение трактуется как многоаспектная языковая единица, в которой выделяются структурно-типологический, семантический, функционально-экспрессивный и другие планы, каждый из которых может стать объектом самостоятельного исследования в зависимости от конкретных задач, стоящих перед лингвистической

теорией. Возможно также комплексное исследование предложения, ибо все перечисленные и другие аспекты не только не исключают друг друга, но взаимодействуют и дополняют друг друга. Наиболее эффективным является структурно-семантический аспект, который, однако, не исключает функционального подхода к предложению, поскольку определенный структурный тип предложения предназначен для языкового представления той или иной ситуации. Идентификация конкретной ситуации осуществляется, разумеется, не абстрактными схемами (формулами), а лексически наполненными моделями предложений, в которых синтаксис и лексика находятся в диалектическом взаимодействии.

По структуре стационарные предложения разнообразны. Среди стационарных предложений встречаются простые предложения без распространителей и с распространителями (ср.: *Я понимаю* и *Я тебя (вас) понимаю, Я все понимаю; Я сочувствую* и *Я тебе (вам) сочувствую*), односоставные и двусоставные (ср.: *Собирайся(-тесь), Не говори(-те) глупостей, Кончай(-те), Хорошо, Как настроение?* и *Что ты (вы) говоришь(-те)? Я тебя (вас) люблю, Я рад(-а) за тебя (вас), Я тебе (вам) мешаю (не помешаю)?).* Среди стационарных предложений встречаются односоставные однокомпонентные и двукомпонентные (ср.: *Отлично* и *Мне пора, Мне не к спеху*), сложные предложения: *Скажи(-те), пусть не … (сердится, ругается* и т.п.*); Ты же знаешь, я рад(-а) бы … (помочь, сделать* и т.п.*), но не могу*.

Подобная классификация стационарных предложений не отражает их специфики и потому неинформативна. "К концу XX века, – подытоживает О.А.Лаптева, – основные явления разговорной и устно-литературной речи выявлены, обозначены и описаны. Стало ясно, что разговорный синтаксис характеризуется своими специфическими синтаксическими моделями, коренным образом отличающимися от общелитературных и

письменно-литературных синтаксических моделей" [2003б: 271]. Целесообразнее описать стационарные предложения в конструктивной модели языка, которая может быть охарактеризована как модель динамичная, действующая, так как "… представляет не столько то, что в языке есть, сколько пытается показать, каким образом та или иная синтаксическая конструкция организуется до того, как попасть в речь" [Тер-Аракелян, 1980: 178].

Если критерием классификации стационарных предложений выбрать такие признаки, как аналитизм/синтетизм, грамматичность/фразеологизированность синтаксической структуры, симметричность/асимметричность между планом выражения и планом содержания, то все стационарные предложения могут быть разбиты на два класса: 1) класс предложений, построенных по **свободной**, или **живой**, – в терминологии Н.В.Черемисиной [1980: 68], – модели [см. также: Протченко, Черемисина, 1986: 96], и 2) класс **фразеологизированных** синтаксических построений. Но фразеологизированная модель часто дополняется стандартными распространителями. Такие синтаксические построения Н.В.Черемисина называет **комбинированными** [см.: Черемисина, 1982а: 156]. Комбинированная модель – это "гибрид" фразеологизированной и свободной модели.

Модель – это формализованная запись предложения, иначе – структурная схема (по Н.Ю.Шведовой), которая в том виде, как она дана, оказалась, по мнению М.В.Всеволодовой, "мало пригодной в практике", однако, по ее же, на наш взгляд, справедливому мнению, "… сама по себе идея формализации модели в научном плане имеет непреходящее значение" [2004: 302].

Таким образом, среди структурного разнообразия стационарных предложений можно выделить три модели: 1) **фразеологизированную**, 2) **комбинированную**, 3) **свободную.** Рассмотрим каждую модель в отдельности.

1. Фразеологизированная модель

"Фразеологизированные структуры предложения – это готовые, воспроизводимые синтаксические клише, располагающие постоянным морфологическим инвентарем, а иногда и лексическими "заготовками". Клишированность этих конструкций проявляется и в том, что они служат своего рода моделью, образцом, по которому можно строить множество аналогичных предложений-высказываний с одним и тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием" [Тер-Аракелян, 1987: 6]. А.В.Величко дает следующее определение синтаксически фразеологизированным структурам: "СФ (синтаксический фразеологизм – Л.М.) – это синтаксическая структура, модель, поэтому она имеет постоянные компоненты, образующие ее основу и задающие обобщенное значение. Но эта модель наполняется разным лексическим материалом, что и создает ее конкретное значение, которое накладывается на обобщенное значение" [1996: 6]. Так, по образцу предложения *Нет чтобы помолчать* с типовым значением "неодобрения по поводу неосуществления того, что было бы целесообразно" [Русская грамматика 1980: 383], можно построить целый ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием (ср.: *Нет чтобы помочь, Нет чтобы подсказать, Нет чтобы посоветовать* и т.п.). В предложениях этого типа клиширована синтаксическая структура и начальное *Нет чтобы*, то есть в готовом виде воспроизводится структура и начальное *Нет чтобы*, позиция инфинитива всякий раз наполняется новой лексикой. Или *Тоже мне друг!* выражает значение ‘негативной оценки’. Смысл данного предложения может быть семантизирован следующим образом: ‘*Он плохой друг*’, ‘*Его нельзя назвать другом*’. Стационарное предложение *Тоже мне друг!* включает постоянный компонент *Тоже мне*, который утратил свое

лексическое значение (ср.: *Он тоже мне друг*) и "создал" модель, структуру с определенным значением – значением ‘негативной оценки’. Свободный компонент – имя существительное в форме им.п., называющий объект оценки, лексически не ограничен, однако стационарными являются определенные речевые реализации данной модели. Например: *Тоже мне цветы (город, лес, профессор)!* Кроме имени существительного в форме им.п., в качестве свободного компонента может быть также глагол. В этом случае дается отрицательная оценка действию. Например: *Тоже мне помог (выступил, нарисовал)!*

Таким образом, фразеологизированная структурная схема – это лексически незамкнутое синтаксическое клише. Синтаксические клише не следует смешивать с устойчивыми выражениями – собственно фразеологизмами, речевыми высказываниями-формулами, пословицами, поговорками. Их сближает устойчивость и воспроизводимость, однако в синтаксическом клише – это воспроизводимость синтаксической структуры, а в собственно фразеологизмах, речевых высказываниях-формулах, пословицах и поговорках – это воспроизводимость и лексического наполнения.

Фразеологизированность структурной схемы – явление не лексическое, а грамматическое. Синтаксические клише служат для выражения не конкретных, а обобщенных, абстрактных смыслов, референтом которых является целостное событие или элементарная ситуация.

Русский язык в целом отличается богатством и продуктивностью фразеологизированных типов предложений, однако для стационарных предложений как особой микросистемы русского языка фразеологизированная модель непродуктивна, лексически относительно замкнута, ибо лексическое варьирование может привести к разрушению стандарта/стационарного предложения.

Фразеологизированные структурные схемы подробно описаны в "Грамматике современного русского литературного языка" [1970: 558-574], в "Русской грамматике" [1980: 383-386]. Рассмотрим здесь лишь наиболее частотные фразеологизированные структуры в системе стационарных предложений.

Фразеологизированные структуры в системе стационарных предложений могут быть разбиты на два подкласса:

а) собственно фразеосхемы и б) стационарный эллипсис.

а. Собственно фразеосхемы

Предложения фразеологизированной структуры – это предложения "с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой" [Русская грамматика 1980: 383]. Фразеосхемы организуются "с участием лексически закрытого компонента" [Русская грамматика 1980: 85].

Существует несколько фразеологизированных структурных схем двусоставных предложений, в которых подлежащее и сказуемое лексически совпадают. Данные конструкции несут в себе различные субъективно-модальные значения.

Модель **имя сущ. в им.п. + как + имя сущ. в им.п.** со значением ‘обычности’: *Люди как люди, Обед как обед, Вечер как вечер.*

Модель **Всем имя сущ. в дат.п. мн.ч. + имя сущ в им.п.** со значением ‘превосходства’: *Всем женихам жених, Всем женам жена.* Например:

[Виктор:] *Эх, и жена у меня.* ***Всем женам жена!*** (А.Афиногенов, Ложь, с. 193.)

Модель **имя сущ. (местоимение) в им.п. + не + имя сущ. в им.п.** со значением ‘сомнения, неопределенности’: *Дурачок не дурачок, Глупый не глупый, Я не я.*

Модель **имя сущ. в им.п. + есть + имя сущ. в им.п.** со значением ‘утверждения’: *Факт есть факт*. Например:

[Бусыгин:] *Но* ***факт есть факт****. Отца своего я не знал, а моя мать живет в Челябинске. Твой отец там никогда не был. Я обманул его.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 145.)

Модель **имя сущ. в им.п. + имя сущ. в тв.п.** обычно распространяется единицей предложенческого уровня со значением ‘противопоставления’. Ср.:

[Угаров:] ***Смех смехом****, а где же действительно взять три рубля?* [Анчугин:] *Фуфайку мою толкнуть? Новая.* [Угаров:] *Или часы. Черт с ними!* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 293.)

[Хороших:] *Нет, Илья, ты послушай* (о Мечеткине). ***Дурак дураком, а дело говорит.*** (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 360.)

[Валерия:] *Еще бы. Каждому – по заслугам. Так что не надейтесь.* ***Дружба дружбой, а служба …*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 207.)

В первом предложении распространитель предложенческого уровня со значением ‘противопоставления’ не является стационарным. Второе и третье предложения – *Дурак дураком, а дело говорит; Дружба дружбой, а служба службой* – целиком и полностью стационарны.

– Да что такое? Что вы здесь говорите? – солидно вскричал приглушенным басом Балабанов… ***Демократия демократией****, но я не позволю, хоть вы и заслуженный режиссер!* (Ю.Бондарев, Игра, № 2, с. 87.)

Модель **детерминант в дат.п. + не + предложно-падежная форма имени.** В данной модели стационарный участок – **детерминант в дат.п. + не**; лексически относительно свободный – **предложно-падежная форма**: *Нам (не) по пути, Мне не до тебя (вас)! Мне не к спеху.* Например:

[Демин:] *... Долг твой я этому проходимцу отдал. Теперь мне должен будешь…* [Митя:] *И это зря. Отдать смогу не скоро.* [Демин:] ***Мне не к спеху**, подожду.* (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 65.)

Другая частотная модель – **вопросительные предложения с местоимением *Что* и местоименным наречием *Как*.** Стационарность этой модели выражается в: а) вопросительной интонации; б) значении ‘неопределенности’, ‘незнания’; в) повторяемости начальных ***Что***, ***Чего*** и ***Как***. Данная модель имеет несколько разновидностей.

1. Модель **Что такое (значит) + имя сущ.** или **инфинитив?** как ‘чисто познавательный вопрос’: *Что такое любовь (справедливость, братство, дружба)? Что значит любить (трудиться)?* В данной модели стационарный участок – **Что такое/значит**; свободный – **имя** или **инфинитив**.

2. Модель **Что такое (случилось)?** В ней, в отличие от модели 1, стационарный участок – **Что**; лексически относительно свободный – **такое (случилось).** В плане семантики первая модель – просто ‘познавательный вопрос’, вторая – ‘проявление или интереса, или озабоченности, или тревоги’.

[Макарская:] *... Подожди, у тебя на какой сеанс билеты?* [Васенька:] *На последний, на десять часов… А что?* [Макарская:] *На десять? Ты с ума сошел? ...* [Васенька:] ***Что случилось? (= Что такое?)** У тебя свидание?* (А.Вампилов, Старший сын, с. 127.)

[Нина:] ***Что такое? (= Что случилось?)** ... Кто нашелся? Какой брат?* (А.Вампилов, Старший сын, с. 96.)

3. Модель **Что + имя в род.п.?** в значении ‘вопроса-"проявления интереса"’: *Что нового (новенького)? Что хорошего?*

4. Модель **Что за + имя сущ. в им.п.?** со значением ‘непонимания, неодобрения’, в котором содержится и оценка, например: *Что за шум? Что за разговоры? Что за церемонии? Что за характер?*

5. Модель **Чего тебе (надо, хочешь)?**

[Полина Матвеевна:] *Капитолина!* [Капитолина (подходит к ширме, кричит):] ***Чего тебе?*** (А.Вампилов, Несравненный Наконечников, с. 455.)

Ср. : *Чего тебе? = Чего надо? = Чего хочешь?*

6. Модель **Как + имя сущ. в им. п.?** как ‘вопрос-"проявление интереса"’*: Как дела? Как жизнь? Как семья? Как дети? Как работа?* и т.п.

[Горчаков:] ***Ну, как дела,*** *Сероштанов? ...* ***Как жизнь?*** (А.Афиногенов, Ложь, с.196.)

Стационарность данной модели не только в: 1) вопросительности и 2) повторении начального **как**, но и 3) характере запроса: *хорошо*, или *плохо*, или *так себе*.

Предложения, построенные по этой модели, имеют множественную ситуативную закрепленность и часто осложняются эгоцентрическими [об эгоцентрических словах см.: Степанов 1985] распространителями, например: *Как (Ваши, твои, его, ее) (сейчас) дела?*

Фразеологизированность структурной схемы предложения нередко обусловливает невыводимость смысла предложения из смысла составляющих его слов. Данная модель, в терминологии Н.В.Черемисиной, **мертвая** [1982а: 156], непродуктивная и реализуется в предложениях, состоящих из лексем и фразеологизмов, обладающих идиоматической ситуативно-стационарной семантикой; семантика этих предложений вполне понятна. Например: *Добро пожаловать! Милости просим! Как*

бы не так! Так точно. Никак нет. Есть! Еще бы! Ладно. Хорошо. Идет!(?) Ей-богу?(!) Слава богу. Конечно. К черту! Ай да! Баста! Дудки! Ну-ка! Алло! Полноте! Вот оно что! Вот это да! Увы! Ура! Эх! Ничего! Неужели! и др.

Эти стационарные предложения представлены отдельными лексически неварьируемыми словоформами и сочетаниями слов, закрепившими за собой в системе языка коммуникативную функцию, и, соответственно, облечены интонацией предложения. В диалоге они выражают утверждение и отрицание, согласие и несогласие, волеизъявление, призыв к действию, к вниманию, различные эмоции, выступают как "чисто познавательный вопрос".

б. Стационарный эллипсис

Стационарный эллипсис – это разновидность конситуативной неполноты. Стационарные эллиптические структуры – это типизированные конструкции разговорной речи, закрепленные за породившей их ситуацией. В стационарных эллиптических предложениях синтаксический каркас, привязанный к определенной ситуации, неизменен. Именно поэтому стационарные эллиптические структуры, как правило, понимаются однозначно даже вне какого-либо контекста и ситуации, тогда как нестационарные эллиптические структуры лишены этого свойства.

Стационарные эллиптические структуры в разговорной речи могут функционировать и в полном варианте, но полные варианты, как правило, нечастотны, ибо "... подобные опущения того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляют норму языка и объясняются законом всякой нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил" [Пешковский, 1956: 138-139].

Таким образом, стационарный эллипсис – это прежде всего результат "стремления к наименьшей затрате сил" [Балли, 1961: 322]. В ряде случаев эллипсис – это также результат интенсивной эмоции. Под влиянием чувства радости, удивления, страха, то есть какой-либо эмоции, логическое высказывание сжимается в восклицательную форму [см.: Балли, 1961: 323]. Приведем несколько примеров стационарного эллипсиса из драматургии:

[*Зилов:*] ***Сколько с меня?*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 212.)

Сколько с меня? = *Сколько с меня требуется денег?*

В данном примере эллипсис – результат "экономии сил".

[Таня:] *Я опоздала…* (Подходит к Колесову.) *На пять минут…* (Прощается.) (Молчание.) (Чувствует неладное.) ***Что с тобой?*** (Молчание.) ***Что-нибудь случилось?*** (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 56.)

Что с тобой? = *Что происходит с тобой?*

Опущение слова *происходит* – это еще и следствие эмоциональной напряженности.

[Бусыгин:] … (Появляется Сильва.) ***Ну как?*** [Сильва:] *Пустые хлопоты. Звонил в три квартиры.* [Бусыгин:] ***Ну и что?*** [Сильва:] *Никто не открывает. Боятся.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 81.)

(Репников появляется с букетом цветов и бутылкой вина. Он в отличном расположении духа.) [Репников:] ***Ну как?*** (Останавливается.) *Мм … запах божественный! Как он? Уже готов, не правда ли?* (про обед – Л.М.) (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 30.)

Ну как? *= Ну как обстоят дела?*

[Сергей (узнал мальчишку):] *Старый знакомый, здорово.* [Мальчик:] *Здравствуйте, я вас тоже запомнил.* (Девочке.) *Знаешь, у него за один раз двое детей родилось.* [Девочка:] *Это интересно.* [Мальчик:] ***Как они у вас****, ничего себе?* [Сергей:] *Процветают.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 328.)

Как они у вас? *= Как они у вас поживают (+ чувствуют себя)?*

[Окаемов:] *... Ступайте. И как будто вы ничего не знаете.* [Мотя:] *Ах, они! Обидели!* ***Ну, уж я им!*** *Я дознаюсь кто!* (Выходит.) (А.Афиногенов, Машенька, с. 28-29.)

Ну, уж я им! *= Ну, уж я им покажу!*

В данном случае эллипсис – это результат проявления чувства возмущения.

2. Комбинированная модель

Комбинированная модель – это фразеологизированная модель, дополненная стандартными распространителями (например: ***Да здравствует*** *солнце (мир, свобода)****!*** ***Перестань*** *паясничать (дурака валять, толкаться, дразниться, чепуху молоть, ногами болтать, в носу ковыряться* и др.*)* Стационарные предложения, построенные по комбинированной модели, продуктивны.

3. Свободная модель

В системе стационарных предложений встречаются такие синтаксические построения, в основе которых лежит свободная модель. Этот класс стационарных предложений, класс свободных синтаксических построений, делится на два подкласса:

лексически свободные и **лексически фразеологизированные стационарные предложения**.[4]

а. Лексически свободные стационарные предложения

Данный подкласс стационарных предложений близок к классу производных предложений русского языка, ибо в них наблюдается синтаксическая и семантическая расчлененность. Однако, в отличие от производимых предложений, они не образуют синтаксической парадигмы и воспроизводятся в процессе общения в одной модально-временной форме. Благодаря частотности употребления они стали воспроизводимыми. Это такие предложения, как *Не хочу, Не могу, Не знаю, Поехали, Взяли, Я тебя (вас) (не) понимаю, Догадываюсь, Не шути* и др. Приведем примеры из драматургии и прозы:

[Митя:] *На Вечернюю зарю поставили?* [Второй игрок (подозрительно):] *С чего это вы взяли?* [Митя (с улыбкой):] ***Догадываюсь.*** (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 62.)

Догадываюсь – определенно-личное предложение, регулярная реализация двусоставного предложения, структурная схема его: $N_1 – V_f$. Семантика предложения равна семантике глагола.

… Крымов сказал почти весело:

– Садитесь и не пугайте меня, ради всего святого, Иван Ксенофонтович! И очень хорошо, что нас трое. ***Мне повезло.*** (Ю.Бондарев, Игра, № 2, с. 85.)

[4] В основе классификации лежит такой признак, как выводимость/невыводимость общего смысла стационарного предложения из значений конструирующих его слов.

Мне повезло – односоставное безличное двукомпонентное предложение, структурная схема: Vf_{3s}. Смысл предложения организуется из значения входящих в него слов.

б. Лексически фразеологизированные стационарные предложения

Этот подкласс свободных синтаксических построений в системе стационарных предложений характеризуется высокой лексической фразеологизированностью, иначе говоря, это фразеологизмы-предложения. Они соотносимы с фразеологизмами, поговорками, пословицами. Данный подкласс стационарных предложений представлен такими высказываниями, как *Ты (Вы) кашу заварил(-и), ты (Вы) и расхлебывай(-те), Не валяй (-те) дурака, Хватит (тебе, вам) валять дурака, Не поминай (-те) лихом, Держи(-те) карман шире, Игра (не) стоит свеч, Легок на помине, Возьми(-те) себя в руки* и др. Все эти стационарные предложения отличаются от описанных выше лексически свободных стационарных предложений семантической невыводимостью смысла целого из значения конструирующих их слов.

Проиллюстрируем подкласс лексически фразеологизированных стационарных предложений примерами из драматургии.

(Звонок. Леонид спешит открыть. Входит Нина.) [Леонид:] *О! **Легки на помине**. Чем вы встревожены?* (А.Афиногенов, Машенька, с. 27.)

Легки на помине. *= Только вас вспоминали, и вы пришли.*

Во "Фразеологическом словаре русского языка" дается следующее толкование фразеологизма *легок на помине*: "появляться как раз в тот момент, когда о нем говорят или думают" [1986: 221]. Смысл предложения даже потенциально

не равен сумме значений составляющих его слов. Оно (предложение) сродни фразеологическому сращению. *Легок на помине* – аналог двусоставного предложения *Ты легок на помине*, иначе говоря, *Ты вовремя появился/пришел*, в основе которого лежит структурная схема: $N_1 – V_f$.

[Сердюк (к Лапченко):] ‹…› *Ты на какой машине работаешь? Венец человеческого ума… Образец гения! ... Следовательно, и сам образцом являться должен. А ты как реагируешь? Курсы проходишь? Лекции слушаешь? Самостоятельно растешь? Ни хрена! Каким был, таким остался…* (Помолчав.) ***На ус мотаешь?*** [Лапченко:] *Стремлюсь.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 283.)

На ус мотаешь? = *Прислушиваешься? + Понимаешь? + Запоминаешь?*

Мотать на ус означает "принимать к сведению, брать на заметку, хорошенько запомнить что-либо" [Фразеологический словарь русского языка 1986: 255]. Сумма значений компонентов предложения не равна результативному значению стационарного предложения, которое сроди фразеологическому единству. *На ус мотаешь?* – аналог определенно-личного предложения, структурная схема: $N_1 – V_f$.

Заметим, что Н.Ю.Шведова определенно-личные предложения считает регулярными реализациями двусоставного предложения [см.: Грамматика современного русского литературного языка 1970].

[Сердюк:] *... (К Лапченко.)* ***Смотри у меня!*** ... (Быстро уходит.) (А.Арбузов, Иркутская история, с. 286.)

Стационарное предложение *Смотри у меня!* напоминает фразеологическое единство, которое характеризуется потенциальной выводимостью смысла сочетания слов из переносного значения составляющих компонентов. *Смотри у меня! –*

аналог определенно-личного предложения, структурная схема: $N_1 – V_f$.

В заключение следует отметить, что все рассмотренные модели стационарных предложений (фразеологизированная, комбинированная, свободная), за исключением мертвой, являются живыми моделями и могут служить исходной платформой для осмысления, запоминания и последующего использования данных моделей при продуцировании речи.

Подобная классификация важна, ибо это "… и способ постижения объекта, и способ организации материала для подачи в аудитории, в том числе иностранной" [Величко, 1996: 7].

Таким образом, "… грамматика составляет фундамент языка" [Золотова, 2004: 309]. Под грамматикой, однако, Г.А.Золотова имеет в виду не парадигму склонения, спряжения и прочие школьные правила, а "… учение о структуре языка, которая служит выражению коммуникативного смысла" [там же].

Среди стационарных предложений обширный и употребительный класс составляют единицы, которые не структурируются, так как не имеют лексических вариантов. Это так называемые междометные высказывания: *Эх! Ух ты! Ни-ни-ни!* и др. [см.: Блохина, 1990].

Вопросы и задания

1. Дайте определение стационарных предложений.
2. Перечислите коммуникативные единицы, от которых следует отграничивать стационарные предложения.
3. Назовите основные грамматические признаки стационарных предложений. Проиллюстрируйте на примерах.

4. Перечислите основные типы структурных моделей в системе стационарных предложений. Приведите по два примера на каждый тип.
5. Что такое стационарный эллипсис? Приведите примеры и употребите в диалоге.

1. **Выделите стационарные предложения, разыграйте их в диалоге:**

   Встретимся завтра; Ты кашу заварил, ты и расхлебывай; Я не смогу тебе помочь; Хватит валять дурака; Приходи – обсудим; Не поминайте лихом; Она, бесспорно, хороша; Держи карман шире; Ты, как всегда, прав; Я справлюсь; Игра не стоит свеч; Посмотри в окно; Легок на помине; Радуйтесь; Возьми(-те) себя в руки; Ты сможешь справиться сам.

2. **Приведенные ниже стационарные предложения распределите (где возможно) по моделям: фразеологизированной с выделением фразеосхемы и стационарного эллипсиса, комбинированной и свободной.**

   Да скроится тьма! Тоже мне поддержал! Ну и ну… Всем учителям учитель; Перестань мурлыкать! Я тебя люблю; Не боюсь; Накажу; Что с тобой (вами)? Ты только не дерись… Вот как? Ну и что? Букет как букет… Смотри у меня… Не паясничай! Никогда не жалей(-те) об ошибках. Ума не приложу; (А) Я знаю? (Ну и) Хорошо; (И) Слава богу; Ну и ладненько; Не понимаю; Вы (ты) о чем? То есть? Что такое? От судьбы не уйдешь; Чему быть, того не миновать; Как тебе не стыдно; Ни стыда у вас (тебя),

ни совести; Как ты (вы) мог(-ла, -ли); (Одну) Минутку; Подожди(-те); Я вас (тебя) прошу; Сделай(-те) одолжение… Ради бога; Черт бы их (его, ее) побрал! Чтоб они (он, она) провалились(-ся, -ась)! Пропади они (он, она) пропадом! Чтоб им (ему, ей) пусто было! Что случилось? В чем дело? Что-нибудь случилось? Что ты (вы) говоришь(-ите) (мелешь,-ете/несешь,-ете)? Не падай (-те) духом; Держись(-тесь); Возьми(-те) себя в руки; Может быть; (Ну) Кто тебя (вас, его, ее) знает; Куда ты (вы) суешь(-те) свой нос? Зачем (Что) (Чего) ты (вы) лезешь(-ете) не в свое дело? Час от часу не легче; (Чем) Дальше в лес, (тем) больше дров; Елки-палки; Хорошо! Прекрасно! Чудесно! Отлично! И это все? Всего лишь? Подумаешь! Ну и что? Не беда; Велика беда! Велика важность! Большое дело! (Я) Уверен(-а). Бьюсь об заклад; Так дело не пойдет; Так нельзя. Ничего не получится; Что делать? Как быть? Не откажусь; Не беспокойся(-тесь).

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

На возможность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения обратил внимание еще в начале 50-х годов XX века Э.Бенвенист. "Язык является языком субъекта, инструментом его действия и практического отношения к внешнему миру, способом воздействия на людей", – заявляет сегодня В.М.Шаклеин [1999: 507]. Однако язык социален по своей сути: "... происхождение и преобразование языка никогда не принадлежат одному человеку, но только – общности людей; языковая способность **покоится в глубине души каждого отдельного человека, но приводится в действие только при общении**" [Гумбольдт, 1985: 381; выделено нами – Л.М.].

Язык функционирует в социальной среде, и социальные факторы влияют на функционирование и развитие языка. "Язык обслуживает общество во всех его сферах, является отражением общественного сознания, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни и, наконец, сам создается и формируется обществом. Более того, люди, используя язык в своей общественной практике, по-разному относятся к языку, к одним и тем же языковым явлениям и, предпочитая одни, отвергают другие" [Швейцер, Никольский, 1978: 11].

Частотность – фактор социальный. Частотность той или иной конструкции, формы слова – это факт социального предпочтения. Именно частотность употребления в речи готовых воспроизводимых единиц языка в их постоянной комбинаторике и постоянном значении привела к образованию речевого стереотипа/стандарта или, в терминах В.В.Красных, **стереотипа-представления** [1999: 270].

Понятие "социальный стереотип" принадлежит У.Липпманну. "Стереотип, – пишет У.Липпманн, – есть средство, с

помощью которого изображается мир и который (стереотип – Л.М.) "решает" в каждый данный момент, что человек должен делать. Таким образом, мы противостоим не миру как таковому, а миру, созданному имеющимися в голове образами" [Языковое сознание: стереотипы и творчество 1988: 97]. В.В.Красных под стереотипом понимает "некий инвариант поведения, инвариант деятельности" [1999: 266].

Внешними характеристиками стереотипа, по У.Липпману, являются устойчивость, ригидность, усвоение личностью "социально санкционированной информации", связь теоретического уровня общественного сознания с обыденным/эмпирическим уровнем [см.: Языковое сознание: стереотипы и творчество 1988: 98].

Речевое поведение говорящего определяется "комплексным ситуационно-тематическим фактором" [Лаптева, 2003: 56]. Ситуации и аспекты взаимодействия людей в их повседневной жизни часто повторяются и потому стереотипны. В свою очередь, повторяемость и стереотипность жизненных ситуаций привели к образованию целых стереотипных высказываний, которые в лингвистической литературе называются и **предложениями-формулами** (О.Есперсен), **шаблонными фразами** (Л.П.Якубинский), **устойчивыми формулами общения** (Н.И.Формановская), **фразеологизированными** (П.А.Лекант), **нечленимыми** (В.Ю.Меликян) или **стационарными предложениями** (А.М.Пешковский, Н.В.Черемисина, Л.Б.Матевосян).

С другой стороны, частотность употребления данных "речений" определяется тем, что они в виде готовых фраз имеются в "ассортименте словарного, фразеологического мышления" [Поливанов, 1968: 59] или внутреннего лексикона людей для выражения определенных идей. Они сосуществуют в сознании носителей языка в виде готового, заранее (до общения) данного набора, из которого говорящий делает выбор в зависимости от

задач, условий, ситуации общения. Иначе говоря, стереотип-ситуация предопределяет стереотип поведения и стереотип представления, то есть речевой стереотип, который хранится "в сознании человека в виде *фрейм-структур*" [Красных, 1999: 270][5]. Так, стереотип-ситуация "*транспорт – билет*" рождает стереотип поведения: "*обращение к ближайшему пассажиру*" с устойчивой фразой *Пробейте/Прокомпостируйте/Передайте, пожалуйста, ...*[6] и т.д. [см.: Красных, 1999: 270].

Языковое сознание многопластово. В.В.Красных в языковом сознании выделяет следующие слои/пласты: 1) мифопоэтический; 2) стереотипный; 3) информационный; 4) метафорический. "Стереотипный слой/пласт представлен собственно стереотипами-представлениями, как образами, так и ситуациями, с данными образами связанными" [Красных, 2004: 121].

Таким образом, стереотипный слой/пласт, наряду с мифопоэтическим, информационным, метафорическим, является **составляющей структуры языкового**, или "**лингвокультурного**" (Н.В.Уфимцева), **сознания**.

Механизм образования стереотипных высказываний, или стационарных предложений, определяется тем, что множественное повторение в общении однотипных речевых ситуаций приводит к тому, что коммуникативные единицы, типизированно обслуживающие такие ситуации, воспринимаются как "связанные" устойчивые формулы. Это было замечено еще Л.П.Якубинским. В работе "О диалогической речи" он пишет: "Наш повседневный быт заполнен повторяющимся и шаблонным; в общей сумме наших взаимодействий с другими людьми

[5] "Фреймовая гипотеза" об устройстве человеческих знаний о мире принадлежит американскому специалисту в области искусственного интеллекта М.Минскому [1978].

[6] Данные высказывания могут не восприниматься как стереотипные в тех городах России, где билеты компостируются при посадке.

весьма изрядная часть принадлежит шаблонным взаимодействиям; но наши взаимодействия, каковы бы они не были вообще, всегда сопровождаются речевым взаимодействием, речевым обменом, и, соответственно этому, шаблонные взаимодействия обрастают шаблонными речевыми взаимодействиями…" [1923: 167]. И дальше: "Говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора" [там же: 175].

Стереотип мышления навязывается социальной структурой и находит отражение в поведении человека, в частности, в речевом поведении. Речевое поведение, как правило, адекватно отражает реальный мир – определенную социальную структуру с определенным типом мышления.

Появление стационарных предложений обусловлено прагматикой языка, его направленностью на общение, которая вызывает потребность в стандарте. Роль стационарных предложений в процессе общения велика. В.М.Соковнин в интересной работе "О природе человеческого общения" пишет: "Очевидно, стандартизация, понимаемая как процесс установления стереотипов в предметной деятельности и человеческих отношениях, является одним из общих принципов построения организованных социальных систем" [1974: 105]. Это же подчеркивает В.П.Левкович: "Чтобы функционировать как единое целое, как сложная социальная система, общество должно установить такие рамки поведения индивидов, в которых это поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся" [1976: 212].

Сегодня стационарные предложения получили психологическое объяснение и обоснование в так называемой стереолингвистике. Стереолингвистический подход – это такой подход к языковым явлениям, который основан на идее восприятия

высказывания слушающим в зависимости от близости его (высказывания) к телу (соме) говорящего. Согласно стереолингвистическому подходу, человек живет в четырех концентрических сферах. Французский лингвист Ж.Дюрен, основоположник стереолингвистики, называет их **сферами когниции** или **когнитивными подмирами**. Сфера первая – сфера единичного, или актуального. Сфера вторая – сфера частного, а также неактуального, обычного. Этот когнитивный подмир характеризуется привычным, каждодневным поведением говорящего. Сфера третья – сфера общего. Данный подмир, огромный по своим размерам, "претендует" на универсальность. Четвертую, нолевую сферу, самую близкую к телу человека, Ж.Дюрен называет **ситуационной** [см.: Дюрен, 2002: 275-276]. Свои "соображения" Ж.Дюрен дает в виде диаграммы с общеизвестным рисунком Леонардо да Винчи в центре [там же: 277]:

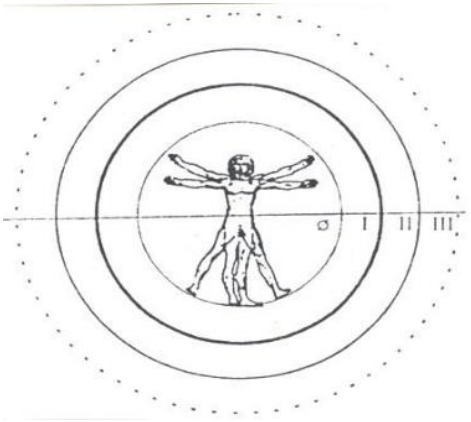


Рис. Четыре сферы когниции

0 сфера ситуационного, инфрасинтаксического

I сфера единичного, актуального

II сфера частного, неактуального, обычного

III сфера общего, всевременного, универсального

Сам Ж.Дюрен, отмечая эвристический характер своего подхода, считает, однако, что "... благодаря ему можно обратиться по-новому к решению разных вопросов и в области филогенезиса человека, и в области онтогенезиса, и в области психологии, и в области лингвистики" [там же: 277]. Именно стационарные предложения (*Вот как?! Не ломай голову!*), не поддающиеся членению, привели Ж.Дюрена к открытию четвертой, нолевой сферы, самой близкой к соме (телу) человека: "Время-пространство сферы нолевой сужено почти до точки; пространство – это место, занятое данной сущностью или носителем данного свойства, и непосредственная его близость; время – это данное мгновение, без всякого осознаваемого прошлого или будущего. Человек, только что наступивший на кнопку босой ногой и испустивший крик или громкое ругательство, дает представление о речевом (и неречевом) поведении в рамках сферы нолевой" [там же: 275].

При выделении нолевой сферы когниции Ж.Дюрен опирается на идеи французского психолога А.Валлона, который противопоставляет уму дискурсивному/речевому практический ум [Wallon, 1982: 264-265] и в качестве его (практического ума) иллюстрации приводит следующий пример: шимпанзе видит висящий банан, кричит, жестикулирует – и вдруг подтаскивает ящик, вскарабкивается на него и хватает банан, однако, если банан и ящик не оказываются одновременно в поле зрения шимпанзе, он не находит правильного решения. Встречаются особи, которые вообще не умеют находить его.

Стационарные предложения имеются в виде готовых фраз в ассортименте словарного мышления человека, но всплывают в памяти в определенной конкретной ситуации (ситуация выполняет функцию ящика в примере А.Валлона), **а у некоторых людей не возникают в голове вообще, ибо объем оперативной памяти человека невелик и у разных**

людей различен. Стационарные предложения являются непроизвольной реакцией на внешний раздражитель – с и т у а ц и ю. Ситуация выполняет роль условного рефлекса.

Действительно, весьма существенной особенностью характера людей является то, что при некоторых обстоятельствах совершаемые ими действия происходят в силу автоматизма, то есть без предварительного обдумывания, часто вопреки объективной логике. Однако автоматизм в действиях людей – это не только и не столько следствие биологических обусловленностей, сколько результат социального воздействия на личность. Биологическое здесь проявляется в "редуцированной социализированной форме" [Педагогика высшей школы 1972: 121]. Стереотипность мышления и речевого поведения обусловлена, очевидно, боязнью человека/людей остаться в "изоляции".

Эволюция языка и мышления происходила в тесной взаимосвязи. Изучение взаимоотношения языка и мышления продолжает оставаться в центре внимания лингвистов (Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева и др.). Важное место при изучении этой проблемы по-прежнему отводится гипотезе Сепира-Уорфа, которая, хотя и подверглась сокрушительной критике, ввела в научный обиход новую исследовательскую парадигму – "… анализ когнитивных процессов путем сопоставления языков, представляющих кардинально разные культуры" [Василевич, 1993: 163], и "продолжает волновать человеческий ум" [Мечковская, 2000: 65].

Несмотря на специфику конкретных языков, языкознание использует для их описания во многом сходную модель. Сходство моделей описания задается не только априорно, дедуктивно, но и конкретным материалом отдельных языков. Еще И.А.Бодуэн де Куртенэ утверждал: "... все настоящие науки являются естественными ‹…› и, если претендуют на

настоящую научность, должны следовать индуктивному, а затем дедуктивному методу" [1963: 278].

В. фон Гумбольдт считает конечной целью сравнительного языкознания "... тщательное исследование разных путей, какими бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу создания языка" [1985: 47], ибо, по его же, на наш взгляд, убедительному мнению, "... не только элементы языка, но и сами языки подчиняются часто законам общей аналогии" [там же: 348]. Разговорный стандарт, на наш взгляд, одна из таких аналогий. Сравнение языков "по всем мыслимым законам аналогии" [там же: 346] позволит осмыслить и выявить механизм взаимодействия мышления и языка в процессе речевой деятельности. Основная трудность любого обучения, в том числе и обучения языкам, – это умение выработать у обучающегося способность в нужный момент призвать на помощь "памяти" правила.

Вопросы и задания

1. Что такое "социальный стереотип"? Кому принадлежит термин?
2. Что такое речевой стереотип по Л.Якубинскому?
3. Кому принадлежит термин "языковое сознание"? Перечислите пласты языкового сознания.
4. Охарактеризуйте стереотипный пласт языкового сознания.
5. Кто автор стереолингвистики?
6. Дайте психолингвистическое обоснование стереотипного пласта языкового сознания по Ж.Дюрену.
7. Докажите рефлекторную природу стереотипного пласта языкового сознания.

8. Какой термин вам больше нравится: "языковое сознание" или "лингвокультурное сознание"? Обоснуйте свой выбор.

1. **Ваша подруга вернулась с экзамена. Какой вопрос вы ей зададите (используйте модель** *Как + им.п. имени сущ.)?*

2. **Ваш друг по вашему совету читает книгу. Поинтересуйтесь его мнением, воспользовавшись моделью** *Как + им.п. имени сущ.*

3. **Вы испекли пирог и угощаете им своих друзей. Поинтересуйтесь, понравился ли им пирог (используйте модель** *Как + им.п. имени сущ.***).**

4. **Ваша подруга восхищается весной, концертом, угощением, организованной другой подругой. Выразите свое негативное отношение, воспользовавшись моделью** *Имя сущ. как имя сущ.*

5. **Ваше окружение положительно оценило оказанную вам помощь, поддержку, сочувствие. Выразите свое несогласие с мнением окружающих с помощью модели** *Тоже мне + глагол.*

6. **Выразите неодобрение по поводу неосуществления того, что было бы целесообразно, воспользовавшись моделью** *Нет чтобы + глагол в форме инфинитива.*

7. **Выразите желание прекратить делать что-либо нецелесообразное, использовав модель** *Перестань + глагол в форме инфинитива.*

8. **Вы на берегу моря. Поинтересуйтесь, какая вода.**

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В условиях массовой коммуникации выявление и описание повторяющихся жизненных (бытовых и эмоциональных), а следовательно, речевых ситуаций (ибо каждая жизненная ситуация сопровождается речевым оформлением) важно и целесообразно, так как наличие перечня/списка коммуникативных единиц, обслуживающих данные ситуации, поможет преподавателю-практику при обучении любому языку как иностранному.

Сравним, например, выражения приветствия в русском, армянском, английском и японском языках. В первых трех языках обнаруживается полное соответствие: приветствие охватывает широкую ситуацию (русск. *Здравствуй(-те), Привет*; арм. *Բարև Ձեզ* [*barev (dzez)*], *Ողջույն* [*vokhtʃuin*]; англ. *How do you do? Hello*) и временную ситуацию (русск. *Доброе утро, Добрый день, Добрый вечер*; арм. *Բարի լույս* [*bari luis*], *Բարի օր* [*bari or*], *Բարի գիշեր* [*bari gisher*]; англ. *Good morning, Good day, Good evening*). Японские приветствия, по наблюдениям А.А.Акишиной и К.Камогавы [см.: 1974: 9-24], отличаются большей ситуативной дробностью: они связаны с ситуациями местоположения собеседников – особые приветствия при входе в помещение, при выходе из помещения и т.п.

В русском, армянском, английском языках приветствия дифференцируются по стилям – официальный, нейтральный, дружеский. В японском языке – по степени вежливости (начиная с дружеских, фамильярных и кончая почтительными).

У каждого народа в силу национальных и культурных особенностей свое видение, своя модель мира, которая, в свою очередь, имеет "свой языковой каркас" [Василевич, 1993: 163].

"Так, например, у кавказских народов, – пишет Р.Б.Сабаткоев, – существуют строго регламентированные формы обращения, приветствия, прощания, выражения сочувствия и т.д., служащие для выражения доброжелательства, уважения и сочувствия к человеку. Некоторые из них в определенной мере отличаются от соответствующих речевых формул русского языка" [1999: 472]. "В корейском языке, – отмечает Н.Б.Мечковская, – категория вежливости насчитывает семь ступеней: 1) почтительная, 2) уважительная, 3) форма вежливости, характерная для женской речи, 4) учтивая, 5) интимная, 6) фамильярная, 7) покровительственная. Для каждой формы вежливости характерен свой набор грамматических, словообразовательных, лексических показателей. Существуют также грамматические и лексические синонимы, основное различие между которыми состоит в том, что они сигнализируют разную степень вежливости" [2000: 60-61].

Эти два "лингвокультурных типа"[7] – в духе терминологии Б.Уорфа [см.: 1960а, 1960б] – можно назвать европейским и восточным стандартом. "Язык не только продукт общества, но средство формирования его мышления и ментальности", – утверждают Э.Сепир и Б.Уорф [Митрофанова, 1999: 345]. "Если воздействие культуры на язык вполне очевидно и разнообразно, то вопрос об обратном воздействии – языка на культуру – остается открытым" [Мечковская, 2000: 61]. Современная лингвистика при решении этой проблемы старается уйти от одностороннего детерминизма к взаимному (детерминизму) и пытается найти корреляции между структурами языка и культуры.

[7] Понятие, предложенное Б.М.Гаспаровым [1977: 28]. Б.М.Гаспаров выделяет западноевропейский и восточноевропейский стандарт. Невольно вспоминаешь строки из Р.Киплинга: *"Запад есть Запад – Восток есть Восток – И вместе им не сойтись никогда".*

"При определении стереотипа обычно подчеркивают его ярко выраженную оценочность и эмоциональность" [Пищальникова, Сорокин, 1993: 96]. Эмоциональность – это свободное изъявление чувств. "Экспрессивность – общепризнанная особенность русской культуры коммуникации" [Козлова, 1999: 232]. По наблюдениям Анны Вежбицкой, для русской речи характерен высокий эмоциональный накал и богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков [см.: 1997: 33-34].

Согласно проведенным в Гарварде исследованиям русского национального характера, русские являются людьми "экспрессивными и эмоционально живыми", их отличает "общая экспансивность", "легкость в выражении чувств", "импульсивность" [см.: Bauer, Inkeles, Kluckhohn, 1956: 141]. На это обратил внимание и китайский ученый Ли Инаньнь. По его мнению, в русском национальном характере "... бросаются в глаза иррационализм, повышенная эмоциональность, аффективность и полярность ‹…›. Специфику русского характера составляет сочетание, казалось бы, несовместимых качеств, проявляющихся в яркой, аффективной форме, с резкими, непредсказуемыми сменами эмоций и настроения" [Инаньнь, 1999: 153].

Ж.Дюрен считает эмоции физиологическими реакциями, возникающими в обычных жизненных ситуациях и вызывающими "... у человека или просто крик, или высказывание в виде то одного слова, то нескольких слов" [2002: 278]. Китайский ученый Бао Хун пишет, что экспрессивность, находясь в тесном взаимодействии с эмоциональностью, модальностью и оценкой, "... непосредственно отражает особенность мышления и речи, отражает характер действительности. Экспрессивные средства оказываются гораздо ближе к изображаемым событиям, чем неэкспрессивные" [2002: 274].

Для выражения эмоционального состояния говорящего, а также для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания (одобрения, упрека, насмешки и т.п.) используется интонация (это – проявление эмоционально-экспрессивной функции интонации). Интонационное выражение эмоциональных значений и их связь со смыслом логически вытекает из гипотезы Н.М.Амосова о наличии в мозгу двух программ, по которым осуществляется переработка любой информации, – интеллектуальной и эмоциональной; в процессе мышления эти программы постоянно взаимодействуют [см.: Амосов, 1964; Черемисина, 1982б]. При этом "… интонация, – утверждает Ж.Дюрен, – обычно важнее, чем сегментный, лексико-грамматический строй высказывания". Однако "... сегментная часть подобных высказываний (больше всего из-за распространения письменных видов текстов), – продолжает Ж.Дюрен, – стала более или менее автономной по отношению к супрасегментной[8]. Стоит писателю написать фразу *Этого не хватало!!!* или *Ну и дурак!!!*, и читатель сразу "услышит" характерную интонацию огорчения и возмущения" [2002: 278]. Воспользовавшись терминологией концепции коммуникативной грамматики Г.А.Золотовой, подобные единицы в рамках реактивной функции [см.: Золотова, Онипенко, Сидорова 2003: 398] Ж.Дюрен называет **реактивными фразами** или **реактивами** [2002: 278].

Русская разговорная речь пестрит многозначными высказываниями. Многозначность высказывания, как правило, развивается на базе эмоционального переосмысления высказывания говорящим, что возможно, по образному выражению А.Н.Леонтьева, из-за "двойной жизни значений" [Леонтьев 1972: 136]: с

[8] Вернее: *суперсегментной* – Л.М.

одной стороны, значения входят в социальную память общества, с другой стороны, являются неотъемлемой частью внутреннего мира отдельного человека [см.: Леонтьев 1976: 49]. В процессе восприятия такие значения (которые имплицитно содержатся в высказывании) дифференцируются благодаря различиям в ситуациях и с помощью интонации.

Так, русское стационарное предложение *Не до тебя (вас)* указывает прежде всего на занятость. Его значение может быть интерпретировано двумя, по крайней мере, способами: 1) *'Я сейчас очень занят',* 2) *'У меня сейчас тяжело на душе'*, с общей частью: *'... и поэтому я не могу уделить тебе внимания (поговорить с тобой, заняться твоим делом* и т.д.*)'*.

В определенной конситуации *Не до тебя (вас)* может выражать недовольство:

[Виктор:] *Уйди, Афоня,* ***не до тебя…*** (А.Арбузов, Иркутская история, с. 348.)

Или *Подумаешь* в первую очередь выражает *'отношение к чему-то как не заслуживающему, с точки зрения говорящего, серьезного внимания'.* Ср.:

– У него травма! – ***Подумаешь****, небольшой ушиб.*

– Мне часы подарили! – ***Подумаешь****, часы! А у меня смартфон есть.*

Подумаешь! выражает также 'несогласие с мнением собеседника'. В определенной конситуации может выражать 'недовольство'. Ср.:

[Виктор:] *Старик, опять звонила Ирина Сергеевна. Просила передать, что она ждет твоего звонка.* [Туманский:] *Хорошо. А? Ирина Сергеевна? (Резко.) Не лезь не в свое дело!* [Виктор:] ***Подумаешь!*** *То сам просил, а то – "не лезь".* (А.Афиногенов, Машенька, с. 35.)

Неправильное понимание подобных стационарных предложений иностранцем/инофоном (если исключить фактор "интонационной глухоты" инофона) свидетельствует об отсутствии у него знаний о существовании в русском языке их переносного употребления, то есть аккумулятивная функция языка, или функция накопления общественного опыта и знаний, низведена до нуля. Другая причина – отсутствие данных значений в родном языке: например, ни во французском, ни в английском языках названные высказывания в указанных значениях не употребляются, даже как окказиональные. Более того, англичанам не свойственно "отдаваться" чувствам. По замечанию Анны Вежбицкой, англосаксонская культура – культура, которая на эмоциональное поведение смотрит без особого одобрения, с подозрением и смущением [см.: 1997: 41], "... поэтому, – пишет она, – сравнивая английский язык с русским, особенно интересно отметить, что именно русский ‹…› выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения" [там же: 44].

Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога. Дж.О'Коннор и Дж.Сеймор в книге "Введение в нейролингвистическое программирование" пишут: "Различие создается не тем, что мы говорим, а тем, как мы это говорим. Маргарет Тэтчер затратила уйму времени и усилий на то, чтобы изменить свой голос. Тон голоса и язык телодвижений определяют, будет ли слово "привет" звучать как

простое приветствие, как угроза, как подавление или как очаровательное восклицание.

Каждый из нас выражает множество оттенков смысла в ежедневных разговорах и, вероятно, имеет дюжину различных способов сказать "нет", только мы *не думаем об этом сознательно*"[9] [1998: 34-35; курсив наш – Л.М.].

Описание эмоциональных состояний и языковых средств, обслуживающих определенные "сценарии", представляется интересным, так как позволит и носителю языка интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми.

Представляется интересным также рассмотрение и трактовка знака через его включенность в деятельностные и поведенческие структуры [см.: работы Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.А.Леонтьева, а также: Клаус 1967; Morris 1946]: а) осознанное действие, б) осознанный контроль и в) автоматизированная деятельность.

Теория "культурно обусловленных сценариев" появилась лишь недавно и недостаточно известна. Сущность данной теории заключается в выявлении и описании негласных правил, помогающих быть "личностью среди других личностей". Правила подобного рода являются для той или иной культуры специфическими. Они учат, "... как думать, как чувствовать, как *хотеть* и как действовать согласно своему *хотению*,[10] как добывать или передавать знания и, что важнее всего, как говорить с другими людьми" [Вежбицкая, 1997: 393; курсив наш – Л.М.]. Так, англо-американская культура поощряет отзываться с похвалой о других людях, дабы поднять их в собственных глазах. В японской же культуре, наоборот,

[9] Правильно: *только мы не осознаем этого* – Л.М.
[10] Правильно: *желать* и *желанию* – Л.М.

похвала в лицо не поощряется, однако вызывает одобрение говорить о себе "плохо" [там же: 397-398]. В армянской культуре, по нашим наблюдениям, поощряется похвала в лицо, даже чрезмерная, других людей, однако говорить о себе "хорошо" может вызвать неодобрение, порой упрек.

Таким образом, "… характеристика лингвокультурного содержания языка на основе одного лишь объективно обусловленного семантического содержания предложения не сулит успеха так же, как и его определение на основе внутрисистемных, синтаксических отношений или же на основе лишь активности субъекта" [Шаклеин, 1999: 507]. При выявлении природы лингвокультурного содержания предложения различение "язык – речь" оказывается недостаточным – на него наслаивается дифференциация п р о я в л е н и й к у л ь т у р ы, системы не менее сложной, чем язык.

Выявление универсальных эмоций и описание связанных с ними слов и выражений, на наш взгляд, бесценный ключ к пониманию культур и социумов.

Стационарные предложения, как и всякий стандарт, менее информативны, чем предложения креативные. Это обусловлено тем, что первые часто повторяются в речи. Однако этот факт не уменьшает значимость их изучения, ибо стационарные предложения – это результат действия (проявления) такой функции языка, как функция овладения общественно-историческим опытом человечества (термин А.А.Леонтьева), или аккумулятивная функция – функция накопления общественного опыта и знаний (термин В.А.Аврорина) [о "функциях языка" см.: Шмелев, 1977: 10-11]. Иностранцы же расшифровать эмоционально обусловленные значения стационарных предложений без фоновых знаний, которыми обладают россияне, не могут [см.: Хамзина, 2002: 52]. Обладая смысловой самостоятельностью,

эти высказывания не могут быть правильно истолкованы вне соотнесения с фактами культуры, что подтверждает мысль, высказанную В.Н.Телия: "… "*чужая культура – это идиома*", поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и *не отрефлектировано*" [1996: 226; курсив наш – Л.М.].

Стереотипный пласт, являющийся структурной основой языкового сознания и имеющий рефлекторную природу, значится в лингвокультурном сознании носителей языка. В сознании же инофонов оно не отрефлектировано. Эту задачу, на наш взгляд, должна решать коммуникативная, а вернее, коммуникативно-когнитивная лингвистика.

Мы соглашаемся также с Г.В.Колшанским, который почти полвека назад в книге "Контекстная семантика" писал: "Результаты коммуникации, а именно достижение абсолютной однозначности в говорении и понимании, есть ‹…› итог взаимодействия лингвистических (интра- и экстрафакторов) и паралингвистических факторов" [1980: 75-76].

Многопластовость лингвокультурного сознания языковой личности может быть представлена графически:

Рис. Структура лингвокультурного сознания языковой личности
0 стереотипный пласт
1 информационный пласт
2 метафорический пласт
3 мифопоэтический пласт

Вопросы и задания

1. Что такое "лингвокультурный тип"? Как вы это понимаете?
2. Кто автор теории "культурно обусловленных сценариев"? В чем ее суть?
3. Как вы понимаете высказывание В.Н.Телия: "… "чужая культура – это идиома", поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и не отрефлектировано"?

1. Опишите и объясните ситуации употребления приведенных ниже стационарных предложений:

1) Как дела?

2) Как поживаете?

3) Как самочувствие?

2. Объясните ситуации употребления приведенных ниже форм приветствия:

1) Здрасьте!

2) Здравствуйте!

3) Привет!

4) Здорово.

5) Наше Вам (с кисточкой).

3. Объясните ситуации употребления приведенных ниже форм извинения:

1) Прошу простить.

2) Виноват.

3) Пардон.

4. **Опишите и объясните ситуацию употребления стационарных предложений:**
   1) *Спасибо.*
   2) *Благодарю.*
   3) *Спасибочки(-о).*
   4) *Премного благодарен.*

5. **Опишите и объясните ситуации употребления стационарных предложений:**
   1) *Ни в коем случае.*
   2) *Как бы не так.*
   3) *Дудки!*
   4) *Ни за что.*
   5) *Упаси бог!*

6. **Опишите и объясните ситуацию употребления стационарного предложения** *Удачи!*

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК РЕЧЕВОЙ ФЕНОМЕН

По справедливому замечанию швейцарского лингвиста Ш.Балли, "… для каждого из нас язык, которым он пользуется ежеминутно и на котором выражает свои самые сокровенные мысли, является богатейшим источником самого достоверного лингвистического материала" [1961: 38]. Таким источником является разговорная речь: "… все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи" [Щерба, 1957: 116]. "Воистину, – пишет О.А.Лаптева, – настала пора конкретизировать мысль Л.В.Щербы, высказанную много десятилетий тому назад применительно к разговорной речи, – о ее роли как **кузницы языковых изменений**" [2002: 345; выделено нами – Л.М.].

Ф. де Соссюр отмечал, что "... наилучшим способом выделить единицы языка является именно **анализ речи**, **выступающий в виде регистрации языка**, поскольку мы не имеем возможности изучать то, что происходит в клеточках нашего мозга" [Слюсарева, 1975: 14; выделено нами – Л.М.].

Стационарные предложения живут полнокровной жизнью именно в разговорной речи, в частности, в таком жанре разговорной речи, как диалог. Закрепленность стационарных предложений за разговорной речью является одной из важнейших их особенностей. Однако изучение стационарных предложений производилось нами и на материале русской драматургии и прямой речи персонажей русской прозы, то есть исследовалась письменная форма русской разговорной речи.

Известно, что многие исследователи пришли к выводу "... о принципиальных различиях естественной разговорной речи и ее отображения в художественной прозе" [Сиротинина,

1974: 12]. Несомненно, форма речи – письменная или устная – во многом предопределяет и комбинации языковых средств. Применительно к языку драматургии и речи персонажей в прозе принято иногда говорить о стилизации под разговорную речь. Однако при изучении стереотипных высказываний/стационарных предложений (стандарта) этот фактор, на наш взгляд, не играет решающей роли.

М.К.Милых пишет: "Из всех форм прямой речи, используемых в художественной прозе, диалог в наибольшей степени отражает особенности бытового разговорного языка" [1956: 165]. В пьесе и драме, несомненно, представлен художественный диалог. Однако каждый писатель и драматург стремится приблизить речь своих персонажей к естественной разговорной речи, сделать ее максимально достоверной. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров из драматургии и прозы:

[Марина (Калошину, панически):] ***А ну поднимайся!...*** ***Поднимайся, и чтоб духу твоего здесь не было! Вставай немедленно!*** [Калошин:] ***Нет, нет! Ни в коем случае.*** [Марина:] ***Ты что же, подняться не можешь?*** [Калошин:] ***Не могу.*** (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 268.)

[Алексей (сухо):] ***По части знаменитости – это у меня дядя. А мне пока мало что удается.*** [Аннушка (горячо):] ***Неправда!*** *Папка говорит, что вы будете такой же, как Павлов.* ***А уж папка-то знает.*** (Лицо Алексея резко меняется.) (Отступает.) ***Я обидела вас?*** (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 420.)

(Федор снимает с ящика брезент. В клетке попугай.) [Федор:] ***На, держи!*** [Вася:] ***Так и знал!*** [Федор:] ***Будь он проклят!*** *Всю дорогу в руках его держал, боялся, чтоб не*

простудился. ***Да ты никак не рад?*** [Вася:] ***Нет, я очень рад… Только я думал...*** [Федор:] *Что обезьяну привезу?* [Вася:] *Нет, я думал, что ты мне макет вашего завода привезешь.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 85.)

[Леонид (ошеломленный, смотрит на Окаемова):] ***Боже мой! Что вы наделали!*** *Я побегу к Маше, я скажу ей, все равно ее приведу!* [Окаемов:] ***Не надо. Все сказано. Все понято.*** *До конца...* (А.Афиногенов, Машенька, с. 62.)

[Катя:] ***Алло. Его нет дома. А что передать? Хорошо, обязательно***. (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 33.)

[Валя (помолчав, вдруг засмеялась):] *Я замуж, Витька, решила идти*. [Виктор:] ***Не смеши...*** *За кого?* [Валя (с вызовом):] *А хоть бы и за тебя?* [Виктор:] ***Да... Вот бы смеху было.*** [Валя:] ***Что же смешного?*** [Виктор:] ***Да брось ты... Не было печали. Нам с тобой и так весело.*** (Обнимает ее.) ***Я к тебе сегодня попозже зайду…*** *Только ты свою чулиду в кино отошли – на последний сеанс.* [Валя:] ***Ладно.*** [Виктор:] *Скажи, картина интересная...* ***Скажешь?*** [Валя:] ***Скажу.*** [Виктор:] ***Вот и порядок.*** (Потрепал ее по щеке.) *Я побежал, а то от бати влетит.* (Уходит.) [Валя (одна):] ***Вот бы смеху было.*** (А.Арбузов, Иркутская история, с. 298.)

*– **Скажите**, Иван Ксенофонтович, – спросил он смиренно, – мой фильм официально приостановлен Вами или высшей инстанцией? – **Это сложный вопрос**, – загудел Балабанов... – Сложный вопрос, потому что вы сами знаете, как сложились обстоятельства. Есть законы юриспруденции, расследование,* ***как вы понимаете...***

*– **Понимаю**, – сказал Крымов... – **И вы так считаете**, товарищ Пескарев?* (Ю.Бондарев, Игра, № 2, с. 86.)

Частотность стационарных предложений в диалоге не удивляет, ибо именно "… диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и – шире – **как форма существования языка**" [Валюсинская, 1979: 300; выделено нами – Л.М.].

Еще Л.В.Щерба указывал, что "... подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге" [1915: 4]. Если, как известно, целью языковой деятельности является коммуникация между членами коллектива, то представление о коммуникации, взаимодействии, контакте мы связываем именно с диалогом. "Ситуация, неотъемлемая от использования языка, есть ситуация обмена и диалога..." [Бенвенист, 1974: 27].

В качестве единицы диалога принято выделять диалогическое единство [см.: Шведова, 1956]. Диалогическое единство представляет собой минимальную структурно-семантическую текстовую единицу диалогической речи, соотносимую со сверхфразовым единством в прозе. Диалогическое единство состоит из двух, реже – трех или четырех предложений-реплик, тесно связанных между собой по смыслу и структурно. Именно диалогическое единство чаще всего является тем микротекстом, в котором стационарное предложение разворачивается, реализуя свое значение.

Стационарные предложения, однако, многообразны по своей структуре и лексическому наполнению; иногда для их понимания достаточно части диалогического единства, либо, наоборот, границы диалогического единства раздвигаются, расширяются. Контекст функционирования стереотипных высказываний – это речевые построения, при помощи которых говорящие создают одну мысль. Обрамлением мысли говорящих является ситуация. Лингвистическая ситуация – это "содержательный базис жизни языка в социуме". При этом

"функционирование языка в социуме не только ситуационно определено, но и ситуационно оформлено" [Принципы описания языков мира 1976: 150].

Закрепленность за ситуацией – другая особенность стереотипных высказываний. Стационарные предложения могут быть однозначными и многозначными, односитуативными и многоситуативными. Предложения односитуативные, как правило, однозначны. По нашим данным, односитуативных стационарных предложений в современном русском языке большинство – 79,6%.

Наибольший интерес представляют многоситуативные стационарные предложения – их 20,4%, из них 16% употребляются в трех и более ситуациях. Многоситуативные стационарные предложения могут быть однозначными и многозначными.

Стационарное предложение *Сколько вам (тебе) лет?* однозначно, но многоситуативно. Предложения речевого этикета *Доброго здоровья*, *До скорого свидания*, *До скорой встречи, Всего хорошего (лучшего, доброго, наилучшего)*, *Будь(-те) здоров(-а,-ы)* как ‘приветствие’/‘прощание’ функционируют в силу установившегося на протяжении десятилетий этикета; как ‘пожелание’ они воспринимаются, употребляясь в буквальном значении. Генетически это – усеченные формы полных предложений. Такие высказывания в одной ситуации могут выражать одновременно два значения – ‘приветствие’/‘прощание’ + ‘пожелание’.

Высказывания *Счастливо (оставаться), Спокойной ночи, Доброй ночи, Приятного (Вам, тебе) сна, Счастливого пути* в качестве только пожелания не употребляются: ‘пожелание’ вплетается в ситуацию ‘прощания’.

Предложения речевого этикета носят ритуальный характер и в буквальном значении употребляются редко. Однако Женьке, герою рассказа В.Токаревой "Зануда", присуще

"... буквальное, прямое понимание формул речевого этикета, без учета их условности, ритуальности.

"Здравствуйте" он понимал как "будьте здоровы", а "до свидания" как "до следующей встречи". Ср.: *В пять часов с работы вернулся Юра. Увидев его, Женька остановился и замолчал. – Добрый день, – поздоровался Юра. – Да, – согласился Женька, потому что считал сегодняшний день для себя добрым. Юра удивился такой форме вежливости*" [Михальчук, 2000: 189].

Другой пример:

[Дима (после покушения на него и Лизу):] *Добрый вечер!* [Макс (начальник безопасности Лизы):] *Вы это серьезно?* [Дима:] *В смысле?* [Макс:] *Вы действительно считаете, что этот вечер добрый? ‹…›* [Макс:] *Спокойной ночи!* (Из к/с “Под Большой Медведицей”, 2-я серия)

Иногда буквальное понимание многозначного стереотипного высказывания – всего лишь игра слов, например:

... Где такая сила? – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами:

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– ***Вот те раз?***

– ***Вот те два.*** *Я такой силы не знаю.* (В.Шукшин, Верую, с. 80.)

Или ответ *Сколько лет, столько и зим* на восклицание *Сколько лет, сколько зим?!* или на вопрос *Сколько тебе (Вам) лет?* Во втором случае обыгрывается многозначность слова *лет.*

Многозначность стационарных предложений развивается прежде всего благодаря их использованию во многих ситуациях. Ср.: ***Разрешите*** *представить Вам моего друга (жену...); откланяться; пройти; взять что-либо; посмотреть (эту книгу, вещь...).*

Многозначность может развиваться в многоситуативных стационарных предложений и на базе их эмоционального переосмысления.

Общеизвестно, что языковой знак обладает определенным, ясно осознаваемым значением. Ученые по-разному понимают значение: 1) значение – образ или информация (точка зрения Л.О.Резникова); 2) значение – обозначаемый предмет (так считают логики); 3) значение – отношение (точка зрения Л.А.Абрамяна); 4) значение – функция, роль знака (точка зрения И.С.Нарского).

Наиболее верной нам представляется точка зрения Л.А.Абрамяна: значение – это отношение между элементами так называемой знаковой ситуации [см.: Абрамян, 1965]. "Знаковая ситуация есть совокупность реальных семиотических элементов: знака, предмета, субъекта, других знаков, других субъектов, – закономерно связанных между собой" [Гарпушкин, 1972: 97]. Значение проявляет себя только в таких ситуациях, в которых функционируют знаки. Значение – это такое свойство знака, которое позволяет знаку служить посредником между человеком и предметом обозначения. Значение позволяет знаку заменять собой предмет обозначения в актах коммуникативной и интеллектуальной деятельности человека. Знак воздействует на адресата потому, что он обладает значением.

Каждый знак имеет значение до известной степени общее для множества или большинства людей, которые вместе с тем

являются истолкователями, интерпретаторами знака. Безусловно, условием существования языка и является общепонятность знаков. Однако не следует забывать о "многозначности" знаков, возникающих в различных конситуациях общения. Следовательно, можно говорить лишь об относительном постоянстве значения знака: к конситуативной обусловленности значения знака добавляется также индивидуальное его толкование [см.: Дридзе, 1980: 44].

В процессе речевого акта говорящий воздействует на слушающего, побуждая (заставляя) его узнать свое намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом предложения. "Не всегда можно судить по значению предложения о том, что хочет сказать говорящий своим высказыванием", – писал Дж.Серл [Searle, 1975: 68]. Обычно такие "значения говорящего" сиюминутны. Они, "впитывая" в себя конкретную коммуникативную ситуацию, рождаются и тут же погибают, не становясь достоянием всех носителей языка. Это одна сторона данного явления. С другой стороны, в процессе речевого общения мы наблюдаем, как те или иные "значения говорящего" (косвенные смыслы) повторяются и в силу этого закрепляются за данным высказыванием, которое используется уже не одним, а всеми членами языкового коллектива.

Сравним два внешне одинаковых высказывания, различающихся по смыслу: *Что вы (ты) делаете(-ешь)?!* – 1) как "чисто познавательный вопрос" и 2) как "констатация неодобрения" (= *Я не одобряю Ваших (твоих) действий*). В первом случае предложение выступает в прямом значении – в значении вопроса о смысле действий адресата. Во втором случае мы имеем прагматическую интерпретацию (значение, которое имеет в виду говорящий) высказывания [см.: Демьянков 1981:

370]. Данное предложение, реализуясь в каждом из описанных значений, выступает как стереотипное, или стационарное.

Задача прагматики, как отмечает Н.Д.Арутюнова, "... вывести те общие закономерности, которые действуют в неспокойной безбрежности субъективных смыслов, и установить степень их конвенциализованности" [1981: 357]. Задача лингвистов – выявить среди множества значений стереотипных высказываний/стационарных предложений наиболее частотные, повторяющиеся, то есть стандартные, конвенциализованные, и определить ситуации их употребления.

Стационарное предложение *В самом деле* выражает ‘согласие с мнением собеседника’, а также ‘удивление’, ‘непонимание’, ‘сомнение’, если произносится с вопросительной интонацией. Ср.:

[Окаемов:] *Хм-хм... Я уважаю жизнь простую и строгую. Финти-флюшки портят характер. И я, хм-хм, ничего девочке дарить не намерен… И вообще считаю, что нельзя любовь приобретать подарками. Да-с...* [Леонид (смотрит на халат):] ***В самом деле.*** *Но я от чистого сердца... И вовсе не с целью приобретения любви.* (А.Афиногенов, Машенька, с. 21.)

В этом контексте *В самом деле* выражает ‘согласие с мнением собеседника’ (Леонид, как и Окаемов, считает, что "нельзя любовь приобретать подарками") и одновременно содержит оттенок ‘удивления’ (выводом Окаемова).

[Базильский:] *Но... Что же, сто рублей.* ***В самом деле?*** [Хомутов:] *Да. Сто рублей.* [Ступак:] *И как же, бескорыстно?* [Хомутов (с досадой):] *Да. Бескорыстно.* [Ступак:] *Интересно... Интересно, почем нынче бескорыстие...* [Базильский (Хомутову):] *Подарить этим молодцам сто рублей?... Загадочно...* [Угаров:] *То-то и дело, что загадочно.* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 302.)

Высказывание *В самом деле?* выражает лишь ‘удивление’, ‘сомнение’. Это результат эмоционального переосмысления его значения говорящим, которое в речи реализуется и дифференцируется благодаря ситуации и интонации.

Эмоционально-экспрессивные ситуативно обусловленные стационарные предложения, как правило, многозначны. Например, предложение *(Ну) Что ты (Вы)* в зависимости от ситуации и интонации выражает ‘несогласие с мнением собеседника’, просто ‘возражение’, ‘неодобрение’, ‘упрек’, а иногда употребляется как ‘вопрос-"проявление интереса"’ (омонимия). Следует отметить, что значение ‘несогласия с мнением собеседника’ обычно включает в себя значение ‘возражения’ и часто осложняется модальными значениями ‘неодобрения’, ‘упрека’, поэтому в ряде случаев можно говорить не только и не столько о многозначности, сколько о расширении значения: ‘возражение’ —› ‘несогласие с мнением собеседника’ —› ‘неодобрение, упрек’.

Значение ‘возражения’

[Маша:] *Дедушка... спой лучше.* [Окаемов:] ***Что ты*** *(= Я не могу спеть), Маша... Я лет сорок не выступал перед аудиторией.* [Все:] *Спойте, спойте! (Галя, схватив его за руку, тащит к роялю.)* (А.Афиногенов, Машенька, с. 48.)

Значение ‘несогласия с мнением собеседника’

[Леонид:] *Мотя, готовьтесь. Мотя, готовьтесь. Прощайтесь с этим домом, вы будете Машиной няней.* [Мотя:] ***Что вы****, Леонид Борисович,* ***что вы****... не могу.* [Леонид:] *Никаких разговоров! Я знал, что делал, когда дарил вам золотой халат.* (Выбегает.) (А. Афиногенов, Машенька, с. 53.)

В приведенном примере стационарное предложение ***вы*** выражает ‘отказ’. ***Что вы.*** *= Я не соглашаюсь с вами, так как не могу быть Машиной няней.* Иначе – ***Что вы.*** *= Нет*.

[Маша:] *Потом анкету надо заполнить. В графе родителей мне как надо писать? Кто моя мама?* [Окаемов:] *Хм. Мещанка, наверно.* [Маша:] ***Что ты,*** *дедушка, разве можно так про маму говорить! Мещанка – это которая сплетничает, склоки любит, жадная.* (А. Афиногенов, Машенька, с. 51.)

Что ты. *= Я с тобой не соглашаюсь, так как …* (объяснение в тексте).

Высказывание *Что ты (Вы)* в определенной конситуации может выражать также и ‘согласие с мнением собеседника’, и, реализуясь в этом значении, оно не перестает быть стереотипным/стационарным, ибо частотно. Ср.:

– *Ты не сделаешь этого.*

– ***Что ты…*** (= Не сделаю.)

Значение ‘неодобрения – упрека’

[Виктор:] *Нескладно с Валентиной у нас, батя... Деньги ей платим, а за что? За то, что она сложа руки без дела сидит?* [Сердюк:] *Сдурел, сменный?* [Зинка:] ***Что ты****, Витюша...* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 347-348.)

Высказывание ***Что ты*** выражает ‘неодобрение’. Эта семантика реализуется с помощью ситуации, ясной из контекста приведенных реплик. Между строк мы можем также прочитать: ‘*Нельзя так ... (говорить)’*, то есть на втором плане опять значение ‘возражения – несогласия – отрицания’.

[Бусыгин:] *Не вздумай потащить ее в кино.* [Сильва:] ***Ну что ты!*** *За кого ты меня принимаешь?* (А.Вампилов, Старший сын, с. 130.)

Высказывание *Ну что ты!* выражает ‘упрек’. Значение это реализуется благодаря контексту, из которого становится ясной и ситуация; предложение, которое следует за стационарным, – *За кого ты меня принимаешь?* – усиливает значение ‘неодобрения’, превращая его в ‘упрек’.

[Вадим (после паузы):] *Митя ничего не сказал, когда ушел?* [Бобан (тоже после паузы):] *Сказал... Чтоб я вам какие-то тетрадки отдал.* [Вадим:] *Так давайте же. Я больше ждать не могу.* [Бобан:] *Ишь какой. Сперва деньги давайте.* [Вадим (достает пачку купюр):] *Вот здесь ровно двести.* [Бобан (недоверчиво смотрит на деньги):] *Пересчитать бы надо.* [Вадим (возмущенно):] ***Да вы что?!*** [Бобан:] *А если тут не хватает? Я что, свои добавлять буду?* [Вадим:] *Не валяйте дурака, здесь ровно двести. Я старый друг Мити и никогда его не обманывал. Давайте тетради.* [Бобан (со вздохом):] *Ладно, рискнем.* (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 53.)

Высказывание *Да вы что?!* выражает ‘возмущение’, ‘негодование’. ***Да вы что?!*** *= Как вы можете (смеете) мне не верить?!* Это – результат эмоционального переосмысления говорящим значения данного высказывания. Расшифровать его помогают авторская ремарка, ситуация, описанная в диалоге, и интонация, выраженная двумя знаками препинания – ***?!***

Значение ‘проявления интереса’

[Валя:] *Ой!* [Виктор:] ***Что ты?*** [Валя (улыбаясь):] *Дождинка за воротник упала.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 276.)

Что ты? – обычный ‘вопрос-"проявление интереса"’, синонимичный стационарному предложению *Что случилось?*

Он обычно бывает вызван непониманием той или иной реплики либо поведения.

Высказывание *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)?* употребляется в прямом (буквальном) значении, равном сумме составляющих высказывание слов (ср.: синонимичное ему высказывание *Что тебе (вам) дать?*), и в значении ‘выражения недовольства’. Приведем примеры, когда данное высказывание употребляется в значении ‘выражения недовольства’:

[Катя:] *Кончай с ним спорить, Иван. У него на все аргументы придуманы свои контр. Вот уж где чистой воды демагогия*. [Митя:] *Катюша, что с тобой?* [Катя:] *Ничего, просто слушаю. Я думаю, что ты опять меня обманул.* [Митя:] *Разве я хожу на бега?* [Катя:] *Нет.* [Митя:] ***Что ты еще от меня хочешь?*** (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 44.)

Высказывание *Что ты (вы) говоришь(-ите)* употребляется в прямом значении ‘вопроса-просьбы повторить сказанное’ и в значении ‘недоверия’, ‘удивления-недоумения’, ‘несогласия с мнением собеседника’, ‘непонимания’.

[Катя (Мите):] *У него прекрасная тема для курсовой, уверяю тебя.* [Петя (хмуро):] *Невыгодно это.* [Митя:] *Что значит – невыгодно?* [Петя:] *Невыгодно – это и значит невыгодно. У меня вообще, честно сказать, последнее время раздумья, что я не туда пошел.* [Катя (в панике):] ***Что вы говорите****, Петя? Вы ведь на хорошем счету, способный студент.* (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 39.)

Что вы говорите? *= Я не согласна с вами; Я не понимаю вас; Я недоумеваю.*

Опрос информантов показал, что из перечисленных значений в сознании всплывает в первую очередь значение ‘удивления-недоумения’, затем – ‘несогласия и непонимания’.

Стационарные предложения *Что (это) такое? Что это значит?* употребляются как "вопрос с чисто познавательной установкой" (выясняется, например, значение символа, слова) и могут выражать ‘непонимание’ с оттенком ‘недоумения’, а порой – ‘упрека’. Ср.:

[Мотя (показывая книги):] *Вот тебе – шуба. Вот – коньки. А вот – варежки. Кто умен – догадайся, а кто глуп – молчи, жди до завтра.* (Уходит.) [Леонид (вслед):] *Не так, не так надо загадывать. Не дерево, а с листочками, не рубашка, а сшита.* ***Что такое?*** *Книга…* (А.Афиногенов, Машенька, с. 26.)

Что такое? – чисто познавательный вопрос.

[Васенька (вдруг):] *Дрянь! Дрянь!* [Макарская:] *Что?* ***Что такое?*** *Ну и порядки!* [Васенька:] *Прости… Прости, я не хотел.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 77.)

Что такое? – ‘непонимание’ с оттенком ‘недоумения’, ‘возмущения’, ‘упрека’.

(Калошин "ворвался" в номер Виктории.) [Калошин:] (Виктория снова, на этот раз осторожно, открывает дверь.) (Спокойно.) *Вам кого?* [Виктория:] ***Что это значит?*** [Калошин:] *Вы о чем?* [Виктория:] *Что вы делаете?* [Калошин:] *Я?.. Лежу, как видите.* [Виктория:] *Да, но…* ***Что это значит?*** [Калошин:] *Ничего. Лежу, и все… Решил немного отдохнуть, полежать, почитать книжечку. Что же тут удивительного?* [Виктория:] *Но это… это... Очень даже странно!* [Калошин:] *0б чем разговор, не понимаю.* [Виктория:] *Это же просто… я*

даже не знаю… [Калошин:] ***А что такое?*** *Что вас волнует, не понимаю...* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 264.)

Что это значит? – ‘упрек’, даже ‘негодование’. *А что такое?* – ‘непонимание’.

Высказывания *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)? Что ты (вы) говоришь(-те)? Что такое? Что это значит?* по результатам опроса информантов являются стационарными, – как в прямом, так и в переносном значениях. Они полисемичны: между их значениями (прямым и переносным) существует определенная семантическая связь, имеется некоторый общий "элемент смысла" – значение ‘неопределенности’. В одних высказываниях – *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)? Что ты (вы) говоришь(-ите)?* – семантический "зазор" между прямым и переносным значениями меньше, в других – *Что (это) такое? Что (это) значит?*) – больше. Эмоциональное переосмысление подобных предложений в речи привело к образованию новых эмоционально-модальных значений. Следовательно, в речи чувства часто выражаются не только и не столько в слове, сколько в интонации, преобразующей значение целого высказывания.

Часто в семантике многоситуативных многозначных высказываний можно наблюдать явление синкретизма – такого сплава значений, который не поддается расщеплению, дифференциации. Такой сплав значений имеется, например, в стационарном предложении *Вот как (что)?* Оно, как правило, выражает ‘удивление’:

[Наконечников:] *Я?.. Как вам сказать… Профессия у меня непростая… И не легкая. Отчасти даже с риском…* [Женщина:] ***Вот как?*** *Чем же вы занимаетесь?* (А.Вампилов, Несравненный Наконечников, с. 459.)

Однако в определенной конситуации предложение *Вот как?* может одновременно выражать и ‘удивление’, и ‘сомнение’, и ‘непонимание’, и ‘неодобрение’, и ‘упрек’:

[Репникова:] *Пусть она любит проходимца, хулигана, черта рогатого – пусть.* [Репников:] *Нашей дочери ты желаешь…* ***Вот как?*** [Репникова:] *Так. И еще неизвестно, как лучше – так или по-другому.* [Репников:] *Я тебя не понимаю.* (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 38.)

В данном контексте *Вот как?* может означать: ‘*Я удивляюсь тому, что нашей дочери ты желаешь …’; ‘Я сомневаюсь в том, что …’; ‘Я не понимаю, как ты можешь …’; ‘Я не одобряю то, что ты …’; ‘Я упрекаю тебя за то, что ты …’.*

Отметим, что, по нашим наблюдениям и по свидетельству информантов, в данном случае (как и во всех остальных) немаловажную роль играет интонация.

Семантика такого типа высказываний неопределенна, трудно объяснима, она обусловлена ситуацией.

Таким образом, в стационарном предложении "… форма часто способна выражать несколько, притом даже противоречивых, эмоций и часто выражает их не расчлененно, а синкретично – это отражает саму диалектику чувств живого человека" [Васильева, 1976: 77].

Часто эмоциональное переосмысление приводит к такому разрыву значений, что рождается антонимичная пара, имеет место так называемая *энантиосемия*, или *антифразис* [см. об антифразисе: Ахманова, 1966: 49]. Как правило, употребление этих высказываний в антонимичном значении стационарно. Ср., например, *Ах вот как (что)?* – как ‘упрек’ и как ‘радость’; *Хорош(-а,-и) (!)* – как ‘положительная’ и как ‘отрицательная оценка кого-, чего-либо’; *Откуда только ты такой(-ая) взялся (-ась) (!)* – как ‘положительная’ и как ‘отрицательная оценка

кого-, чего-либо’; *Очень (Больно) надо (нужно)(!)* – как ‘необходимость’ и, наоборот, ‘ненужность’.

В подобных предложениях роль интонации в выражении эмоционально-модального значения особенно возрастает, "… если интонационная оценка противоречит лексическому значению слова" [Черемисина 1982б: 18]. Ср.: *Хорош(-а,-и)!* или *Очень (Больно) надо (нужно)!* (сказанные иронически или с возмущением).

Высказывание *Откуда только ты такой(-ая) взялся(-ась)!* сродни фразеологическим единствам (ср.: *держи карман шире, плакали наши денежки* и т.п.). Подобно фразеологическому единству, его значение потенциально выводимо из семантической связи составляющих компонентов; внешне же оно оформлено как свободное предложение.

Высказывание *Очень надо (нужно)* в буквальном значении, значении ‘необходимости’, употребляется реже. Его употребление в прямом (буквальном) значении, как показал опрос информантов, нестационарно. Оно является стереотипным/стационарным только в значении ‘ненужности’, выступая в качестве эмоционально-экспрессивного синонима высказывания *Не надо/Не нужно*:

[Лариса:] *Хочу, чтобы все началось сначала.*[Валя:] *Опять в школу ходить?* ***Очень надо!*** (= Не надо.) [Лариса:] *Глупая ты, Валька.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 294.)

[Катя:] *... Помните эту пластинку? Ну, вспоминайте же быстро!* (Митя и Демин молчат.) [Катя (качает головой):] *Вы действительно мхом обросли* [Демин (радостно):] *Вспомнил!* [Митя (удивленно):] *И что же такое сногсшибательное ты вспомнил?* [Демин:] *А я Кате на ухо скажу.* (Встает, полупоклоном приглашает ее на танец.) *А ты сам постарайся вспом-*

нить. Напряги головку-то, напряги малость. [Митя (обиженно):] ***Больно надо.*** (= Не надо.) (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 45.)

[Валя:] *Может, я вам приглянулась? Витенька, отойди, я тебя, кажется, разлюбила.* [Виктор (смеется):] ***Нужна ты ему больно!*** (= Не нужна ты ему.) *Он у нас парень дорогой. Лучше на всем свете нет.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 280.)

Реализация данных высказываний в двух полярных, диаметрально противоположных, антонимичных значениях обусловлена прежде всего интонацией, важнейшим компонентом которой является ударение – словесное и смысловое. "Именно ударное слово является главной "точкой" выражения подтекста, а значит, и средоточием эмоций" [Черемисина, 1982б: 10].

В высказывании *Очень надо (нужно)* в значении ‘необходимости’ или ‘отрицания’ логическое (смысловое) ударение может падать как на слово *очень*, так и на слово *надо (нужно)*. Иначе говоря, интонационный центр на слове *очень* (ИК-1) или *надо (нужно)* (ИК-6) не меняет значения (ср.: ***О́чень*** *надо*/*нужно* и *Очень* ***на́до***/***ну́жно***). В данном случае антонимия – результат эмоционального переосмысления.

Результатом эмоционального переосмысления является омонимия стационарных предложений. Ср.:

Спасибо – как ‘благодарность’, как ‘возражение’, как ‘обида’;

Привет – как ‘приветствие’, как ‘прощание’, как ‘возражение’;

Здравствуй(-те) (Здрасьте) – как ‘приветствие’ и как ‘удивление’.

Стационарные предложения *Смени(-те) пластинку, Его (ее, тебя, нас, вас, их) только не хватало*, которые сродни фразеологическим единствам (ср.: *намылить голову* в прямом

значении и фразеологизированном омонимичном – ‘побранить’), употребляются и в буквальном значении, однако их реализация в буквальном значении нестационарна; они стереотипны/стационарны лишь в омонимичном фразеологизированном значении:

[Вера Ивановна:] *Но вы же в театр собирались.* [Катя:] *Ой, мама,* ***смени пластинку.*** (= Смени тему разговора.) (Э.Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря, с. 33.)

[Бусыгин:] *Будет дождь.* [Сильва:] ***Его только не хватало.*** **(**= Как он некстати.) (А.Вампилов, Старший сын, с. 79.)

Говорящий в речи передает то, что ему нужно сообщить слушателю в данной ситуации. Говорящий в силах – в известных пределах – изменять связи, установившиеся в знаке (если рассматривать множество стационарных предложений как знаковую систему) между означаемым, означающим и действительностью. Таким образом, стационарные предложения часто оказываются "на поводу" у говорящего, а также слушателя. Каждый шаг (или каждое употребление) высказывания может стать практикой, преобразующей и обновляющей его значение. Значение, которое имеет в виду говорящий, может включать нечто большее, чем буквальное значение высказывания, или даже быть противоположным ему. Ср.: *Ну и быстро же ты пришел!* (в значении ‘медленно’); *Ну и умный же ты!* (в значении ‘глупый’). Переосмысление происходит благодаря иронической интонации. Интонацию в высказывании задает говорящий [см.: Брызгунова, 1983; Муханов, 1995; Величко, 1996]. Лингвист же, сталкиваясь с этим явлением, должен решить, является ли данное языковое выражение, передающее в некотором конкретном случае то или иное конкретное сообщение, конвенциональным или нет.

Таким образом, модус является смысловым организующим стержнем высказывания, движущей силой диктума. На службе у модуса – интонация. Интонация – это и грамматическая, и смысловая характеристика предложения. Ср.: *Большая беда! Очень хорошо поступаете! Прекрасно!* (в буквальном значении и сказанные с возмущением или иронически). Например, в "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Н.В.Гоголя эмоциональное переосмысление стереотипных высказываний *Большая беда! Очень хорошо поступаете вы! Прекрасно!* привело к такому разрыву значений, что родилось антонимичное значение. Иначе говоря, мы наблюдаем явление **стационарной/устойчивой энантиосемии**:

– Так я же вам объявляю, – произнес Ивам Иванович, –что я вас знать не хочу!

– ***Большая беда!*** (= Не беда.) *ей-богу, не заплачу от этого! – отвечал Иван Иванович. Лгал, лгал, ей-богу, лгал! ему очень было досадно это.*

– Нога моя не будет у вас в доме.

– Эге-ге! – сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и, против обыкновения, встав на ноги. – Эй, баба, хлопче! – При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в длинный и широкий сюртук. – Возьмите Ивана Ивановича за руки да выведите его за двери!

– Как! Дворянина? – закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. – Осмельтесь только! Подступите! Я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдет места вашего! (Иван Иванович говорил необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена.)

‹…›

Наконец Иван Иванович взял шапку свою.

– ***Очень хорошо поступаете вы***, (= Плохо поступаете.) *Иван Никифорович!* ***прекрасно!*** (= Отвратительно! Ах, как плохо!) *Я это припомню вам* (с. 187-188).

Эмоционально переосмысленные говорящим высказывания живут полнокровной жизнью в разговорной речи, в частности, в таком жанре разговорной речи, как диалог. Например:

– "Я к родственникам: они мне открытку прислали, чтоб я зашла". – "Каким родственникам?" – "К дяде Лёше". – "Кто такой?" – "Ну, профессор. Он ещё маме какой-то брат троюродный, что ли… Да я тебе рассказывала. Я ещё у них неделю жила, когда в Москву приехала". – "Да, что-то припоминаю… Ну… А потом куда?" – "Потом в Третьяковскую галерею". – "Учу я тебя, учу – толку ни грамма. Ведь в этой Третьяковке одни командировочные или гости столицы…" – "Я же туда картины иду смотреть, а не людей". – "А я вот в научный зал Ленинской библиотеки пропуск достала". – "Зачем?" – "Представляешь, какой там контингент: академики, докторы, философы…" – "Ну и что? Будешь смотреть, как они читают?" – ***"Много ты понимаешь!*** *Там еще курилка есть…"* (Из к/ф "Москва слезам не верит".)

Много ты понимаешь! *= Ничего ты не понимаешь. (В курилке можно познакомиться с нужными людьми.)*

Или:

– "Я тебе помогу". – ***"От тебя дождешься!"***

От тебя дождешься! *= Не дождешься* (*от тебя ничего*).

Интонация позволяет эксплицировать любое скрытое значение ("значение говорящего"). Эксплицируется то, что импли-

цитно содержится в высказывании. Имплицитность предполагает потенциальную эксплицитность. Имплицитность как лингвистическое явление существует постольку, поскольку существует эксплицитность, то есть имеется оппозиция имплицитность – эксплицитность (заметим – нет системы из одного знака). Неэксплицируемая информация (или значение), на наш взгляд, внутренний мотив, но не имплицитный смысл. Имплицитные значения легко воспринимаются носителями языка. Иностранцам/инофонам же такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место в обучении иностранцев/инофонов живой русской речи. Такие стационарные предложения, как *Здравствуй(-те), Я ваша тетя, Очень нужны они мне! Хрен я ей верну*, в повседневной речи русских употребляются как в буквальном, так и в переносном значениях (*Здравствуй(-те)* – как ‘приветствие’ и как ‘удивление’; *Я ваша тетя* – в буквальном смысле и как ‘удивление-возражение’; *Очень нужны они мне!* – как ‘необходимость’ и наоборот; *Хрен я вам верну* – в прямом значении (ИК-1) и в значении ‘ничего не верну’ (ИК-3)). Омонимия данных высказываний – это результат их эмоционального переосмысления говорящим. Задача языковедов-практиков – уделить серьезное внимание описанию омонимичных высказываний при обучении, в данном случае, русскому языку как иностранному, ибо они нередко затрудняют процесс общения и в ряде случаев даже представляют опасность: возникает возможность неверного осмысления реплики.

Яркой иллюстрацией изложенного может служить анекдот, рассказанный профессором МГУ им. М.В.Ломоносова М.В.Всеволодовой: за границей женщину, говорящую только по-русски, судят за кражу: [Судья:] *Вы обвиняетесь в том, что*

украли курицу. Это правда? [Подсудимая:] ***Брала я вашу курицу!*** [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что она курицу взяла.* [Судья:] *Зачем вы это сделали?* [Подсудимая:] *Да отстаньте!* ***Нужна мне ваша курица!*** [Переводчик:] *Она говорит, что курица была ей нужна.* [Судья:] *Вы специально приехали к нам, чтобы воровать?* [Подсудимая:] ***Ну как же,*** *я нарочно из Одессы приехала, чтобы украсть вашу курицу.* ***Делать мне больше нечего!*** [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что приехала из Одессы специально, чтобы заниматься преступной деятельностью, так как дома она не может найти работу.* [Судья:] *Да за это вас могут посадить в тюрьму – на срок до шести месяцев!* [Подсудимая:] ***Всю жизнь мечтала оказаться за решёткой.*** [Переводчик:] *Она говорит, что главная цель её жизни – попасть в тюрьму.* [Судья:] *Она что, сумасшедшая?* [Подсудимая:] ***Здравствуйте, я ваша тётя!*** [Переводчик:] *Она вас приветствует и говорит, что является вашей близкой родственницей.* [Судья (устало):] *Ну если она родственница, то пусть заплатит хотя бы штраф.* [Подсудимая:] ***Хрен вам!*** [Переводчик:] *Подсудимая предлагает расплатиться овощами!* [Судья:] *Уберите отсюда эту ненормальную!* [Подсудимая (уходя):] ***Ну и пёс с вами!*** [Судья (испуганно):] *Что, что она говорит?* [Переводчик:] *Если я правильно понял, она уходит, а собачку оставляет вам* [см.: Панков, 2013].

Заметим, что внутренний мотив и имплицитный смысл относятся к сущностям различного порядка: первый – психологического, второй – языкового. Соглашаясь с авторами "Язык и сознание: парадоксальная рациональность", в частности с А.И.Стеценко, что "... вопрос о действительном онтологическом статусе языковых явлений не может быть решен путем апелляции к ментальности, вообще к сущностям психологического (или любого другого неязыкового) порядка, так как это

есть путь бесконечной редукции языка к явлениям другого уровня, а также выход за рамки лингвистической предметной области, который не обеспечивает создание междисциплинарных, системных моделей языка" [1993: 27], мы, однако, не исключаем возможности существования имплицитности как в языке (и речевой деятельности), так и в форме той или иной "структуры сознания", "когнитивной структуры", однако считаем это объектом самостоятельного исследования.

Изучение интонации стационарных предложений, несомненно, представляет интерес, но это особая, специальная тема, требующая экспериментально-фонетического исследования.

Вопросы и задания

1. Перечислите особенности стационарных предложений.
2. Что такое диалогическое единство?
3. Что такое "лингвистическая ситуация"?
4. Как вы понимаете "многозначность" стационарных предложений?
5. Приведите примеры многозначных многоситуативных стационарных предложений и употребите их в диалоге.
6. Объясните явление эмоционального переосмысления значений стационарных предложений на конкретных примерах.
7. Покажите и прокомментируйте явление энантиосемии на конкретных стационарных предложениях.
8. Проиллюстрируйте реализацию множества значений конкретных стационарных предложений в конкретных диалогах.

1. Придумайте разнообразные диалоги, в которых реализуется одно из множества значений приведенных ниже стационарных предложений:

Что такое?(!)
Что это значит?(!)
Здравствуй(-те)!
Очень нужны они мне!
Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)?
Что ты (вы) говоришь(-те)?
Ну и быстро же ты пришел!
Ну и умный же ты!
Ах вот как (что)?(!)
Хорош(-а,-и) (!)
Откуда только ты такой(-ая) взялся(-ась)?(!)
Нужен ты мне.(!)

ТЕМАТИКО-СИТУАТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СТАЦИОНАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1. Понятие "тематико-ситуативная группа"

Что такое тематико-ситуативная группа (ТСГ)?

Ситуация в современных исследованиях выступает "… как своеобразная единица членения и описания либо вымышленной, либо реальной окружающей нас действительности" [Караулов 1976: 164]. Переход от рассмотрения устойчивых сочетаний типа поговорки, пословицы, загадки как знаков типовых ситуаций [см.: Пропп, 1996; Пермяков, 1970] к анализу любых речевых произведений, равных слову или больших, чем слово (предложение-высказывание), как знаков, отражающих некоторую ситуацию, оказался естественным, так как предпосылки подобного подхода были заложены в самой трактовке языкового знака (слова) как продукта определенной (знаковой) ситуации [см.: Общее языкознание 1972: 299]. Этот факт позволил представить синтаксис как "набор" способов "обозначения целостных событий" [см.: Общее языкознание 1972: 301-310]. Но если в синтаксисе существенным является учет абстрактной структуры ситуации, то при анализе устной речи важен семантический аспект ситуации, то есть содержательный. Так, С.Филленбаум, "… рассматривая результаты экспериментальных исследований некоторых характеристик грамматически правильных предложений в связи с их запоминанием, высказал мнение о принципиальной невозможности получения данных о природе запоминания только на основе синтаксического анализа" [Караулов, 1980: 7]. Это свидетельствует о том, что запоминание предложения основано не на синтаксисе, а на семантике, и в памяти кодируется значение предложения [см.: там же]. Поэтому, на наш взгляд, выделение элементарных

единиц содержательного плана, составляющих типовую ситуацию, необходимо. Напомним, что значение термина "ситуация" мы понимаем широко: как "общую обстановку речи", то есть понятия "ситуация" и "тема" как бы вплетаются друг в друга.

Стационарные предложения объединяются в группы, основанные на их тематической общности и закрепленности за одной и той же ситуацией. Отсюда и название – тематико-ситуативная группа стационарных предложений (ТСГ). ТСГ стационарных предложений – это аналог тематических групп в лексике. Тематическая группа в лексике – это группа слов, объединенных одной семантической темой и дифференциальными семантическими признаками, по которым слова, входящие в данную группу, противопоставлены друг другу [см.: Шмелев, 1977: 189]. Например, общее значение ‘побуждения’ объединяет в одну тематическую группу глаголы *просить, упрашивать, умолять, советовать, рекомендовать, увещевать, требовать, приказывать* и др. Однако на основе семантической общности обнаруживается и то, что отличает значение этих слов, – это степень категоричности (ср.: *просить – требовать*). Именно по степени категоричности, которая выступает в качестве дифференциального признака, названные глаголы противопоставлены друг другу.

Каждая ТСГ стационарных предложений состоит из предложений, объединенных тематико-ситуативно или представляющих собою синонимический ряд. Каждой ТСГ можно дать название, которое представляет собой обобщенную основу смысла всех стационарных предложений, входящих в ее состав. В "Философских тетрадях" В.И.Ленин отмечает: название – это "... отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности" [1963: 74]. Таким тотальным представителем каждой

ТСГ будем считать родовое, гиперонимическое название. Так как значения гиперонимических названий составляют основу обобщенного смысла всех (и каждого в отдельности) стационарных предложений в составе каждой ТСГ, то представляется целесообразным рассмотрение их семного состава. Поэтому в дальнейшем описании мы постараемся очертить пучок сем, который составляет суть обобщенного значения стационарных предложений, входящих в состав той или иной конкретной ТСГ.

Итак, обобщенное значение стационарных предложений, входящих в определенную ТСГ, – это гиперонимическое название (то есть гипероним, или суперордината), представляющее собой набор семантических множителей [см.: Караулов, 1980: 4], которые, соединяясь друг с другом в различных количествах и комбинациях, задают его (гиперонимического названия) значение. Целесообразность такого описания названий ТСГ вытекает из общих черт, присущих семантическому множителю: "**элементарность**, т.е. дальнейшая неразложимость; **принадлежность к плану содержания**, т.е. одноплановость, что делает их единицами познавательного характера, а не внутриязыкового; **универсальность**, т.е. общечеловеческий характер" [там же; выделено нами – Л.М.]. Семантические множители – это элементы ситуации. При их выделении мы опирались на "Русский семантический словарь" [1982].

Выделение ТСГ и их состава проводилось в три этапа: I этап – интуитивный отбор стационарных предложений и их распределение по ТСГ; II этап – опрос информантов, которым было предложено описать семантику предъявленных стационарных предложений и ситуации употребления этих предложений; III этап – уточнение классификации стационарных предложений, то есть распределение по ТСГ. Цель данного

этапа – выявление (построение или воссоздание) достаточно полного состава ТСГ, а в перспективе – полного списка ТСГ.

Нами выделено в системе стационарных предложений 31 ТСГ: "Поддержание контакта", "Приветствие", "Прощание", "Благодарность", "Извинение", "Поздравление – пожелание", "Просьба", "Знакомство", "Проявление интереса", "Согласие/Несогласие с мнением собеседника", "Согласие/Отказ на просьбу/приглашение", "Понимание/Непонимание", "Знание/Незнание", "Уверенность", "Приказ", "Обещание", "Оправдание", "Отношение к кому-, чему-либо", "Радость", "Огорчение", "Одобрение – похвала", "Неодобрение – упрек", "Негодование", "Равнодушие", "Сомнение", "Удивление", "Сожаление", "Утешение – сочувствие – сопереживание", "Ирония", "Жалоба", "Страх" (см.: Приложение); некоторые предложения остались, однако, за пределами этих ТСГ [см.: Матевосян, 1992, Приложение 2: 184-185].

Анализ материала показал, что стационарные предложения, входящие в состав одной ТСГ, могут находиться по отношению друг к другу в следующих оппозициях:

1) **в нулевой оппозиции**, или оппозиции равенства: стационарные предложения равнозначны, равноправны, взаимозаменимы, иначе говоря, синонимичны;

2) **в привативной оппозиции**, или отношении строгого включения: семантическая (содержательная) наполненность одного стационарного предложения шире семантической наполненности другого, то есть одно предложение по семантике своей как бы "входит" в другое;

3) **в дизъюнктивной оппозиции**, или отношении полного исключения друг друга: стационарные предложения не равнозначны, не взаимозаменимы, хотя их и объединяет одна тема и одна и та же ситуация употребления.

Проиллюстрируем вышеизложенное на языковом материале.

В ТСГ "Просьба" входят стационарные предложения *Прошу* (варианты: *Я прошу тебя (Вас, вас); Прошу тебя (Вас, вас)*, в которых лицо адресата и адресанта эксплицированы); *Умоляю* (варианты: *Умоляю тебя (Вас, вас); Я умоляю тебя (Вас, вас)*, данное стационарное предложение употребляется реже); *Будь (-те) добр(-а,-ы)/любезен(-а,-ы)/другом (друг), …* – компонент сложного предложения, выражающего ‘просьбу’.

1) Стационарные предложения *Прошу (Я прошу тебя (Вас, вас); Прошу тебя (Вас, вас); Будь(-те) добр (-а,-ы)/любезен(-а, -ы)/другом (друг)* синонимичны, то есть взаимозаменимы.[11] Перечисленные стационарные предложения находятся в отношении равенства – нулевая оппозиция. Ср.:

[Шаманов:] *… Дед, у меня к тебе просьба.* ***Будь добр*** *(= Прошу), передай эту бумагу Валентине. Знаешь Валентину?* (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 353.)

[Ладыгин:] *… Маленький уговор, Паша.* ***Будь друг*** *(= Прошу), выдай там себя за кого-нибудь поважнее...* (Свеколкин недоуменно прищурился.) *Видишь ли, я столько хвастался тобою перед своими домашними, что... Ну,* ***я прошу тебя*** *(= будь друг), словом! …* (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 410.)

2) Между стационарными предложениями *Прошу* (и варианты), *Умоляю* (и варианты) отношения строгого включения – привативная оппозиция. *Прошу* – только ‘просьба’, *Умоляю* – это ‘просьба-мольба’. Следовательно, *Умоляю. = Прошу. + Молю.*

[11] Стилистический фактор не учитывался.

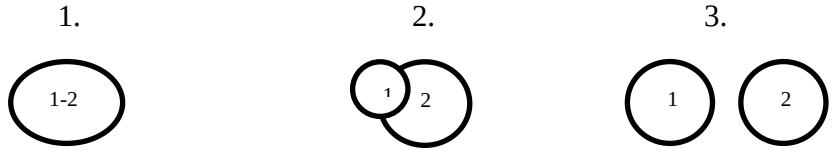
[Маша:] *Людям без людей разобраться трудно. Поезжай за Ниной. Она не захочет – уговори. Привези ее. Прямо силой. А я все устрою. Я никогда тебя ни о чем не просила. Сейчас прошу.* ***Я умоляю тебя****, Борис, сделай, как я прошу. Ну, именем тети Клавы,* ***я прошу тебя****, Борис.* [Борис:] *Хорошо. Ты только не думай...* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 77.)

3) Стационарные предложения *Не могу, Не хочу* составляют дизъюнктивную оппозицию – отношения полного исключения друг друга. Не случайно актер Олег Даль в письме А.В.Эфросу писал: "Я люблю работать много и хочу, но "**между хочу и могу космическое расстояние**"" [Театральная жизнь, 1987: 12; выделено нами – Л.М.]. Однако подобные стационарные предложения объединяются в одну ТСГ "Согласие/отказ на просьбу/приглашение". Ср.:

[Капитолина:] ... *Сходи за ребятишками.* [Наконечников:] ***Не могу****. (= Не хочу.) Сажусь писать. Посижу, пока их нет.* (А.Вампилов, Несравненный Наконечников, с. 457.)

Стационарные предложения *Не могу* и *Не хочу* могут объединяться в одном высказывании, вместе с тем они не перестают быть взаимоисключающими, ибо в одном высказывании речь идет о возможности, а в другом – о желании, а это, как известно, разные модальные значения [см.: Ваулина, 1988].

Графически перечисленные отношения можно изобразить так:



Если же стационарное предложение обозначить аббревиатурой СП, то сказанное можно представить в виде формул:

1) СП 1 = СП 2; 2) СП 1 < СП 2; 3) СП 1 ≠ СП 2.

Здесь хочется процитировать высказывание известного литературоведа академика Л.М.Мкртчяна: "Если бы я увлекался ученым языком формул, кто знает, может быть, писал бы лучше, более, так сказать, современно. ‹…› Однако, как утверждают юмористы, математики ошибаются значительно точнее. Писал я как умел. И ошибался, надо думать, не так точно" [Мкртчян, 1987: 6]. Позже он напишет: "Математики, как известно, ошибаются значительно точнее. А значительно точные ошибки интереснее, любопытнее и, конечно же, лучше ошибок неточных" [1998: 279].

Действительно, язык – явление живое, поэтому любая попытка его классификации или систематизации в той или иной мере компромиссна (вспомним учение о частях речи). Сложно, да и невозможно, разложить языковой материал по полочкам с математической точностью – без исключений не обойтись (и в точных науках нет правил без исключений). Но если языковой материал каким-то образом поддается какой бы то ни было систематизации, если в пестроте языковых единиц высвечиваются, пусть порой не совсем четкие, контуры повторяющихся явлений, общих черт, это свидетельствует о существовании некоторой закономерности, которую необходимо установить. Значит, не обязательно, чтобы все названные нами отношения – нулевая, привативная, дизъюнктивная оппозиции – прослеживались во всех ТСГ, ибо одни из них (как было отмечено выше) складываются из синонимических рядов стационарных предложений, другие – из тематически объединенных рядов стационарных предложений, третьи – как из одних, так и из других.

Итак, ТСГ – это ряд синонимичных или тематически объединенных стационарных предложений, которые могут находиться друг с другом в отношениях или равенства, или строгого включения, или полного исключения.

Стационарные предложения, входящие в состав одной ТСГ, разнообразны и по структуре, и по лексической наполненности. С точки зрения структуры, в одной ТСГ могут быть стационарные предложения всех описанных выше структурных классов: свободной, комбинированной и фразеологизированной модели. С точки зрения лексического состава – это могут быть свободные предложения, предложения-фразеологизмы, часто употребляемые в разговорно-обиходной речи. Так как в системе стационарных предложений наблюдаются явления многозначности и синтаксической омонимии, то одно стационарное предложение может входить в состав двух или даже нескольких ТСГ.

2. Тематико-ситуативные группы в системе стационарных предложений

Отдельные ТСГ можно объединить в более объемные классы, например: **"Городские стереотипы", "Речевой этикет", "Поддержание контакта", "Выражение различных эмоций",** что вместе и составляет живую русскую речь.

Класс "Городские стереотипы" представлен такими ТСГ, или иначе и даже вернее – ситуативно-тематическими группами (ибо в них фактор ситуации доминирует над темой и термин "ситуация" выступает в значении "реальной, предметной обстановки"), как "Почта", "Магазин", "Улица", "Вокзал", "Транспорт" и т.д. Ситуативно-тематическая классификация

городских стереотипов содержится в книге "Русская разговорная речь" [1978], в различных ситуативных разговорниках для иностранцев, поэтому мы не рассматриваем их.

Класс "Речевой этикет" представлен, как известно, следующими ТСГ: "Приветствие", "Прощание", "Благодарность", "Извинение", "Пожелание", "Просьба", "Знакомство" и т.д. Этот класс ТСГ стационарных предложений мы также исключаем из нашего рассмотрения ввиду того, что он подробно исследован в докторской диссертации [Формановская, 1979] и монографиях Н.И.Формановской.[12]

По наблюдениям С.Хаякавы, язык употребляется и для приобщения к другим людям с целью установления контакта [см.: Hayakawa, 1979]. **Класс "Поддержание контакта"** представлен наименьшим списком. Например: *Ну? Ну (и) как? Ну (и) что? Ага, Угу, Да, Алло, Ты (вы) меня слушаешь(-ете)?* и т.п.

"Всякая речь – даже при сознательном стремлении к экономии, – чтобы быть доступной для восприятия, характеризуется, в силу своеобразия и ограниченности оперативной памяти человека, большей или меньшей избыточностью" [Черемисина, 1981: 160]. Мера избыточности и мера информативной емкости сообщения еще будут изучены и описаны конкретно, по мнению же Н.В.Черемисиной, "… мера информативной емкости в принципе может быть охарактеризована как разность между общим количеством информации, содержащейся в каждом данном элементе потока речи, и количеством известной, избыточной информации, заключенной в этом элементе, но ясной уже из предшествующего контекста или предшествующего речевого и жизненного опыта (т.е. своеобразного временного контекста) человека, воспринимающего речь. Эту

[12] Иную классификацию этих ситуаций см. в работе "Русская разговорная речь" [1978].

разность и составит информация новая для него" [там же], что можно изобразить в виде формулы:

Ип. – Иизб. = Инов.,

где: Ип. – информация получаемая, то есть информация, заключенная в сообщении;

Иизб. – информация избыточная, то есть известная из предыдущего контекста или предыдущего речевого и жизненного опыта;

Инов. – информация новая, неизвестная, "оригинальная".

В стационарных предложениях данного класса – "Поддержание контакта" – информация новая стремится к нулю, то есть приведенная нами формула в применении к стационарным предложениям будет выглядеть следующим образом:

Ип. – Иизб. = Инов.(ориг.) → 0

Основное назначение стационарных предложений данного класса – "установить, продолжить или прервать коммуникацию" (*Алло, Ну? Ну (и) что? Ну (и) как? Да, Ага, Нет*), "привлечь внимание собеседника" или просто "проверить, работает ли канал связи" (*Ты (Вы) меня слушаешь(-ете)?*) [см.: Якобсон, 1975: 201]. Таким образом, единственная цель стационарных предложений данного класса – поддержание коммуникации. Иначе – стационарными предложениями данного класса осуществляется "направленность на контакт" [там же].

Класс "Выражение различных эмоций" – наиболее интересный и наименее исследованный. По справедливому замечанию А.Вежбицкой, "... русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи" [1997: 43].

Тематико-ситуативная классификация стационарных предложений класса "Выражение различных эмоций" особенно

важна в целях обучения русскому языку иностранцев/инофонов, так как значения стационарных предложений, выражающих различные эмоции, предопределяются при восприятии ситуацией, а еще больше – интонацией. Интонация передает различия смысла или оттенков смысла высказывания (в этом проявляются смыслоразличительная и эмоциональная функции интонации). "В зависимости от мелодики и тембра высказывание может приобретать разное значение. Ср: *Рабо-о-отничек!* Произнесенное ласково, восторженно-одобрительно, это восклицание имеет значение ‘хороший, отличный работник, достойный похвалы’, а произнесенное с оттенком неприязни, иронически-неодобрительно, имеет значение ‘плохой работник’. Как видим, эмфатическое удлинение ударного гласного может быть использовано для выражения и положительных, и отрицательных эмоций" [Черемисина, 1982б: 14].

Соглашаясь с тем, что "… выражение мыслей полностью господствует в языке" [Якобсон, 1975; 197], нельзя отрицать (в настоящее время в современной лингвистике этот факт уже не дискутируется) существование "вторичных факторов", а именно: эмоционально-экспрессивных элементов речи, и их влияние на информационную емкость сообщения. Эмоциональные различия характеризуют не только способ передачи сообщения, но и само сообщение.

Эмоциональные значения и оттенки, передаваемые интонацией и выражающие субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания (эмоциональное переосмысление говорящим содержания высказывания), а нередко и к собеседнику, весьма многообразны, поэтому, на наш взгляд, класс "Выражение различных эмоций" наименее исследован.

К.С.Станиславский предложил одному актеру Московского Художественного театра сделать из слов "сегодня вече-

ром", меняя их экспрессивную окраску, сорок разных сообщений. Этот артист перечислил около сорока эмоциональных ситуаций, а затем произнес указанные слова в соответствии с каждой из этих ситуаций, аудитория же должна была определить, о какой ситуации идет речь. Р.О.Якобсон повторил опыт К.С.Станиславского. Большинство сообщений было правильно и достаточно полно понято только носителями московского говора [см.: Якобсон, 1975: 199-200]. Следовательно, значения, передаваемые интонацией, могут быть достаточно понятны носителям языка. Иностранец/инофон же, пусть даже владеющий русским языком, может не понять подобных различий. Вместе с тем целесообразность изучения эмоционально-экспрессивного класса стационарных предложений заключается в том, что при исследовании разговорной речи "… в глаза бросается субъективный, конкретный и эмоциональный характер выражаемой ею мысли" [Балли, 1961: 327]. Разговорная речь всегда в большей или меньшей степени эмоциональна и пестрит стационарными предложениями.

Э.А.Нушикян в монографии "Типология интонации эмоциональной речи" [1986] приводит 16 групп эмоциональных состояний (*Радость, Нежность, Одобрение, Удивление, Ирония, Возмущение, Отчаяние, Обида, Гнев, Страх, Стыд, Укор, Угроза, Печаль, Презрение, Подозрение*) на основании исследования художественных текстов и фонограмм фильмов. Каждая группа состоит из синонимичных терминов, которые расположены в порядке нарастания эмоциональной насыщенности; термин, являющийся доминантой, выделен в тексте (например, 1 группа: "Удовлетворение, наслаждение, **р а д о с т ь**, восторг, ликование, упоение, счастье") [см.: Нушикян, 1986: 28-29].

Рассмотрим некоторые ТСГ в системе стационарных предложений.

Тематико-ситуативная группа "Неодобрение – упрек"

Слово *упрек* в "Словаре современного русского литературного языка" [1950–1965] толкуется через слово *неодобрение*: "Неодобрение, обвинение, укоризна, высказаннные кому-либо или обращенные к кому-либо". "Словарь русского языка" С.И.Ожегова дает такое же толкование слова *упрек*: "Неудовольствие, неодобрение или обвинение, высказанное кому-нибудь". Слово же *неодобрение* в этом словаре имеет следующую дефиницию: "Порицание, отрицательная оценка" [1984]. В "Словаре синонимов" (под ред. А.П.Евгеньевой), где два названных слова не даны в одном синонимическом ряду, слово *упрек* объясняется через слово *неодобрение*: "Упрек (неодобрение, порицание, обращенное к кому-либо)" [1975]. Из этого следует, что *упрек* включает в себя "неодобрение", но "неодобрение" не есть еще "упрек".

Слово *упрек* содержит в себе следующий набор семантических множителей: "недовольство", "неодобрение", "укоризна", "обвинение".[13]

Стационарные предложения, входящие в данную ТСГ, могут содержать не все названные семантические множители.

При реализации стационарных предложений в речи также могут актуализироваться одновременно не все семантические множители, но основная часть смыслового ядра сохраняется. Если за доминанту принять первый семантический множитель – "недовольство", а остальные семантические рассматривать как его усиление, то нарастание признака "недовольства" можно изобразить так:

[13] Здесь и далее семный состав дается по "Русскому семантическому словарю" [1982].

недовольство неодобрение укоризна обвинение

При актуализации одновременно всех семантических множителей выражается ‘упрек’.

ТСГ "Неодобрение – упрек" складывается из тематически объединенных рядов стационарных предложений. Стационарные предложения этой ТСГ находятся друг с другом в основном в отношениях строгого включения (привативная оппозиция) или полного исключения (дизъюнктивная оппозиция), хотя в отдельных случаях возможна и их контекстуальная взаимозамена (синонимия).

В данной ТСГ, как и во всех ТСГ, можно наблюдать большое разнообразие синтаксических структур. Коммуникативные единицы данной ТСГ можно расположить двояким образом: с учетом синтаксической структуры и с учетом меры "нарастания признака недовольства". Мы предпочли второй способ расположения стационарных предложений в ТСГ, так как, во-первых, в тематике каждой ТСГ находит отражение такой компонент ситуации, как "тема события", во-вторых (позволим себе повториться), мы, вслед за С.Филленбаумом и Ю.Н.Карауловым, считаем, что запоминание предложения основано не столько на синтаксисе, сколько на семантике, и в памяти человека кодируется значение предложения [см.: Караулов, 1980: 7].

Стационарные предложения обладают сложным сплетением "атомарных" сем, перечисленных в семном составе гиперонимического названия ТСГ.

"Как ясно видел 300 лет назад Лейбниц, – пишет А.Вежбицкая, – семантические или понятийные примитивы могут быть обнаружены только **методом проб и ошибок (**выделено нами – Л.М.), то есть путем непрекращающихся систематических

попыток истолковать как можно большее количество слов, чтобы можно было эмпирически выявить такие концепты, которые служат кирпичиками для построения всего остального. Основной идеей этих поисков было требование, чтобы в набор простейших входили только те понятия, которые действительно необходимы при толковании прочих" [1997: 329].

Компонентный анализ каждого стационарного предложения в ТСГ можно наметить как перспективу дальнейшего исследования. Пока ограничимся лишь перечислением стационарных предложений (с иллюстрациями из русской классической драматургии и прямой речи персонажей прозы), входящих в состав ТСГ "Неодобрение – упрек", расположив их по мере нарастания признака недовольства.

"Недовольство"

Не до тебя (вас).

[Виктор:] *Уйди, Афоня,* ***не до тебя...*** (А.Арбузов, Иркутская история, с. 348.)

Стационарное предложение *Не до тебя* указывает также на занятость (см.: с. 64).

Его (тебя, вас) только не хватало (о лице, предмете или явлении).

[Бусыгин:] *Будет дождь.* [Сильва:] ***Его только не хватало.*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 79.)

(Да) Хватит тебе (вам)!

[Нина:] ***Да хватит тебе!*** *Так можно вспоминать до самой смерти.* [Кудимов:] *Вспомнил!* [Сильва:] *Наконец-то.* [Кудимов:] *Я видел вас на улице!* [Нина:] *Ну, слава богу. Надеюсь, ты успокоился?* (А.Вампилов, Старший сын, с. 136.)

Стационарное предложение *(Да) Хватит тебе (вам)!* содержит в первую очередь ‘совет, призыв к прекращению действий’, равно как и стационарное предложение *(Да) Будет тебе (вам)!* Мы можем употребить это стационарное предложение и, так сказать, "от скромности", когда, например, кто-нибудь говорит нам комплименты.

Подумаешь!

[Виктор:] *Старик, опять звонила Ирина Сергеевна. Просила передать, что она ждет твоего звонка.* [Туманский:] *Хорошо. А? Ирина Сергеевна?* (Резко.) *Не лезь не в свое дело!* [Виктор:] ***Подумаешь!*** *То сам просил, а то – "не лезь".* (А.Афиногенов, Машенька, с. 35.)

Заметим, что стационарное предложение *Подумаешь!* в первую очередь выражает отношение к чему-то как не заслуживающему, с точки зрения говорящего, серьезного внимания.

Стационарное предложение *Подумаешь!* выражает также ‘несогласие с мнением собеседника’.

"Недовольство + неодобрение"

Следует отметить, что в основе "неодобрения" лежит сема ‘*недовольства*’.

Ср.: *Я недоволен, поэтому и не одобряю Ваших (твоих) действий*[14], или*: Я не одобряю Ваших (твоих) действий, потому что недоволен.*

(Да) Будет тебе (вам)!

[Валя:] ... *Слыхал, какой мне совет про тебя дают? Только я лучше не за него, а за тебя замуж пойду – верно, Витенька?*

[14] Слово *действие* в данном контексте понимается широко: как *процесс,* как *поступок,* как *мнение.*

[Виктор:] *Ну что озоруешь?* [Лариса:] ***Будет тебе*** *(= Хватит тебе), Валентина...* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 303.)

[Валерия:] *Нет, нет. Посмотри сначала, что он там выдумал.* [Галина:] ***Да будет вам.*** *(= Да хватит вам.) Давайте лучше к столу.* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 175.)

Предложение *(Да) Будет тебе (Вам, вам)!* – кроме значения ‘недовольство + неодобрение’ – содержит ‘предложение прекратить нечто (например, разговор на какую-то тему)’.

Как же так?

[Гомыра:] *Вася!* ***Как же так?*** *Разве это разговор?* (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 17.)

Предложение *Как же так?* – кроме названных значений – выражает и ‘удивление’.

Пеняй(-те) на себя.

[Марина (в трубку):] *Да он обычно за крайним столом сидит... Позови...* (Калошину.) ***Пеняйте теперь на себя.*** (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 269.)

Обычно стационарное предложение *Пеняй(-те) на себя* содержит значение ‘предостережения от чего-либо’. Например: *Не беги сломя голову по лестнице! Упадешь, ноги переломаешь! Пеняй тогда на себя !*

В приведенном выше примере стационарное предложение *Пеняй(-те) на себя*, кроме значения ‘недовольство + неодобрение’, содержит указание ‘сам виноват’ и произносится постфактум.

Перестань(-те) паясничать.

[Зилов:] *Нет, этого я тебе не прощу!* [Галина:] ***Перестань паясничать.*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 195.)

Кроме перечисленных значений, стационарное предложение содержит и значение ‘запрета’. Заметим, что компонент *паясничать* является переменным. Ср.:

***Перестань** дурака валять, **Перестань** толкаться, **Перестань** дразниться, **Перестань** ногами болтать, **Перестань** чепуху молоть, **Перестань** в носу ковыряться* и др.

Крестись(-тесь), если кажется.
(Мне) Голову не морочь(-те).

[Виктория:] *А что – одежда? Есть большие люди, а одеваются скромно, и мне кажется …* [Калошин (поднялся):] ***Крестись, если кажется. А мне голову не морочь...*** (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 259.)

Мне голову не морочь содержит также значение ‘запрета’.

Ну что? – произнесенное с интонацией возмущения, недовольства.

[Полина Матвеевна:] *Капитолина!* (Через некоторое время.) *Капитолина!* [Капитолина (прошла за ширму):] ***Ну что?** Что ты меня дергаешь поминутно. У меня голова болит кричать.* (А.Вампилов, Несравненный Наконечников, с. 455.)

Ну что? – произнесенное с интонацией вопроса, без возмущения, употребляется также в ТСГ "Проявление интереса". Имеет место омонимия стационарных предложений.

(По-)Молчи.

[Денис:] *Где был?* [Виктор (глухо):] *Не твое дело.* [Денис:] *В армии бы за это … знаешь?* [Виктор:] ***Помолчи.*** [Денис:] *Мой бы майор с тобой поговорил … будь уверен!* (А. Арбузов, Иркутская история, с. 307.)

Предложение *Помолчи* выражает ‘недовольство + неодобрение + запрет’.

Не твое (ваше) дело. Какое твое (ваше) дело!

[Виктория:] *Представляю. А может, здесь без него обойдется?* [Марина:] ***А это уж не твое дело****. Он мой друг, понятно Вам?* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 269.)

[Полина Матвеевна:] *Капитолина! Что это Михаил по ночам свет жжет? Что это он делает?* [Капитолина (вбегает за ширму, яростно):] ***Какое твое дело,*** *мама! Ты можешь помолчать, или нет?* (А.Вампилов, Несравненный Наконечников, с. 445-446.)

В приведенных примерах, кроме значений ‘недовольства’ и ‘неодобрения’, выражается ‘запрет’ (на продолжение разговора).

Что это значит?

(Калошин "ворвался" в номер Виктории.) [Калошин:] … (Виктория снова, на этот раз осторожно, открывает дверь.) (Спокойно.) *Вам кого?* [Виктория:] ***Что это значит?*** *(= Что это такое?)* [Калошин:] *Вы о чем?* [Виктория:] *Что вы делаете?* [Калошин:] *Я? Лежу, как видите.* [Виктория:] *Да, но …* ***Что это значит?*** [Калошин:] *Ничего. Лежу и все.* (А. Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 264.)

Стационарное предложение *Что это значит?* в прямом значении выражает ‘просто вопрос о смысле действий адресата’; здесь же – и ‘недовольство’, и ‘неодобрение’, и + ‘слабое непонимание’.

"Недовольство + неодобрение + укоризна"

Ср.: *Я недоволен Вашими (твоими) действиями, поэтому их не одобряю и даже корю Вас (тебя).*

Стационарный эллипсис ***(Ну) Что ты (вы)!***

[Бусыгин:] *Не вздумай потащить ее в кино.* [Сильва:] ***Ну что ты!*** *За кого ты меня принимаешь?...* (А.Вампилов, Старший сын, с. 130.)

Само стационарное предложение *(Ну) Что ты (вы)!* выражает ‘слабый укор’. В данном случае усиление ‘укоризны’ происходит за счет смысла последующего высказывания *За кого ты меня принимаешь?*

(Ну) Что ты (вы)! употребляется также – при несогласии с мнением (высказыванием) собеседника – как ‘возражение’.

Что (Чего) ты (вы) хочешь (хотите) от меня (него) (нее)?

[Борис:] *Да я ведь не прошу мне отметки ставить за поведение. И расписываться в дневнике не прошу.* [Забродин:] *Нет, если бы ты поступил как полагается – ты бы просил. Ты бы всем свой дневник в нос совал.* [Борис:] ***Чего ты хочешь от меня?*** [Забродин:] *Хочу, чтоб ты был Забродин. Вот и все...* (И. Шток, Ленинградский проспект, с. 55-56.)

Нашел(-и) чем хвастаться (хвалиться).

[Маша:] *... А разве ты умный? Мое письмо вслух прочел! Похвастаться.* ***Нашел чем хвастаться!*** *Что я тебя пожалела, думала ты, как я, одинокий, без мамы. Разве я тебе про любовь писала? Это ты сам приврал, чтобы смешнее было...* (А.Афиногенов, Машенька, с. 37.)

Что ты (вы) мелешь(-ете) (говоришь(-ите) (несешь (-ете)?

[Бусыгин:] ***Прекрати, что ты мелешь.*** *(= Что с тобой?)* (А.Вампилов, Старший сын, с. 127.)

Что с тобой?

[Бусыгин:] ***Что с тобой? Что ты мелешь?*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 127.)

Стационарное предложение *Что с тобой?* в зависимости от контекста, ситуации и интонации произнесения выражает также ‘удивление’, ‘непонимание’, а иногда – просто ‘проявление интереса’.

Этого недоставало! Этого не хватало!

[Окаемов:] *Ффу! Вкатили вы меня в историю, молодой человек. Хорошо еще, что учительница – умная женщина.* [Леонид:] *А я? Разве я глуп, что привел ее? Машенька будет петь вам по целым дням.* [Окаемов:] ***Этого недоставало!***... (А.Афиногенов, Машенька, с. 15.)

Кроме названных значений, стационарное предложение *Этого недоставало!* выражает ‘возмущение’ и ‘запрет’.

Не лезь(-те) не в свое дело!

[Виктор:] *Старик, опять звонила Ирина Сергеевна. Просила передать, что она ждет твоего звонка.* [Туманский:] *Хорошо. А? Ирина Сергеевна?* (Резко.) ***Не лезь не в свое дело!*** *(= Не суй нос не в свое дело.)* [Виктор:] *Подумаешь! То сам просил, а то – "не лезь".* (А.Афиногенов, Машенька, с. 35.)

Не лезь не в свое дело выражает также ‘запрет’.

"Недовольство + неодобрение + укоризна + обвинение" = "Упрек"

Ср.: *Вашими (твоими) действиями недоволен, поэтому их не одобряю, Вас (тебя) корю и обвиняю, словом, упрекаю.*

Разве тебе (Вам, вам) (это) к лицу?

[Денис:] *... Зинка у меня все понимает.* [Родион:] *Тебя что спасает, дитя? Живете в разных бараках. А дадут комнату – прощай, семейное счастье.* [Сергей:] *Некультурно как-то ты рассуждаешь, Родион. Говоришь о женщине всякие пошлости.* ***Разве тебе к лицу?*** *Ты все-таки москвич и вполне интеллигентный человек.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 282-283.)

Данное стационарное предложение содержит и значение ‘увещевания’.

Что ты (Вы, вы) наделал(-и)!

[Леонид (ошеломленный, смотрит на Окаемова):] *Боже мой!* ***Что вы наделали!*** *Я побегу к Маше, я скажу ей, все равно ее приведу!* [Окаемов:] *Не надо. Все сказано. Все понято. До конца...* (А.Афиногенов, Машенька, с. 37.)

Что вы наделали! вместе с тем выражает ‘возмущение’ и даже ‘ужас’ самого говорящего.

Как ты (Вы, вы) мог(-ла, -ли).

[Клавдия Петровна:] *Да вы что, живете с ним? Отвечай! Живете? Как муж с женой?* [Маша:] *Как любовник с любовницей.* [Клавдия Петровна:] ***Как же ты могла.*** *(= Как тебе не стыдно. = Ни стыда у тебя, ни совести.)* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 10.)

Хватит вам (тебе) валять дурака./Не валяй(-те) дурака.

[Зилов (вырывается. Всем):] ***Хватит вам валять дурака!*** *Сколько можно! Нужна девочка – так и скажите!..* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 234.)

Кроме перечисленных значений, данное стационарное предложение выражает ‘запрет’.

Куда ты (вы) суешь(-ете) свой нос?

[Нина:] *А ты?* ***Куда ты суешь свой нос?*** *(= Зачем/Чего/ Что ты лезешь не в свое дело.) Зачем? Почему ты сделал из него идиота?* (А.Вампилов, Старший сын, с. 141.)

Данное стационарное предложение выражает и ‘возмущение’.

Ни стыда у вас (тебя), ни совести.

[Угаров:] *Ведь он человек нездоровый. Больной.* (Врасплох.) *Анна Васильевна, голубушка! Спаси, дай три рубля до завтра.* [Васюта (быстро):] *Нет, нет… Не дам.* (Расстроилась.) ***Ни стыда у вас, ни совести.*** *(= Как вам не стыдно.) Сотнями швыряете, а просите у кого. Нет! Нет! И не говорите, и не думайте!* (Уходит.) (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 290.)

Как тебе (вам) не стыдно.

[Зилов:] *Галка, ты стала слишком подозрительной. Соседям ты веришь больше, чем мне.* ***Как тебе не стыдно.*** *(= Ни стыда у тебя, ни совести).* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 194.)

Ты (Вы) в своем уме?(!) (Ты (Вы) с ума сошел(-и)?(!) Сам не знаешь(-ет), что говоришь(-ит) (делаешь)(-ет).

[Зилов:] *Ты понимаешь, до чего ты дошла? И чтобы такую женщину я привел на могилу отца? Никогда! Уходи, я не желаю тебя!* [Галина:] ***Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что говоришь.*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 211.)

Названные стационарные предложения выражают также ‘возмущение’.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы.

В одной ТСГ могут встречаться синонимичные стационарные предложения. Ср.:

Что это значит? = Что это такое?

Что ты (вы) мелешь(-ете), (говоришь(-ите), (несешь (-ете)? = Что с тобой (Вами)?

Не лезь(-те) не в свое дело! = Не суй(-те) нос не в свое дело!

Как ты (вы) мог(-ла, -ли). = Как тебе (Вам) не стыдно. = Ни стыда у тебя (вас), ни совести.

(Да) Хватит тебе (вам)! = (Да) Будет тебе (вам)!

В процессе реализации стационарных предложений данной ТСГ в речи к составу основного набора сем прибавляются дополнительные семы; таких предложений большинство.

В эмоциях, выражаемых стационарными предложениями ТСГ "Неодобрение – упрек", содержится: а) то, что адресовано собеседнику (отношение к нему, к его поступку), и б) выражение особых эмоций говорящего (удивление, возмущение, ужас).

Тематико-ситуативная группа "Р а д о с т ь"

"Словарь современного русского литературного языка" [1950–1965] толкует слово *радость* следующим образом: "Чувство большого удовольствия, удовлетворения". "Словарь русского языка" С.И.Ожегова дает такое же толкование: "Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения" [1984].

Слово *радость* состоит из "сплетения" (синтеза) следующих "атомарных" сем: *'удовлетворение', 'удовольствие'.*

ТСГ "Радость" складывается из синонимических и тематически объединенных рядов стационарных предложений:

1. *(Я) (Очень) Рад (-а) (за тебя, вас); (Как) Прекрасно! (Это) (Просто) Чудесно (прекрасно, превосходно, замечательно)!*

2. *(Я) Рад(-а) с вами (Вами) познакомиться.*

3. *(Я) Рад(-а) видеть вас (Вас), (тебя).*

4. *(Ах) Вот что (как)! (= Какая радость!) Я рад(-а).*

Между стационарными предложениями в составе одного синонимического ряда – отношения равенства (нулевая оппозиция), то есть возможна их взаимозамена в любом контексте и любой ситуации. Отношения между стационарными предложениями разных синонимических рядов – дизъюнктивные (отношения полного исключения).

Приведем примеры:

[Вера (Зилову):] *Веселишься? Что, получил квартиру?* [Зилов:] *Ну получил.* [Вера:] ***Очень за тебя рада*** *(=* ***Прекрасно!****=* ***Чудесно!****) А где ты пропадал?* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 163.)

[Репников:] ***Ах вот что!*** *(=* ***Какая радость!****) Значит, все благополучно.* ***Я рад.*** (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 69.)

Стационарные предложения *Ах вот что! Ах вот как!* многозначны и многоситуативны, в иных ситуациях они могут выражать также ‘неодобрение, упрек’.

Стационарное предложение *(Я) Рад(-а) с вами познакомиться* употребляется в ситуации "знакомства". Радость, выражаемая в данном стационарном предложении, является результатом знакомства, она вплетена в ситуацию "знакомства", хотя и не исключается употребление слова *рад* просто в качестве сигнала вежливости.

Тематико-ситуативная группа "У т е ш е н и е – с о ч у в с т в и е – с о п е р е ж и в а н и е"

В "Словаре современного русского литературного языка" [1950–1965] семантика слова *утешение* объясняется через значение глагола *утешать*: "Участием, увещеваниями и т.п. успокаивать, облегчать кому-либо горе, страдание. Говорить успокаивающие, облегчающие горе слова". Слово *сопереживание* толкуется через глагол *сопереживать*: "Переживать вместе с кем-либо, разделять чьи-либо переживания". Слово *сочувствие* толкуется следующим образом: "Отзывчивое, участливое отношение к горю, переживаниям кого-либо, сострадание".

Стационарные предложения, входящие в эту ТСГ, содержат следующий набор сем: *‘успокоение’, ‘утешение’, ‘участие’, ‘сочувствие’, ‘переживание’, ‘страдание’.*

ТСГ "Утешение – сочувствие – сопереживание" складывается из двух синонимических рядов стационарных предложений:

1. *(Мне) (Очень) Жаль, (Я) Сочувствую (тебе, вам, Вам).*
2. *Не унывай(-те), Держись(-тесь), Не падай(-те) духом.*

Приведем примеры из современной драматургии:

[Кушак:] ***Мне очень жаль**, но на этот раз действительно не обойтись без последствий.* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 206.)

[Кудимов:] *Это ты?.. Все знаю...* ***Сочувствую.*** *Рад.* [Бусыгин:] *Благодарю за чуткость.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 132.)

Предложения первого синонимического ряда в определенном контексте в результате эмоционального переосмысления и соответствующей интонации могут выражать ‘иронию’. Имеет место омонимия, "достигающая" предела – антонимии. По всей вероятности, здесь следует говорить об антифразисе. И действительно, ‘ирония’ и ‘сочувствие’ в общенациональном языке не являются антонимами, их противопоставленность обусловлена общелексической антонимией: ирония – это "тонкая насмешка" (отрицательная эмоция), сочувствие – это "одобрительное, благожелательное отношение" (положительная эмоция) [Ожегов 1984].

(Алексей потерял обезьяну Лилиану.) [Ладыгин:] ***Не унывай,*** *Алешка.* (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 431.)

[Зилов (официанту):] *Пока, Дима.* [Официант:] *Пока.* ***Держись**, старик,* ***не падай духом***. (А.Вампилов, Утиная охота, с. 213.)

Как видно из описанного выше, четкое разграничение стационарных предложений одной ТСГ – задача не простая, так как каждое стационарное предложение при реализации в речи в зависимости от контекста, ситуации и интонации приобретает ряд дополнительных смыслов. При общении стационарные предложения иногда сопровождаются жестами, подчеркивающими их значение, экспрессивную окраску. Например: *Ах ты*

баловник! – жестом "погрозить пальцем"; *Что за прелесть!* – жестом "всплеснуть руками"; *Город как город* – жестом "пожать плечом"; *Ох уж эти мальчишки* – жестом "развести руками" [см.: Величко 1996: 13].

Часто говорят, что эмоции или эмоциональные концепты не могут быть истолкованы классическим способом, а значит, не могут быть истолкованы вообще [см.: Вежбицкая 1997: 327]. Однако если философы и психологи не смогли дать адекватного толкования эмоциям, это еще не значит, что данная цель непостижима вообще.

ТСГ, выделенные и описанные нами в системе стационарных предложений, – это всего лишь иллюстрация, но иллюстрация, доказывающая, что этот перечень возможен.

3. Синонимия в системе стационарных предложений

Свободное владение языком предполагает "смысловую адекватность" речи (умение выбирать такие языковые средства, которые выражают мысль говорящего наиболее точно); "идиоматичность речи в широком смысле слова" (умение соблюдать требования лексико-семантической и синтаксической сочетаемости); "перифрастическую способность говорящего" (умение выражать мысль различными способами, не заменяя ее содержания); "селективную способность говорящего" (умение выбирать из множества возможных средств выражения определенной мысли то, которое в наибольшей степени соответствует конкретной ситуации общения [см.: Апресян, 1979: 501].

В основе перифрастической способности говорящего лежит знание синонимической системы языка в широком смысле слова. Селективная способность говорящего является как бы

обратной стороной перифрастической способности. Она позволяет говорящему из ряда семантически или стилистически различных синонимов выбрать тот, который наиболее уместно употребить в конкретной ситуации.

"Когда Ф.Тютчев говорил: "Мысль изреченная есть ложь", он хотел сказать о несовершенстве плана выражения (изречения). Мы стремимся, чтобы мысль была истинной, но не находим для ее выражения (изречения) нужные слова, и мысль искажается словами приблизительными. Приблизительное слово – это ложь. Синоним, как слово приблизительное, тоже ложь. Надо найти в синонимическом ряду единственное слово, ибо оно истинно" [Мкртчян, 1987: 77-78]. Само явление синонимии – это результат того, что нет в языке двух совершенно равнозначных слов.

Богатство синонимических ресурсов более других признаков характеризует богатство любого языка. Русский язык отличается богатейшей синонимической системой [см.: Сиротинина, 2004: 28].

Синонимия, как известно, бывает лексической (*известный – знаменитый*), фразеологической (*и след простыл – и был таков*), словообразовательной (*безвестный – неизвестный*), морфологической (*дверями – дверьми*), синтаксической (*человек, встречающий поезд* и *человек, который встречает поезд*). Так как объектом нашего исследования является не слово, а предложение-высказывание, а именно: стационарное предложение, то синонимичными следует считать такие стационарные предложения, которые близки или тождественны по содержанию, но различаются в плане выражения.

Синонимичные стационарные предложения можно объединить в синонимические ряды. По количеству элементов (предложений) синонимические ряды неодинаковы: одни имеют в

составе два-три предложения (*Желаю удачи. = Ни пуха ни пера; Правда? = На (В) самом деле? = Ей богу?*), другие включают в свой состав большее количество стационарных предложений (*Хорошо. = Ладно. = Договорились. = Добро; Хватит. = Прекрати (-те). = Остановись(-тесь). = Довольно(!); Нет. = Что вы (ты). = Ничуть не бывало. = Никогда. = Ни за что. = Ни в коем случае. = Упаси боже. = Как бы не так. = Дудки. = Здрасьте. = Привет. = Черта с два.).*

Наиболее представительны синонимические ряды в сфере речевого этикета, например ТСГ "Приветствие". "Словарь синонимов" (под ред. А.П.Евгеньевой) дает следующий синонимический ряд "приветствия": *Здравствуй(-те)* (приветствие при встрече), *Здорово* прост. фам., *Здорово живете (живешь)* прост., *Здравия желаю (желаем)* (форма приветствия по отношению к старшему по званию в армии), *Привет* разг. (непринужденная форма приветствия), *Приветствую вас* (несколько церемонная форма приветствия), *Мое (Наше) почтение* устар., *Наше вам (с кисточкой)* прост. (шутливое приветствие) [1975: 171]. Как видим, в синонимическом ряду 8 единиц.

В "Словаре синонимов русского языка" З.А.Александровой данный синонимический ряд представлен богаче: *Здравствуй (-те), Добрый день (*или *вечер), Доброе утро, Здорово, Привет* (прост.), *Доброго здоровья* (уст.); под знаком ромба даны также фразеологизированные предложения-приветствия: *Здорово живешь (живете), Почет и уважение* (прост.), *Наше вам (с кисточкой)* (прост. шутл.), *Мое (или наше) почтение* (уст.) [1971: 168] – 10 единиц.

В синонимическом ряду можно выделить доминанту – наиболее употребительную, наиболее обобщенно передающую значение, стилистически нейтральную единицу. Такой единицей является стационарное предложение *Здравствуй(-те).*

Можно выделить единицы центральные, более употребительные, и периферийные, менее употребительные, имеющие некоторую дополнительную экспрессивную окрашенность.[15]

Центральными являются следующие единицы: *Добрый день (*или *вечер), Доброе утро, Привет, Здорово.*

Периферийными: *Здорово живете (живешь), Здравия желаю (желаем), Доброго здоровья, Почет и уважение, Приветствую (Вас), Мое (Наше) почтение, Наше вам (с кисточкой).*

Анализ собранного нами материала и опрос информантов подтверждают целесообразность выделения доминанты, центральных и периферийных единиц в синонимическом ряду стационарных предложений [см.: Матевосян, 1992, Приложение 3: 186-187].

Периферийные единицы очень редко встречаются в обиходной речи говорящих. В собранном нами материале они вообще отсутствуют.

[Милиционер:] ***Здравствуйте.*** *Документы.* (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 21.)

[Федор:] *Дверь открыта... Ну,* ***здравствуй,*** *отец.* (Целуется.) *А это Маша? Как выросла-то! Ну,* ***здравствуй****, Маша* (целует ее). *Знаю уж, знаю, что породнились мы. Как живешь, Забродина Марья?* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 81.)

[Репников (проходит):] ***Здравствуйте.*** [Колесов:] ***Добрый вечер.*** (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 53.)

[15] Критерий выделения центральных и периферийных единиц синонимического ряда – частотность употребления соответствующих стационарных предложений в разговорной речи. Стилистический фактор не учитывается.

[Нина (Сильве):] ***Доброе утро...*** (Бусыгину.) *Ну,* ***здравствуй...*** *братец... Как спалось?* [Сильва:] *Спасибо, хорошо.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 106.)

[Алексей:] ***Доброе утро.*** [Констанция:] ***Здравствуй****, мой друг. Мы не знакомы с вами. Я Кирина мамочка.* (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 415.)

[Пашка:] ***Здрасьте.*** [Кашкина:] ***Добрый день...*** (Шаманову.) *До вечера.* (Исчезает.) [Шаманов:] *Счастливо...* (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 337.)

[Кузаков:] ***Привет****, алики!* [Зилов:] ***Привет, привет...*** [Официант:] ***Привет.*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 229.)

[Дергачев:] *Э, кого я вижу...* ***Здорово****, брат,* ***здорово.*** [Еремеев:] ***Здорово,*** *Афанасий...* ***Здорово...*** (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 318.)

ТСГ "Прощание".

"Словарь синонимов" (под редакцией А.П.Евгеньевой) дает следующий ряд синонимичных предложений: *До свидания, До скорого свидания, До скорой встречи, Всего хорошего (*или *доброго, лучшего, наилучшего), Всего* разг. фам., *Счастливо оставаться* разг., *Счастливо* разг.фам., *Будь(-те) здоров(-ы)* разг., *Пока* обих.-разг. фам., *Честь имею кланяться* устар., *Прощай(-те)* (употр. при расставании на долгий срок или навсегда), *Прощевай(-те)* прост., *Прости(-те)* устар. [1975: 127].

В данном синонимическом ряду можно выделить две доминанты: *До свидания* (при расставании ненадолго) и *Прощай(-те)* (при расставании надолго или навсегда).

Центральными единицами (наиболее употребительными, частотными в повседневной речи говорящих) являются: *Всего*

хорошего (доброго), Счастливо (оставаться), Пока, Всего, Будь(-те) здоров(-ы).

В синонимический ряд "прощания" входит стационарное предложение *Привет*, которое чаще (обычно) употребляется как "приветствие".[16] Например:

[Галина:] *Да нет, я пошутила. Приеду через месяц... Ну, давай прощаться.* (Они целуются.) *Счастливо тебе... Вспоминай меня. Иногда*... ***Ну, привет!*** *(=* ***До свидания.)*** (А.Вампилов, Утиная охота, с. 217.)

В эту ТСГ входят также стационарные предложения *До вечера, До завтра, До утра, Спокойной ночи.* Стационарные предложения *До вечера, До завтра, До утра* выражают ‘прощание’ с указанием на срок и "обещают" скорую встречу. Стационарное предложение *Спокойной ночи* уместно только при прощании вечером и совмещает в себе значения ‘прощания’ и ‘пожелания’ одновременно.

ТСГ "Благодарность".

В "Словаре синонимов" (под ред. А.П.Евгеньевой) дан следующий ряд предложений, выражающих ‘благодарность’: *Спасибо* (выражение благодарности), *Благодарю, Бдагодарствую* устар. [1975: 545].

В "Словаре синонимов русского языка" З.Е.Александровой синонимический ряд "благодарности" включает еще большее количество единиц: *Спасибо, Благодарю, Большое спасибо, Очень благодарен, Спасибочко* (прост.), *Благодарствуй, Бдагодарствую, Покорно благодарю, Премного (*или *чувствительно) благодарен* (учт.), *Мерси* (уст. разг.) [1971: 513].

Доминантой является стационарное предложение *Спасибо.*

[16] Имеет место омонимия.

Благодарю, Большое спасибо – центральные единицы, наиболее употребительные; остальные единицы данного синонимического ряда – периферийные, менее употребительные. Они имеют некоторую дополнительную экспрессивную окрашенность.

Приведем примеры наиболее употребительных стационарных предложений из современной драматургии:

[Кашкина:] *Который час?* [Мечеткин:] *Э-э... двадцать минут девятого.* [Кашкина:] ***Спасибо.*** (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 361.)

[Виктория:] *А то забирайте мой приемник, утром вернете.* [Потапов:] *Разрешите?* [Виктория:] *Забирайте.* [Потапов:] ***Большое вам спасибо.*** (Взял радиоприемник.) *Извините еще раз, спокойной ночи.* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 352.)

В стационарном предложении *Большое вам (Вам, тебе) спасибо* эксплицировано лицо адресата.

[Окаемов:] *... И подайте книгу, которую вчера купили по моей записке.* [Митя:] *Зелененькую, что ли?* [Окаемов:] *Да.* ***Благодарю вас.*** *Ступайте…* (А.Афиногенов, Машенька, с. 28.)

ТСГ "Извинение".

В "Словаре синонимов" (под ред. А.П.Евгеньевой) дается следующий ряд синонимичных предложений со значением ‘извинения’: *Прост(-те)* (форма извинения за причиненное беспокойство, за что-либо сказанное, сделанное), *Извини(-те), Прошу прощения (*или *извинения), Прошу простить (*или *извинить), Виноват (виновата)* разг., *Пардон* разг. преимущ. шутл. [1975: 455].

Доминантой данного синонимического ряда, судя по "Словарю синонимов" А.П.Евгеньевой, является единица *Прости(-те).* Но статистика показывает, что единица *Извини (-те)* тоже является доминирующей.

Центральными являются единицы *Прошу прощения (*или *извинения), Прошу простить (*или *извинить), Пардон*.

Самой высокой взаимозаменяемостью (синонимичностью) характеризуются стационарные предложения, которые, совпадая по значению, свободно замещают друг друга в любой конситуации. Таковыми являются многие единицы речевого этикета. Стационарные предложения одного синонимического ряда, как правило, взаимозаменяют друг друга в любом контексте. Однако нельзя забывать, что "... в целом речевой этикет (как и этикет вообще) регулирует отношения с собеседником типа "равный – старший – младший". Если общаются равные по положению и возрасту собеседники, ситуация оказывается симметричной, если они различаются по существенным признакам, то ситуация оказывается "асимметричной"" [Формановская, 1984: 7].

В сфере разговорного стандарта синонимические ряды немногочисленны, но достаточно представительны:

1. *Не знаю. = Ума не приложу. = (А) Я знаю?*
2. *(Ну и) Хорошо. = (И) Слава богу. = Ну и ладненько. = Лады.*
3. *О чем разговор, не понимаю. = Не понимаю. = Вы (ты) о чем? = То есть? = Что такое?*
4. *От судьбы не уйдешь. = Чему быть, того не миновать.*
5. *Как тебе не стыдно. = Ни стыда у вас (тебя), ни совести. = Как ты (вы) мог(-ла,-ли).*
6. *(Одну) Минутку. = Подожди(-те).*

7. *Я вас (тебя) прошу. = Будь(-те) добр(-а,-ы). = Сделай (-те) одолжение. = Ради бога.*
8. *Черт бы их (его, ее) побрал! = Чтоб они (он, она) провалились(-ся,-ась)! = Пропади они (он, она) пропадом! = Чтоб им (ему, ей) пусто было!*
9. *Что случилось? = В чем дело? = Что такое?*
10. *Что с тобой (вами)? = Что-нибудь случилось?*
11. *Что с тобой (вами)? = Что ты (вы) говоришь(-ите) (мелешь,-ете / несешь,-ете)?*
12. *Не падай(-те) духом. = Держись(-тесь). = Возьми(-те) себя в руки.*
13. *Может быть. = (Ну) Кто тебя (вас, его, ее) знает.*
14. *Куда ты (вы) суешь(-те) свой нос? = Зачем (Что) (Чего) ты (вы) лезешь(-ете) не в свое дело?*
15. *Час от часу не легче. = (Чем) Дальше в лес, (тем) больше дров.*
16. *Не понимаю. = Черт возьми (побери). = Елки-палки.*
17. *Хорошо! = Прекрасно! = Чудесно! = Отлично!*
18. *И это все? = Всего лишь?*
19. *Подумаешь! = Ну и что? = Не беда. = Велика беда! = Велика важность! = Большое дело!*
20. *(Я) Уверен(-а). = Бьюсь об заклад.*
21. *Так дело не пойдет. = Так нельзя. = Ничего не получится.*
22. *Да. = (Ну) Конечно. = Хорошо. = (Ну) Еще бы!*
23. *(Ну) Что ты...(!?) = (Ну) Что с тобой...(!?)*
24. *Чем ты (вы) недоволен, недовольна (-ы)? = Что тебе (вам) не нравится? = Что тебя (вас) не устраивает? = Что (Чего) ты (вы) хочешь (хотите) от меня?*
25. *Будь(-те) уверен(-а,-ы). = Не сомневайся (-тесь).*
26. *Что делать? = Как быть?*

27. Не откажусь. = Не прочь. = Да.

28. Не беспокойся(-тесь). = Будь(-те) спокоен, спокойна(-ы).

Этот список можно было бы продолжить.

Проиллюстрируем некоторые синонимичные стационарные предложения примерами из драматургии.

I. *Хватит. = Прекрати(-те). = Остановись(-тесь). = Довольно!* (‘неодобрение’, ‘упрек’, ‘запрет’).

[Забродин:] *А тут свидетельство жены одного из заключенных, что вы ей деньги предлагали, чтоб ее муж на суде о вас не говорил. Он и не говорил. А ей Скворец и инженер Львов объяснили, что лучше бы ему сказать правду, ему срок скосят. Вот она и пишет...* [Семен Семенович:] ***Довольно! (= Хватит. = Прекратите. = Остановитесь.)*** *Я не желаю больше слушать этого. Идите. Идите к прокурору, к черту, к дьяволу, копайтесь в грязном белье. А я не желаю этого слушать.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 60.)

В стационарном предложении *Довольно!* значение ‘недовольства’ выражен интенсивнее, чем в остальных стационарных предложениях названного синонимического ряда, но этот фактор не исключает возможность замены данного стационарного предложения другими членами синонимического ряда.

II. *Что случилось? = В чем дело? = Что такое?* (‘незнание’, ‘непонимание’).

[Вася:] *Борис! Иди! За тобой Сергей Чухин пришел.* [Борис (выходит из большой комнаты):] ***В чем дело? (= Что случилось? = Что такое?)*** [Чухин:] *Ты что, с ума сошел? Обалдел? Почему дома сидишь?* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 48.)

[Базильский:] ***В чем дело?*** [Ступак:] ***Что случилось?*** [Васюта:] ***Это еще что такое?*** (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 301.)

Отрывок из пьесы А.Вампилова наглядно подтверждает синонимию приведенных стационарных предложений. Стационарные предложения данного синонимического ряда обладают "высокой" синонимичностью, так как совершенно равнозначны в плане стилистическом и максимально близки в плане семантическом. Добавление в стационарном предложении *Что такое?* таких слов, как *это еще*, привносит в его семантику значение ‘недовольства’.

III. *(О чем разговор,) Не понимаю. = Вы о чем? = То есть? = Что такое?* (‘непонимание’).

– Вы отдаете себе отчет, Вячеслав Андреевич, что в связи с тем, что произошло в вашей съемочной группе, вам угрожает суд? Или вы считаете, что на вас, известного человека, не распространяются советские законы?

– ***То есть? (= О чем разговор, не понимаю. = Вы о чем?)*** (Ю.Бондарев, "Игра", № 1, с. 12.)

[Виктория:] *Что это значит?* [Калошин:] ***Вы о чем? (= То есть? = Не понимаю.)*** [Виктория:] *Что вы делаете?* [Калошин:] *Я? ... Лежу, как видите.* [Виктория:] *Да, но... Что это значит?* [Калошин:] *Ничего. Лежу, и все... Решил немного отдохнуть, полежать, почитать книжечку. Что же тут удивительного?* [Виктория:] *Но это... это... Очень даже странно!* [Калошин:] ***Об чем разговор, не понимаю. (= То есть? = Вы о чем?)*** [Виктория:] *Это же просто... просто... я даже не знаю...* [Калошин:] *А что такое? Что вас волнует, не понимаю.* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 264.)

Во втором примере синонимия названных стационарных предложений обозрима: сам говорящий в целях избежания повтора прибегает к помощи синонимов. Синонимы выполняют стилистическую функцию, которую принято называть функцией замещения.

Стационарные предложения из состава синонимических рядов, приведенных нами в качестве иллюстраций, как мы видим, характеризуются самой "высокой" синонимичностью, ибо взаимозаменяют друг друга в любой конситуации. Однако, "... принимая во внимание фактор взаимозаменяемости, ученые ввели термин с противоположным значением – **толерантное множество** (выделено нами – Л.М.). Примером таких множеств признаются обычные синонимические ряды, члены которых в определенных контекстах не являются взаимозаменяемыми" [Словарь фразеологических синонимов русского языка 1987: 5]. Так, толерантным множеством в системе стационарных предложений является синонимический ряд: *Нет. = Что вы (ты)! = Ничуть не бывало. = Никогда. = Ни за что. = Ни в коем случае. = Упаси боже. = Как бы не так! = Дудки! = Здрасьте. = Привет. = Черта с два.*

Стационарные предложения данного синонимического ряда в определенных контекстах не взаимозаменяют друг друга, хотя каждый член синонимического ряда в конечном счете может быть приравнен к доминанте – *Нет*. Приведем примеры:

[Марина (Калошину, панически):] *А ну поднимайся! ... Поднимайся, и чтоб духу твоего здесь не было! Вставай немедленно!* [Калошин:] ***Нет, нет! Ни в коем случае.*** [Марина:] *Ты что же, подняться не можешь?* [Калошин:] *Не могу.* (А. Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 269.)

В этом контексте возможна взаимозамена *Нет! = Ни в коем случае. = Ни за что. = Никогда* и недопустима замена *Что ты,*

Ничуть не бывало, Упаси боже, Дудки, Здрасьте, Привет, ибо подобное замещение кардинально изменило бы общее настроение, характеризующее диалог, да и не только настроение. Последующая реплика собеседника (*Ты что же, подняться не можешь?*) оказалась бы неадекватной и в плане содержания.

[Колесов (поднялся):] *Дядя, да вы кошмарный старик ...* (Молчание.) *Дядя, спокойнее, что это вы так раздухарились? Что с вами?* [Золотуев (вдруг опомнился):] *А?... Верно, чего это я?* [Колесов:] *Странно... Уж не вы ли тот самый продавец?* [Золотуев:] ***Что ты, что ты... Упаси бог,*** *не я!...* (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 51.)

Что ты. = Упаси бог. = Нет. = Ни в коем случае. ≠ Никогда. ≠ Ни за что. ≠ Как бы не так! ≠ Дудки. ≠ Здрасьте. ≠ Привет. ≠ Черта с два.

Запрет на замещаемость членов данного синонимического ряда может быть обусловлен не только контекстом, но и этикетом, регулятором отношений "равный – старший – младший".

Контекст разрешает замену (например, замену типа *Нет.↔Дудки; Нет.↔Привет; Нет.↔Здрасьте; Нет.↔Черта с два*), если собеседники – люди, равные по социальному положению и возрасту, то есть ситуация симметричная. В асимметричной ситуации, например "профессор – студент", "пожилой человек – молодой", подобная замена (то есть ответ студента на вопрос профессора предложениями: *Привет, Здрасьте, Дудки, Как бы не так, Черта с два*) недопустима, ибо вызовет недоумение, даже негодование-возмущение.

Толерантное множество представляет собой и синонимический ряд: *Да. = (Ну) Конечно. = Хорошо. = (Ну) Еще бы! = Было такое.*

Взаимозаменимы в любом контексте следующие члены данного синонимического ряда:

Да. ↔ *(Ну) Конечно.* ↔ *(Ну) Еще бы!*

Да. ↔ *Хорошо.*

Да. ↔ *Было такое.*

И невозможна замена:

Было такое. ↛ *Хорошо.* ↛ *Еще бы.* ↛ *Конечно.*

Ср.:

[Сарафанов:] *... Ты знаешь ту самую мастерскую на углу? ... Ну, швейную!* [Бусыгин:] ***Ну еще бы! (= Да. = Ну конечно.)*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 101.)

[Нина (Кудимову):] *Ага, ты здесь.* (Остальным.) *Привет.* (Проходит.) *Познакомились?* [Сильва:] ***Было такое. (= Да.)*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 133.)

Стационарные предложения *Велика беда/Не беда* и *Велика важность/Большое дело*, несмотря на то, что они абсолютно взаимоисключают друг друга, входят в один синонимический ряд (толерантное множество): *Подумаешь. = Ну и что? = Велика беда. = Не беда. = Велика важность. = Большое дело*, так как, во-первых, каждое из них может быть заменено стационарными предложениями *Подумаешь!* и *Ну и что?*, во-вторых, – и это, пожалуй, главное, – их объединяет в один синонимический ряд ‘отрицательная эмоциональная оценка явления или действия’. Ср.:

[Макарская:] *С ума сошел! Как же я могу тебя пустить, если я тебя не знаю!* [Бусыгин:] ***Велика беда!... (= Подумаешь. = Ну и что? ≠ Велика важность. ≠ Большое дело.)*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 79.)

Среди стационарных предложений встречаются такие, которые, входя в состав разных синонимических рядов, в определенной конситуации взаимозаменимы. Как правило, это предложения с синкретичной семантикой. Например:

[Виктор:] *Нескладно с Валентиной у нас, батя... Деньги ей платим, а за что? За то, что она сложа руки сидит?* [Сердюк:] *Сдурел, сменный?* [Зинка:] ***Что ты,*** *Витюша...* [Родик:] ***Как не стыдно тебе...*** [Виктор:] ***Молчи,*** *Родион, это ты ее человеческое достоинство унижаешь своими интеллигентскими выдумками...* [Денис:] ***Что ты говоришь,*** *Витька!* ... [Родик:] ***Ну знаешь,*** *братец...* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 347-348.)

Стационарные предложения *Молчи, Как тебе не стыдно, Что ты, Что ты говоришь, Ну знаешь* в этом контексте синонимичны; каждое из них выражает одновременно ‘несогласие’, ‘неодобрение’, ‘упрек’, хотя и является в языке членом отдельного, особого, самостоятельного синонимического ряда. Это – конситуативная синонимия. Она делает данные стационарные предложения взаимозаменяемыми и позволяет включить их в одну ТСГ, в частности, данные предложения вошли в ТСГ "Неодобрение – упрек".

Таким образом, синонимия как лингвистическое явление играет важную роль в речи, так как дает возможность точно выразить мысль, точно представить ситуацию. Богатая синонимика является показателем богатства не только языка вообще, но языка того или иного индивидуума.

Речь – явление социальное. Она характеризует говорящего. "Подобно одежде, которая может служить социальным признаком – пусть недостоверным, – определяющим человека, который ее носит, манера говорить выставляет говорящего в

определенном свете и относит его к определенному классу" [Балли 1961: 28].

Вопросы и задания

1. Что такое тематико-ситуативная группа?
2. Как формируется название тематико-ситуативной группы?
3. Из каких коммуникативных единиц образуется тематико-ситуативная группа?
4. Что такое синонимический ряд в системе стационарных предложений?
5. Какие тематико-ситуативные группы выделяются в системе стационарных предложений?
6. Перечислите и опишите отношения между стационарными предложениями одной тематико-ситуативной группы.
7. В какие классы объединяются тематико-ситуативные группы в системе стационарных предложений?
8. Из каких микросистем состоит макросистема "Стационарные предложения"? Перечислите.

1. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Проявление интереса".**

2. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Согласие с мнением собеседника".**

3. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Несогласие с мнением собеседника".**

4. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Просьба".**

5. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Поздравление-пожелание".**

6. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Недовольство".**

7. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Негодование".**

8. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Страх".**

9. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Обида".**

10. **Перечислите по возможности полно стационарные предложения ТСГ "Радость".**

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Ш.Балли во "Французской стилистике" пишет: "Мы являемся рабами собственного я" [1961: 22]. Из чего складывается это "я"? С точки зрения Ш.Балли, индивидуальность составляют не идеи, – "… ибо нет ничего более безличного, чем идея", – а эмоции, чувства, желания, стремления – "… все, что стимулирует нас к действию, все, из чего складываются не зависящие от рассудка темперамент и характер " [там же: 23].

Речь человека, создателя и преобразователя языка, "выражает в первую очередь чувства" [там же], хотя в речи чувство не всегда выражено отчетливо и в равной степени. Соотношение логического (рассудочного) и эмоционального в мышлении, а следовательно, и в речи различно.

Тенденция к стереотипности мышления и речи из-за боязни остаться в изоляции противопоставлена стремлению говорящего выразить в речи свойственные только ему индивидуальные чувства. Таким образом, стандарту противостоит конкурирующая тенденция – тенденция к увеличению разнообразия, тенденция к дифференциации, тенденция к экспрессии. Под влиянием тенденции к экспресссии, к увеличению разнообразия происходит устаревание стандартных единиц данного времени.

Язык динамичен, а следовательно, он должен быть таковым во всех своих проявлениях. Отсюда и динамизм стандарта, то есть стереотипных высказываний. Динамизм этот, по наблюдениям Н.В.Черемисиной, проявляется в многообразном варьировании стереотипных высказываний [см.: Протченко, Черемисина 1986: 99].

Материалом лингвистических наблюдений и выводов при исследовании варьирования стереотипных высказываний послужила для нас разговорная речь, ибо, по справедливому замечанию Ш.Балли, "… разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи" [1961: 24; см. также: Щерба, 1957; Лаптева, 2002].

Человек, опираясь на стандарт как на ядро языковой системы в ряде стереотипных ситуаций, часто не только преобразует, но и разрушает стандарт, создавая новое. Стимулом является желание быть неповторимым, уникальным, не исчезнуть, не раствориться в рамках стереотипа, не потерять собственного лица. И тогда побеждает тенденция к экспрессии, к динамизму. Этим объясняется варьирование стационарных предложений. Оно может состоять в:

1) **опущении** элемента из состава стационарного предложения;

2) **добавлении** какого-либо элемента в составе стационарного предложения;

3) **замене** одного элемента стационарного предложения другим [см.: Матевосян, 1992: 118-128; 2005: 123-132].

Варьирование стационарных предложений (опущение, добавление какого-либо элемента, замена одного элемента другим) может целиком и полностью либо частично изменять содержание высказывания (**лексическое варьирование**), может служить для дифференциации смысловых оттенков (**семантическое варьирование**), может придавать высказыванию эмоционально-экспрессивную окрашенность (**лексико-стилистическое варьирование**) и, наконец, может не изменять стационарное предложение ни в семантическом, ни в стилистическом плане (**лексико-синтаксические дублеты**).

Рассмотрим на примерах.

Опущение какого-либо элемента в составе стационарного предложения:

Поздравляю вас (Вас, тебя) с новосельем. —› С новосельем.

[Вера:] *Очень приятно.* ***Поздравляю вас с новосельем.*** *Вот.* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 173.)

[Кушак (преподносит Галине цветы):] ***С новосельем.*** *Сердечно поздравляю*. (А.Вампилов, Утиная охота, с. 171)

Здесь следует обратиться к проблеме валентности глагола *поздравляю*, являющегося семантическим ядром стереотипных высказываний тематико-ситуативной группы (ТСГ) "Поздравление".

По образному выражению А.Дмитриевского, предложение – "драма мысли", в которой сказуемое, являющееся единственным главным членом предложения, воплощает действие драмы, "дополнения" (к ним А.Дмитриевский относит и подлежащее) напоминают действующих лиц сцены, а обстоятельства представляют саму сцену. Мысли А.Дмитриевского перекликаются с более поздними идеями французского ученого Л.Теньера, который определил предложение как "драму в миниатюре", сказуемое – как вершину предложения [см. об этом: Современный русский язык 1981: 471]. Идеи А.Дмитриевского, Л.Теньера нашли отражение в работах по семантическому синтаксису. В большинстве работ по синтаксису в качестве семантического ядра предложения представлен предикат, который окружен предметными субстантивными компонентами. Предикат в соответствии со своей валентностью задает количество предметных компонентов, которые называются актантами – в терминологии Л.Теньера, предметными местами – в терминологии Т.П.Ломтева, предикандумами – в терминологии С.Д.Кацнельсона [см.: Белошапкова, 1977; Ломтев, 1979; Кацнельсон, 2002].

Валентные свойства предиката, реализующиеся в предложении, в самом предикате даны в виде "мест", подлежащих заполнению "пробелов". Каждый предикат как бы открывает "вакансии" для замещающих эти вакансии "предикандумов" [см: Канцельсон, 2002: 177].

Так, семантическим ядром стационарных предложений ТСГ "Поздравление" является предикат *поздравляю*, который, как правило, окружен актантами: *кто? кого? с чем?* Опущение первых двух актантов не влияет на смысловую сторону высказывания, так как они имплицитно содержатся в структуре ситуации "поздравления"; первый актант, обозначающий адресанта, эксплицитно выражен в самом предикате (в его флексии), третий актант несет основную информацию. Хотя предикат *поздравляю* в предложении *Поздравляю вас с новосельем* является стержневым компонентом, его опущение не разрушает предложения, ибо он (его значение) имплицитно содержится в актанте. Поэтому стационарные предложения *С новосельем, С победой, С днем рождения* воспринимаются не как "осколки" полного высказывания, а как его варианты, равнозначные ему и равноправные с ним.

Стационарные предложения ТСГ "Благодарность", такие как *Спасибо, Благодарю, Большое спасибо, Очень благодарен* и др., часто осложняются конструкцией *за + вин. п.* Это, вернее, не осложнение, а эксплицитное выражение того, *за что благодарят* (а благодарят всегда за что-либо), поэтому *благодарность за что* имплицитно содержится в высказываниях *Спасибо, Благодарю* и др. В высказываниях данной ТСГ возможно опущение зависимого компонента и исключается опущение компонента стержневого, ибо без стержневого слова конструкция *За + вин. п.* приобретает другое значение, значение ‘пожелания’: *За дружбу, За твое здоровье* и т.п.

За твое здоровье. —›Твое здоровье.

[Сарафанов:] *Я счастлив… Я просто счастлив.* [Сильва (Сарафанову):] ***За вас, за вашу дружную семью!*** [Бусыгин:] ***Твое здоровье,*** *папаша.* [Сарафанов (в волнении):] *Спасибо, сынок.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 99.)

[Виктор (подойдя к Маше):] *Мария! «Вернись, я все прощу, упреки, подозрения…» И как там далее поется. Словом, будем в новом году дружить по-новому. И если я начну хамить по-старому, ты меня беспощадно крой.* ***Твое здоровье,*** *Мария!* [Маша:] *Спасибо, Витя. (*А.Афиногенов, Машенька, с. 49.)

Подобное варьирование не изменяет стационарного предложения ни в семантическом, ни в стилистическом плане, это своеобразные лексико-синтаксические дублеты.

Варьирование может осуществляться и **путем добавления какого-либо элемента в составе стационарного предложения.**

Извини (-те). —› Извини (-те) ***еще раз.***

[Виктория:] *А то забирайте мой приемник, утром вернете.* [Потапов:] *Разрешите?* [Виктория:] *Забирайте.* [Потапов:] *Большое вам спасибо.* (Взял радиоприемник.) ***Извините еще раз,*** *спокойной ночи.* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 352.)

Благодарю. —› ***Еще раз*** *благодарю тебя (Вас, вас) за все, (что ты (Вы, вы) для меня сделал (-и).*

[Вера:] *Не буду дальше отвлекать вас своей болтовней. До свидания, милый Василий Иванович.* ***Еще раз благодарю вас за все,*** *что вы для Маши сделали.* (А.Афиногенов, Машенька, с. 55.)

В приведенных выше высказываниях добавление элемента *еще раз* не разрушает стандарта, а усиливает значение ‘извинения’ и ‘благодарности’; значение ‘счета’, или количественное значение, здесь ослаблено – имеет место семантическое варьирование. В предложениях же *Большое вам (Вам, тебе) спасибо* (вариант *Большое спасибо*), *Благодарю вас (Вас, тебя)* (вариант *Благодарю*) это добавление носит иной характер: лицо адресата выражено эксплицитно. В предложении *Благодарю вас (Вас, тебя) за все* эксплицируется то, за что благодарят – *за все*, что также не приводит к разрушению стационарного предложения. Другой пример семантического варьирования:

*Извиняюсь. —› **Дико** извиняюсь. —› **Я дико** извиняюсь.* [Белянин, Бутенко, 1994: 181]

Или:

*Как ваше (твое) имя? —› Как ваше (твое) имя, **если не секрет?***

[Леонид:] *Как ваше имя, если не секрет?* [Маша:] Маша. (А.Афиногенов, Машенька, с. 11.)

Это лексико-стилистическое варьирование. Стилистическая маркированность подобных предложений обеспечивается характером взаимоотношения общающихся и их возрастной разницей.

Стационарные предложения часто осложняются различными частицами, в том числе модальными (их в лингвистической литературе называют также выделительными, акцентирующими, экспрессивными и т.д.) [см.: Николаева, 1985: 3] – типа *ну, вот, же, еще, и, а* и т.п., что не приводит к разрушению стандарта. Подобное осложнение стереотипных высказываний обусловлено такой функцией модальных частиц, как функция

передачи разнообразных коммуникативных характеристик сообщения, например, выражение различных субъективно-модальных значений или оценки сообщения, участие в выражении цели сообщения, утверждения или отрицания, характеристика действия или состояния по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления [см.: Русская грамматика 1980: 723]. Более того, частицы делают речь выразительной, экспрессивной. **Речь без частиц – обеднённая речь.** Частицы передают отношение говорящего к ситуации, к миру реальности. Частицы сообщают нечто дополнительное, эксплицитно не выражаемую "скрытую строку", т.е. несут в себе "мир дополнительной скрытой семантики" [Николаева, 1985: 29]. В речи своей мы можем просто описывать окружающую нас действительность, а можем и обсуждать ее. Обсуждение мира реальности достигается высказываниями с частицами [см.: там же: 28]. Все модальные частицы объединяет оценочное значение. Таким образом, модальные частицы – "это слова, максимально ответственные за удачу (happy conditions) общения" [там же: 14]. И так как тезис о принципиальной непереводимости частиц общепризнан, то "… употребление частиц нужно *не усвоить, а освоить* (курсив наш – Л.М.)" [там же: 10]. Именно освоить, ибо скрытая семантика частиц часто вытекает не из буквального состава высказывания, а определяется пресуппозицией. Посмотрим, как модальные частицы осложняют семантику стационарного предложения, при этом не разрушая стандарта, а рождая его лексико-семантический вариант, – усилительное значение:

[Леонид:] *Чудесное имя. Тихое, домашнее – Маша. Машенька!* Ах, ***как*** *я рад за вас, Василий Иванович! Вам для*

полноты жизни не хватало именно внучки. Детского крика в доме. (А.Афиногенов, Машенька, с. 11.)

Частица *как* усиливает значение ‘радости’.

[Леонид:] *Машенька, мы друзья? Друзья. Так вот вам моя рука. Вы завтра придете в школу – и никто даже не вспомнит.* [Маша:] Нет. *Мне* ***так*** *стыдно.* (А.Афиногенов, Машенька, с. 29.)

Частица *так* усиливает отрицательную оценку говорящим [Машей] своего же собственного поведения.

[Калошин (весело):] *Футбол?* [Виктория:] ***Ну*** *конечно.* [Калошин:] *Так, так. Значит, футбол?* [Потапов*:] Да футбол же.* ***Неужели*** *вы не понимаете?* [Калошин:] *Я понимаю. Я все понимаю. Я, товарищи, уже не маленький.* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 255.)

Частица *ну* усиливает положительный ответ, делает его убедительным. Частица *неужели* усиливает значение ‘удивления’ и передает даже ‘возмущение’.

[Базильский:] *В чем дело?* [Ступак:] *Что случилось?* [Васюта:] ***Это еще*** *что такое?* (А.Вампилов, Провинциальные анекдоты, с. 301.)

Комплексная частица *это еще* усиливает значение ‘возмущения’, выражает ‘упрек-негодование’.

[Галина (поднимается):] *Мне пора на вокзал. Вы проводите меня, Семен Семенович?* [Семен Семенович:] ***Да, да,*** *конечно.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 53.)

Повторенное *да* усиливает значение ‘согласия’, повторенная дважды делает значение ‘согласия’ безапелляционным.

[Клавдия Петровна:] *А ты что так разочарованно на меня смотришь? Дают отсрочку – и слава богу. Солдаткой хочешь быть?* [Маша:] ***А*** *при чем тут я?* [Клавдия Петровна:] *Ты со мной не хитри. Думаешь, не видим. И хорошо, Маша, я ему лучшей жены не желаю.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 8.)

Частица *а* усиливает значение ‘непонимания’, значение, условно передаваемое как ‘учитывая все вышесказанное’ [Николаева, 1985: 72].

Многие частицы часто соотносятся с союзами, которым присуща связующая функция. По своему значению и синтаксическим функциям они не противостоят союзам, а совмещают в себе признаки частиц с признаками союзов, поэтому их часто называют частицами-союзами [см.: Русская грамматика 1980: 730]. В нашем материале имеются частицы-союзы, совмещающие модальные значения со значениями связующих слов, например *а, же, вот и, ну и.*

[Окаемов:] *Ушел… Как* ***же*** *быть?* [Маша:] *Не знаю.* (А.Афиногенов, Машенька, с. 13.)

Частица *же* имеет смысл ‘все-таки, в связи с этим’, она содержит в себе оценку предыдущей ситуации: ‘в связи с тем, что он ушел, как быть?’.

[Вера:] *О, скажи мне, что ты моя… что поедешь со мной…* [Маша:] *Куда?* [Вера:] *В наш город. Тебя ждут там. Твои подруги по школе.* [Маша:] ***А*** *как же дедушка?* (А.Афиногенов, Машенька, с. 54.)

Частица *а* выполняет связочную функцию (как и почти все частицы, находясь в инициальной позиции) и одновременно выражает противительное значение.

[Алексей:] *... Ладно, давай мириться ... и выпьем за твоего друга, который вряд ли придет: не сезон. Самая стройка в разгаре. Чем он занимается-то теперь?* [Ладыгин:] ***А вот*** *не скажу. Не хочу с тобой говорить. Не ваш брат ... ф-физиолог. Это широкого действия человек.* (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 402.)

Комплексная частица *а вот* имеет смысл ‘в связи с этим’: ‘учитывая все вышесказанное, не скажу’.

Сопоставительное значение обычно передается частицей *а.*

[Забродин:] *Иди руки мой.* [Борис:] *Я душ после игры принимал.* [Забродин:] *Тогда за стол.* [Вася:] ***А*** *мне можно?* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 16.)

Частицу *а* в данной конситуации можно заменить частицей *и* (ср.: ***И*** *мне можно?*). Возможность такой замены позволяет увидеть в частице *а* и значение ‘тоже’ – связочную функцию.

[Вася:] *Бабушка! Я сегодня четверку получил. По русскому.* [Клавдия Петровна:] ***Вот и*** *славно.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 46.)

[Маша (тихо):] *Я люблю Бориса, тетя Клава. Очень люблю.* [Клавдия Петровна:] ***Ну и*** *слава Богу.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 9.)

Комплексные частицы *вот и, ну и* связывают данные высказывания с предыдущими репликами. Частица *вот и* одновременно выражает ‘результативное’ значение – значение ‘подведение итога разговора’.

[Сарафанов:] *... Ничего, если ненадолго ты устроишься здесь, рядом с товарищем?* [Бусыгин:] *Отлично.* [Сарафанов:] *А потом, куда они поднимутся ...* [Бусыгин (перебивает):] *Ты*

не беспокойся. [Сарафанов:] ***Ну**, приятного тебе сна*. (А.Вампилов, Старший сын, с. 103.)

[Борис:] *Ты ему скажи, чтоб по нашей улице не ходил. Опасно. Можно и по шее получить.* [Маша:] *От кого?* [Борис:] *От кого следует.* [Маша:] *Глупо.* ***Ну** прощай...* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 32.)

Частица *ну* как бы "закругляет" разговор. Кроме того, она выполняет связочную функцию.

Варьирование стереотипного высказывания может осуществляться **путем замены одного элемента другим.**

*До **свидания**. —› До **завтра**. —› До **вечера**. —› До **утра**.*

Стационарные предложения *До завтра, До вечера, До утра* построены по модели предложения *До свидания*, т.е. по модели **До + род. п.**:

[Галина:] *Плохо, что я тебя не собрала. Ты даже без плаща.* [Зилов:] *Ничего, обойдусь ...* (подходит к ней, поцеловал ее в щеку). *До свидания.* (А.Вампилов, Утиная охота, с. 211.)

[Пашка:] *Здрасьте.* [Кашкина:] *Добрый день... До вечера.* (Исчезает.) [Шаманов:] *Счастливо.* (А.Вампилов, Прошлым летом в Чулимске, с. 337.)

***Очень** признателен. —› **Весьма** признателен. —› **Крайне** признателен.*

[Нина:] *Да-да, мы теперь так любим молодые дарования, что зачастую безрассудно их портим. Скажу откровенно, Василий Иванович, меня задевает, когда родители раздувают маленькие таланты своих деток в большие претензии.* [Окаемов (обрадованно):] *Очень хорошо! Именно это я и хотел сказать. Легкая слава... хлопки... и пошло – раздуют,*

заласкают, и голоса нет. И жизнь испорчена... Хм... хм... ***Крайне*** *признателен, что и вы так думаете.* [Нина:] *В таком случае я просто послушаю Машу и скажу откровенно, стоит ли ей заниматься. Согласны?* [Окаемов:] *То есть я всецело.* ***Весьма*** *признателен.* (А.Афиногенов, Машенька, с. 14.)

Замена *очень —› весьма —› крайне* – семантическое варьирование стереотипного высказывания *Очень признателен.* Если слова *очень* и *весьма* – абсолютные синонимы, то слово *крайне* усиливает значение признательности/благодарности.

Сам знаю. —› Без тебя знаю.

Это лексико-стилистические варианты стереотипного высказывания *Знаю.* Добавление элементов *сам* и *без тебя* не разрушает стандарта. Соответствующие предложения по отношению друг к другу являются лексико-синтаксическими дублетами.

[Сергей:] *Квартира три, батя.* [Сердюк:] ***Без тебя*** *знаю.* (= ***Сам*** *знаю.*) (Входит в дом.) (А.Арбузов, Иркутская история, с. 327.)

Кто знает. —› Бог знает.

Это лексико-стилистические варианты предложения *Никто не знает*, которое, в свою очередь, является семантическим вариантом предложения *Не знаю.*

[Виктор:] *И сбежав с мостика, счастливая, с заплаканными глазами, она* (Валя – Л.М.) *убегает в темноту… Станет ли она когда-нибудь моей женой, согласится ли?* [Хор:] *Кто знает.* (= *Бог знает*.) Но это уже другая история, другой рассказ… (А.Арбузов, Иркутская история, с. 354.)

Наши наблюдения подтверждают борьбу противоположных тенденций на протяжении всего развития языка: тенденции

к динамизму и – устойчивости; к стандарту и – экспрессии; к экономии и – избыточности. В конечном счете все эти тенденции определяются коммуникативной функцией. Варьирование стационарных предложений есть непосредственный продукт коммуникации. В целях коммуникации говорящий опускает или, наоборот, добавляет что-либо в стационарном предложении, заменяет одно слово другим (действует то тенденция к экономии, то тенденция к избыточности, а с этой парой диалектически связаны две другие пары противоборствующих тенденций – тенденции к устойчивости и динамизму, к стандарту и экспрессии). Однако **варьирование синтаксического состава и лексического наполнения стационарных предложений имеет предел, за которым наступает разрушение стандарта и рождается новое, по существу, оригинальное/креативное высказывание**. Например:

[Валя (подмигнув):] *Ладно.* (Сергей и Виктор уходят.) ***Прощай до утра, лавочка!*** *Ой, голова кружится, Лариска…* (Прислонилась к двери.) *Шумный сегодня день был с этой воблой… Устала я.* (А.Арбузов, Иркутская история, с. 230.)

Высказывание *Прощай до утра* представляет собой сочетание слов, выражающих логически несовместимые понятия: *до утра* – расставание ненадолго и *прощай* – расставание надолго или навсегда. Данное высказывание нечастотно, нерегулярно, нестереотипно, нестационарно.

Другой пример:

[Забродин:] *… Иди, иди, не сопротивляйся. Садись. Вот рядом с Клавдией. Выпьем рюмку. А рюмки много – бери стакан.* [Скворец (небольшого роста, на полгода старше Забродина):] *Нет уж, нет, некогда мне…* ***Э, привет всей компании.*** *Прошу прощения, сидеть не могу, ждут дела.* (И.Шток, Ленинградский проспект, с. 18.)

Эксплицирование адресата *всей компании* привело к разрушению стандарта и образованию нового оригинального/креативного высказывания.

Стационарные предложения *Спасибо, Благодарю, Большое спасибо, Очень благодарен* и др. часто осложняются конструкцией *за + вин.п.*, так называемым облигаторным распространителем. Предложно-падежная группа *за + вин.п.* в составе данной структуры модельна и продуктивна. Это создает возможность варьирования лексического состава данного распространителя. Но и здесь варьирование имеет предел, за которым наступает разрушение стационарного предложения. Ср. примеры:

[Аннушка (Алексею):] ***Спасибо за совет.*** (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 464.)

По уходе Свеколкина все обступают полукругом Аннушку. [Аннушка:] ***Ну, спасибо вам за все...*** *вы были ко мне такие ласковые.* (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 466.)

[Репников:] *Жених? Ну-ну, друзья.* ***Спасибо вам за приглашение.*** *Спасибо…* (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 23.)

[Кудимов:] *Это ты?.. Все знаю… Сочувствую. Рад.* [Бусыгин:] ***Благодарю за чуткость.*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 123.)

[Свеколкин:] ***Ну спасибо,*** *Дмитрий Романович,* ***за дом, за хлеб, за братское слово.*** (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 464.)

[Свеколкин (Ладыгину):] *Позволь и мне поздравить тебя, друг****. Спасибо тебе за твоего питомца Алексея.*** (Л.Леонов, Обыкновенный человек, с. 439.)

Высказывания *Спасибо за совет, Спасибо вам за все, Спасибо за приглашение, Благодарю за чуткость* – стереотипные/стационарные. Высказывания же *Спасибо за дом, Спасибо за хлеб, Спасибо за братское слово, Спасибо тебе за твоего питомца* – оригинальные/креативные. Или *Спасибо за прямоту.*

Весьма продуктивной является модель **За + вин. п.** в ситуации "пожелания":

[Букин:] *Спасибо… Мы с Машей пьем за здоровье комитета и профсоюза. А также за рядовых членов, здесь присутствующих.* ***За вас.*** (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 11.)

[Букин (Фролову):] ***За твое здоровье!*** (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 13.)

[Сильва (наливает):] … ***За нашу встречу!..*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 90.)

[Сарафанов:] *Я счастлив... Я просто счастлив.* [Сильва (Сарафанову):] ***За вас, за вашу дружную семью!*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 99.)

Однако и в этом случае варьирование имеет предел. Высказывания *За процветание, За отличное питание*, построенные по данной модели, скорее являются креативными, чем стереотипными/стационарными, так как нечастотны.

[Валя (вздохнула):] *Давай выпьем пива, Лариска, под выходной все-таки. (Открывает бутылку.) Я тебе в кружку налью, а сама из горлышка. Ну, чокнемся, гражданочка…* ***За процветание!*** (А.Арбузов, Иркутская история с. 295.)

[Родик:] ***За отличное питание*** *– ура!* (А.Арбузов, Иркутская история.)

Порой добавление к стационарному предложению какой-либо частицы приводит к его разрушению. Например:

[Букин:] *Почему же? Мне нравится. Я* ***даже*** *тебе благодарен.* (А.Вампилов, Прощание в июне, с. 45.)

Я тебе благодарен – стационарное предложение. Добавление же частицы *даже*, передающей значение ‘возражения’ (ср.: *Мне не только нравится, но я и благодарен*), привело к разрушению стационарного предложения и образованию нового оригинального/креативного высказывания.

Варьирование стационарных предложений, вплоть до их разрушения и образования новых оригинальных высказываний, используется и в поэзии – для усиления образности и выразительности стиха. Ср.:

Я листве этой каждый вечер
– До свидания! – говорю,
И когда ее утром встречу
За свидание *благодарю.*

Я тропе этой каждый вечер
– До свидания! – говорю,
И когда ее днем я встречу,
За подарок *благодарю.*

Я звезде этой каждый вечер
– До свидания! – говорю,
И когда ее снова встречу,
За надежду *благодарю.* (К.Кулиев)

Повторение в конце каждой строфы высказываний *За свидание благодарю, За подарок благодарю, За надежду благодарю* (вариативная эпифора, основанная на повторении вариантов стационарного предложения *Благодарю*) делает стихотворение особенно выразительным, экспрессивным.

В.А.Каверин вспоминает, как, будучи студентом Института восточных языков, ему довелось услышать лекцию И.Ю.Крачковского о том, что арабы относятся к языку как к предмету искусства [см.: Каверин, 1988: 209]. Эта мысль для русской литературы не новая, достаточно вспомнить Н.С.Лескова и М.М.Зощенко. По свидетельству В.А.Каверина, детский поэт Е.А.Благинина осуществила эту мысль в разговорной речи. "Афоризмы душевной бодрости" – так называет сама поэтесса свою талантливую игру с русской разговорной речью [см.: там же], которую В.А.Каверин использовал в романе "Наука расставания".

В романе рассказывается история военного корреспондента на Северном флоте в годы Великой Отечественной войны. Секретарь редакции Нина Викторовна славилась своими "плодами житейской бодрости":

– Доложила, – сказала Нина Викторовна, – молчит. Плохо дело! Придется повиниться. ***Шиллера в мешке не утаишь.*** (Ср.: ***Шила*** *в мешке не утаишь.*)

Раздался звонок. Нина Викторовна ушла в кабинет.

– ***Береги челюсть смолоду****, – сказала она. – Вас!*

(Ср.: *Береги* ***честь*** *смолоду.*)

На этот раз Нина Викторовна, возвращаясь из кабинета главного редактора, возвестила: ***"Безрузвельтатно!"***

(Ср.: ***Безрезультатно***.)

В разговорной речи русских встречаются предложения: ***Детей бояться – в лес не ходить*** [Белянин, Бутенко 1994: 48]. Ср.: ***Волков*** *бояться – в лес не ходить.*

Ученье – свет, а неученых тьма [Белянин, Бутенко, 1994: 163]. Ср.: *Ученье – свет, а* ***неученье*** *– тьма.*

Этот перечень можно продолжить…[17]

---

[17] Два профессора факультета славистики Грайфсвальдского университета, одного из старейших университетов Германии, опубликовали результаты своей работы последних 20 лет. Это, так называемый, словарь русских "антипословиц", где авторы говорят об активизации употребления пословиц, поговорок и крылатых выражений в современных публикациях и живой русской речи. В публицистике, в средствах массовой информации этот "жанр русского фольклора" расцвел. Вот несколько примеров: *Одна голова хорошо, а с мозгами лучше*; *Не в деньгах счастье, а в бабках; Пиво без водки – деньги на ветер; Век живи – век лечись; Мой дядя самых честных грабил; Почём вы, девушки, красивых любите? Не мотай на ус то, что тебе вешают на уши; Чем дальше в лес, тем больше интерес; Не зная брода – пропусти вперёд товарища; На безрыбье и сам раком станешь; Язык до киллера доведёт; Первый сын – комом; На халяву и уксус сладок; Бесплатный сыр бывает только в мышеловке; Богатые тоже плачут; Не стой, где попало – попадет еще раз; ‹…› Такая нам досталась доля – нам не прожить без алкоголя! Тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать; Не понял сам – не дай понять другому; Лучшие места под солнцем обычно у тех, кто держится в тени; Нет повести печальнее на свете, чем загорать в бронежилете.* Или призыв для живущих заграницей: *Любите Родину, мать вашу!; Граждане! Летайте самолетами Аэрофлота!; Спешите! Их осталось немного; Лучше с Петровым на Майорке, чем с майором на Петровке; Жизнь человеку дается один раз, и в основном случайно... Если дым стелется по земле – вернись и выключи утюг, если поднимается столбом – можешь уже не возвращаться; Хорошо не там, где нас нет, а где и никогда и не было!; Когда в семье одна жена, она вырастает эгоисткой; Не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж; Жизнь, конечно, не удалась, а в остальном все нормально; Извините, что я говорю, когда вы перебиваете; Больной пошел на поправку, но не дошел...; Глупые женятся, а умные выходят замуж; Женщина не воробей, залетит – не прокормишь; Мало знать себе цену – надо еще пользоваться спросом; Береги Родину – отдыхай за границей; Все идет хорошо, только мимо...; Ностальгия – это когда хочется вернуться, а некуда; В историю войти трудно, но легко вляпаться; Пришел – спасибо, ушел – большое спасибо…; Если вам долго не звонят родственники или друзья, значит у них все хорошо* [из Интернета: FB,

Философ С.А.Чернявский [1996] рассматривает соотношение системы, структуры и эволюции в любом объекте (и природы, и общества) как категорию универсальную. Виток эволюции, по С.А.Чернявскому, состоит из четырех этапов: два этапа-состояния – анархия и диктатура – и два этапа-процесса – демократия и революция. Каждый этап выполняет конкретную функцию: при анархии происходит развитие периферии, при диктатуре – развитие центра, при демократии происходит переход (процесс) от главенства периферии к главенству центра, при революции – переход от одного витка к другому.

Нечто аналогичное мы наблюдаем в языке и речи, а значит, в языковом сознании. Завтра периферийные единицы стереотипного пласта языкового сознания могут стать центральными, а единицы нестереотипного пласта (так называемые оригинальные/креативные/производимые высказывания) в силу повторяемости и частотности употребления – стать стереотипными/стационарными. Воистину, узус – "арена для языковых изменений" [Лаптева, 2002: 345].

О.А.Лаптева, использовав остроумную схему, предложенную С.А.Чернявским, охарактеризовала речевое состояние настоящего времени как анархию [см.: Лаптева, 2002: 347] и, в силу этого, оказалась в плену соблазна включить в триаду "система – норма – узус" Э.Косериу еще один член – "культура речи". Культура речи "... становится двуединым индивидуально-универсальным фактором регуляции узуса посредством нормы и инструментом речевого осуществления социальных и индивидуальных характеристик носителя речи. Соблюдение культурно-речевых нормативных требований позволяет норме

страница Anatoli Berditchevski, 3 февраля 2022 г. Город Вена, Австрия // https://web.facebook.com/aberditchevski].

существовать в пределах триады в качестве ее члена, несоблюдение либо отменяет статус нормы и ведет к внесистемным отступлениям и ошибкам, либо переводит норму в новое качество", – пишет она [там же].

Относительно стационарных предложений, являющихся составляющими языка (как системы) и вписывающихся в триаду "система – норма – узус", включение фактора "культуры речи" в поле зрения исследования нам показалось нецелесообразным и некорректным. Это вылилось бы приблизительно в:

Она была ничё такая…
Я подхожу, короче, к ней:
А ты ничё вобще такая, –
Я говорю короче ей.

Она мне: Да и ты ничё, блин.
(А я действительно ничё.)
Я говорю: Раз так, то чё, блин, –
Пошли ко мне, что ль – или чё?

Она сказала: Дай подумать –
А чё тут думать, говорю –
Раз я ничё, то чё тут думать –
И ты ничё раз, говорю.

Она, короче, чё-то мялась,
Стояла мялась чё-то все…
Ну ладно, чё – чуть-чуть помялась –
Ей говорю – и хватит – все.

Давай, поехали, короче,
Не, не поеду, – говорит.

И хрен с тобой – я ей, короче,
Шуруй давай, блин – говорит.

А жалко, что ничё не вышло –
Она реальная была.
Но если б чё-то у нас вышло,
Она б довольная была.

(Из Интернета: FB, город Мичуринск. Нэйм, 17 ноября 2016 г., орфография и пунктуация FB сохранена.)

Изучение стереотипного пласта языкового сознания носителей языка, представляющих разные социальные слои общества, тем не менее, представляется интересным и может стать объектом специального изучения и самостоятельного исследования.

"Совершенствование языка заключается в развитии возможностей выразить новое содержание", – пишет Н.Б.Мечковская. При этом, отмечает она, "... лексика в сравнении с фонологией и грамматикой и *стилистическая система в сравнении со структурой языка – это внешние, поверхностные области в языке*" [2000: 183; курсив наш – Л.М.]. И с этим нельзя не согласиться.

Вопросы и задания

1. Что значит варьирование стационарных предложений?
2. Какова цель варьирования стационарного предложения говорящим?
3. Каким бывает варьирование стационарных предложений? Приведите примеры на каждый тип.

1. **По типу предложения** *Нет чтобы помолчать* **со значением ‘неодобрения по поводу неосуществления того, что было бы целесообразно’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.**

2. **По типу предложения** *Тоже мне друг!* **со значением ‘негативной оценки’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.**

3. **По типу предложения** *Что за шум?* **со значением ‘непонимания-неодобрения’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.**

4. **По типу предложения** *Перестань паясничать* **со значением ‘непонимания-неодобрения’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.**

5. **Замените им. п. имени сущ. в стационарном предложении** *Да здравствует солнце!* **стандартными и нестандартными распространителями.**

6. **Восстановите прототип ниже данных высказываний:**
   Одна голова хорошо, а с мозгами лучше;
   Не в деньгах счастье, а в бабках;
   Пиво без водки – деньги на ветер;

Век живи – век лечись;
Мой дядя самых честных грабил;
Почём вы, девушки, красивых любите?
Не мотай на ус то, что тебе вешают на уши;
Чем дальше в лес, тем больше интерес;
Не зная брода – пропусти вперёд товарища;
На безрыбье и сам раком станешь;
Язык до киллера доведёт;
Первый сын – комом;
Не стой, где попало – попадет еще раз;
Такая нам досталась доля – нам не прожить без алкоголя!
Тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать;
Не понял сам – не дай понять другому;
Лучшие места под солнцем обычно у тех, кто держится в тени;
Нет повести печальнее на свете, чем загорать в бронежилете.

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Сейчас, когда все в современном мире находится "под знаком кризиса", взаимопонимание народов стало той необходимостью, без которой сложно, да и невозможно представить дальнейшее развитие человечества. Этим объясняется повышенный интерес к изучению иностранных языков, прежде всего языков широкого международного употребления – английского, французского, испанского, немецкого. Этим объясняется и интерес к изучению русского языка в других странах.

Н.В.Черемисина в Предисловии к нашей монографии "Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному" пишет: "Опыт свидетельствует, что именно со стационарных предложений целесообразно и перспективно начинать обучение русскому языку нерусских" [Матевосян, 2005: 8].

ТСГ в системе стационарных предложений могут быть использованы при обучении русскому языку иностранцев/инофонов. Абсолютно прав Ш.Балли, когда утверждает: "… невозможно накопить достаточное количество слов, особенно в начале обучения, не уподобившись в какой-то степени машине, ‹…› механическое заучивание слов и правил есть неизбежное зло" [1961: 84, 85], – поэтому:

а) стационарные предложения, как и слова, можно давать в виде списков как речевые образцы, но не "в одиночку", а в составе ТСГ, так как они являются своеобразной "кассой", которую можно использовать при говорении (исследование позволило нам выделить в системе стереотипных высказываний 31 ТСГ: "Поддержание контакта", "Приветствие", "Прощание", "Благодарность", "Извинение", "Поздравление – пожелание", "Просьба", "Знакомство", "Проявление интереса",

"Согласие/Несогласие с мнением собеседника", "Согласие/Отказ на просьбу/приглашение", "Понимание/Непонимание", "Знание/Незнание", "Уверенность", "Приказ", "Обещание", "Оправдание", "Отношение к кому-, чему-либо", "Радость", "Огорчение", "Одобрение – похвала", "Неодобрение – упрек", "Негодование", "Равнодушие", "Сомнение", "Удивление", "Сожаление", "Утешение – сочувствие – сопереживание", "Ирония", "Жалоба", "Страх" [см. Приложение, а также: Матевосян, 1992: 165-183]; некоторые предложения остаются, однако, за пределами этих ТСГ [см. Приложение 2: Матевосян, 1992: 184-185];

б) синонимические ряды стационарных предложений, – которые по количеству элементов неодинаковы: одни имеют в составе два-три предложения (*Желаю удачи. = Ни пуха ни пера; Правда? = На (В) самом деле? = Ей богу?*), другие включают в свой состав большее количество предложений (*Хорошо. = Ладно.= Договорились. = Добро; Хватит. = Прекрати (-те). = Остановись(-тесь). = Довольно(!); Нет. = Что вы (ты). = Ничуть не бывало. = Никогда. = Ни за что. = Ни в коем случае. = Упаси боже. = Как бы не так. = Дудки. = Здрасьте. = Привет. = Черта с два.)* [см.: Матевосян, 1992; 2005], – как и синонимические ряды слов, целесообразно давать для заучивания, "привязывая" их к определенным ситуациям;

в) необходимо отработать у обучающихся умение находить в ТСГ или в синонимическом ряду нужное стационарное предложение и употреблять его в конкретном ситуативном диалоге;

г) в силу частотности стационарных предложений в разговорной речи необходимо их широко использовать и в практике обучения – в условиях конкретных ситуативных диалогов.

Для заучивания и запоминания стационарных предложений эффективно использовать компьютер, ибо XXI век знаменателен тем, что это – век всеобщей компьютеризации. В

странах постсоветского пространства эта тенденция наметилась лишь к концу XX века. Компьютер вошел как обязательный и необходимый компонент учебного процесса в школу, стал верным помощником учителя-словесника, с его помощью осуществляют ускоренное обучение языкам.

На вопрос: "Почему компьютеры стали столь популярными средствами обучения?" – авторы книги "Основы компьютерной грамотности" отвечают: "Во-первых, компьютер обладает "беспредельным терпением": он будет повторять пять, десять, даже сто раз, и все это без признаков усталости и недовольствия. Во-вторых, он позволяет выбрать тот темп обучения, который подходит именно вам, а не тем студентам, которые схватывают материал быстрее или медленнее, чем вы. И, в-третьих, когда вы сидите перед компьютером, он целиком и полностью занят только вами, то есть "все его внимание" – только вам" [Кершан, Новембер, Стоун, 1995: 225].

Списки ТСГ стационарных предложений, которые содержатся в книге "Русская разговорная речь" [1978], в различных ситуативных разговорниках для иностранцев, в Приложении к нашей монографии "Стационарные предложения в современном русском языке" [Матевосян, 1992: 165-200], можно заложить в память компьютера и впоследствии с помощью компьютера проверить, насколько правильно и полно удается обучающемуся воспроизвести стереотипные высказывания той или иной группы. Например, перед обучающимся стоит задача – вспомнить все высказывания ТСГ "Неодобрение – упрек" или "На почте". Если он допустил ошибку и назвал высказывание, которое не входит в данную группу, на экране дисплея появится запись: *"Вы ошиблись"*. Если обучающийся воспроизвел стереотипные высказывания правильно, но не исчерпал всего списка, на экране будет написано: *"Правильно"*. Если же ему

удалось целиком и полностью перечислить весь список стационарных предложений данной ТСГ, то на экране дисплея высветится восклицание: *"Великолепно!"*

Такой мини-компьютер может быть использован обучающимися всех возрастов. Обучающийся, сидя за компьютером, меньше отвлекается и более раскован (нет страха выглядеть смешным при ошибке). Опыт показывает, что этот своеобразный диалог с компьютером гораздо интереснее и эффективнее "механического заучивания" стационарных предложений русского языка.

Структурная классификация стационарных предложений важна: во-первых, это способ организации материала для подачи в аудитории, во-вторых, структурные типы стационарных предложений могут быть использованы при обучении русскому языку инофонов с помощью компьютера.

Можно ввести в компьютер комбинированные и те фразеологизированные модели стереотипных высказываний, которые допускают относительно свободную лексическую наполняемость, например модель **Как + им. п. имени сущ.** (*Как дела? Как работа? Как родители?* и т.п.), и попросить обучающегося дополнить конец данной модели одним распространителем из набора стандартных распространителей. Если обучающийся (или информант) назвал частотный стандартный распространитель, то компьютер отвечает, к примеру: *Молодец!* или *Хорошо!.* Если же обучающийся (или информант) назвал нечастотный распространитель, например *Как море?* – на пляже (данная модель может быть заполнена и нестандартными распространителями, например *Как обед?* и т.п.), то компьютер отвечает: *Неплохо.*

Приведем еще несколько примеров: модель **Да здравствует + имя сущ. в им. п.** – *Да здравствует солнце (мир,*

свобода, любовь, дружба, братство); модель **Что за + имя сущ. в им. п.** со значением ‘непонимания-неодобрения’ – *Что за шум (разговоры, церемонии, характер)*; модель **Перестань + форма инфинитива** – *Перестань паясничать* (*дурака валять, толкаться, дразниться, чепуху молоть, ногами болтать, в носу ковыряться* и др.)[18].

Таким образом могут заучиваться и закрепляться наиболее часто употребляемые стационарные предложения. Отметим, однако, что усвоение и запоминание частотных выражений важно на начальном этапе обучения, в дальнейшем обучающийся по этому образцу сможет продуцировать – для него это будет на определенном этапе именно **п р о д у ц и р о в а н и е** – как можно более широкий круг высказываний с разными переменными компонентами.

Для этого этапа обучения можно составить программу на воспроизведение вопроса, отражающего интерес к делу в определенной ситуации. Например, дается текст: *Ваш сосед в общежитии возвратился с экзамена. Какой вопрос вы ему зададите?* **(*Как экзамен?)*** или: *Ваш товарищ по вашему совету читает книгу. Поинтересуйтесь его мнением.* ***(Как***

[18] Фразеологизированная модель непродуктивна и реализуется часто в высказываниях, состоящих из лексем и фразеологизмов, обладающих идиоматической ситуативно-стационарной семантикой; семантика этих высказываний вполне понятна. Например: *Добро пожаловать! Милости просим! Как бы не так! Так точно. Никак нет. Есть! Еще бы! Ладно.(?) Хорошо. Идет!(?) Ей-богу?(!) Слава богу. Конечно. К черту! Ай да! Баста! Дудки! Нука! Алло! Полноте! Вот оно что! Вот это да! Увы! Ура! Эх! Ничего! Неужели!* и др.

Эти стационарные предложения представлены отдельными лексически неварьируемыми словоформами и сочетаниями слов, закрепившими за собой в системе языка коммуникативную функцию, и, соответственно, облечены интонацией предложения. В диалоге они выражают утверждение и отрицание, согласие и несогласие, волеизъявление, призыв к действию, к вниманию, различные эмоции, выступают как "чисто познавательный вопрос".

книга?) *Вы сварили суп и угощаете им своих друзей. Поинтересуйтесь, понравился ли им суп.* ***(Как суп?)***

Такая программа может быть использована в качестве **программы-тренажера** и **контролера** при изучении стационарных предложений в нерусскоязычной аудитории [см. фрагмент программы: Матевосян, 1992: 201-202].

На VII Конгрессе МАПРЯЛ профессор Т.Вейд из Великобритании (Стратклайдский университет, г. Глазго) на вопрос: "Зачем нужна грамматика?" – ответил приблизительно так: "Грамматика нужна для того, чтобы не оказаться в "ситуативной ловушке". Англичанин, который знал русскую фразу *Как проехать к Большому театру?,* оказавшись в Москве, не смог спросить *Как проехать к МГУ?*" Осмысление модели, лежащей в основе стационарного предложения, позволит в дальнейшем, на продвинутом этапе обучения, строить оригинальные предложения. Так, например, освоение/осмысление модели, по которой построено стационарное предложение речевого этикета *Спасибо за приглашение* (модель **Спасибо + за + вин.п. имени сущ.**), позволит в конкретной речевой ситуации строить оригинальные предложения типа *Спасибо за дом, Спасибо за хлеб, Спасибо за братское слово, Спасибо за прямоту.*

Вопросы и задания

1. Как можно использовать ТСГ в практике преподавания русского языка как иностранного?
2. Как можно использовать синонимические ряды стационарных предложений в практике преподавания русского языка как иностранного?

3. Как можно использовать структурную классификацию стационарных предложений в практике преподавания русского языка как иностранного?

1. **В приведенном ниже тексте стационарное предложение** *Ну конечно!* **замените аналогичными стационарными предложениями:**

   [Нина:] *Да хватит тебе! Так можно вспоминать до самой смерти.* [Кудимов:] *Вспомнил!* [Сильва:] *Наконец-то.* [Кудимов:] *Я видел вас на улице.* [Нина:] *Ну слава богу. Надеюсь, ты успокоился?* [Кудимов:] ***Ну конечно!*** *Ты сказала "до смерти", и я сразу вспомнил.* (Сарафанову.) *Я видел вас на похоронах.* (А.Вампилов, Старший сын, с. 136.)

2. **В приведенном ниже тексте стационарное предложение** *Ну и что?* **замените аналогичными стационарными предложениями:**

   [Сильва:] *Как-то раз на пляже был такой случай. Тонула одна девица, я ее вытащил.* [Бусыгин (рассеянно):] ***Ну и что?*** (А.Вампилов, Старший сын, с. 130.)

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Стационарные предложения – это коммуникативные единицы, которые не производятся, а целиком и полностью воспроизводятся в речи, постоянной особенностью которых является ситуативная закрепленность. Повторяясь часто в речи, эти воспроизводимые предложения стали своеобразными "готовыми формулами", вошедшими в запас языковых единиц, хранящихся в лингвокультурном сознании носителей языка.

Стационарные предложения – это своеобразный **фокус**, в котором соединяются действующие в языке на современном этапе его развития противоборствующие тенденции к экономии – и избыточности, к устойчивости – и динамизму, к стандарту – и экспрессии. Стационарные предложения – это феномен, который объясняется лишь настоящим, не претендуя на то, чтобы быть разъясненным с помощью прошлого. Стационарные предложения – феномен, который постоянно изменяется, что подтверждается фиксацией в "Словаре языка Интернета.ru" [Кронгауз, Литвин, Мерзлякова, 2016] высказывания *Ой, всё* как стереотипного/стационарного:

"… ***ой, всё; ой всё; ойвсё***

Выражение, используемое для резкого прекращения диалога в связи с его бесперспективностью или нежелательностью. Обыгрывает стереотип особенностей женской логики и манеры общения, когда девушка прекращает разговор подобной фразой из-за обиды или отсутствия конструктивных аргументов. Зародилось за пределами сети, но стало популярно среди пользователей социальных сетей (пик популярности пришелся на ноябрь 2014 года). Выражение породило ряд графических мемов, среди которых обиженная лиса и обиженная сова. Оно активно используется в макросах с участием женских персонажей (например, Типичная девушка). Помимо конфликтности,

может также указывать на отсутствие понимания и некомфортность:

– Do you speak English?

– Ой, всё.

Дополнительный юмористический эффект нелогичности и непредсказуемости поведения достигается при соотнесении "женской" фразы с неожиданным персонажем (мужчиной, компьютерной программой, рублем и т.д.):

– Окей, Гугл, как понять женщин?

– Ой, всё!

или

– Мне надо тебе кое-что сказать: я беременна.

– Ой, всё.

‹…›

• *– алло.*

– не могу сейчас разговаривать.

– ты же сама мне позвонила.

– ой, все.

• *– Ой, всё.*

– Но я же еще ничего не сказал.

– Ой, всё" [из Интернета: FB, страница Maxim Kronhaus, 9 декабря 2016 г. в 23:05 · Город Москва, Россия // https://web.facebook.com /mkronhaus].

Стационарные предложения живут полнокровной жизнью прежде всего в разговорной речи.

Стационарные предложения как языковой/речевой феномен своим существованием подтверждают правильность стереолингвистического подхода Ж.Дюрена [2002] и дают основание утверждать, что **стационарные предложения значатся в структуре лингвокультурного сознания, в ассортименте**

языкового мышления носителей языка, то есть представляют стереотипный пласт лингвокультурного сознания, и в конкретной стереотипной ситуации, рефлекторно всплывая в памяти, целиком и полностью воспроизводятся в речи.

Впервые на большом материале нами было проверено и подтверждено наблюдение Н.В.Черемисиной об ограниченности количества стационарных предложений объемом оперативной памяти человека. Обнаружено, что объем стационарных предложений сравнительно невелик. Это обстоятельство позволяет запомнить их лексико-синтаксическую организацию и воспроизвести в полном объеме в той или иной разговорной ситуации.

Конвенционализация экспрессивно-иронического употребления предложений *Много ты понимаешь! От тебя дождешься!* (имплицитное выражение ‘несогласия’) дает основание говорить об **устойчивой, или стационарной, энантиосемии.**

Стационарные предложения весьма значимы при обучении русской разговорной речи иностранцев/инофонов. В силу краткости и стандартности стереотипные высказывания в процессе обучения могут вводиться целиком, подобно словам, могут быть даны в виде списков как речевые образцы. Стационарные предложения, построенные по определенной модели, могут служить основой для осмысления, запоминания и последующего использования данной модели в речи.

Таким образом, при обучении русскому языку как иностранному целесообразно и перспективно обучение **связной речи** начинать со стационарных предложений.

Речь возможна лишь благодаря языку – продукту, который снабжает индивида элементами для говорения. Коллективное сознание формирует и фиксирует язык, который по сути своей

– явление коллективное, речь же моментальна и индивидуальна. **Стационарные предложения – это явление коллективного сознания, а значит – языка.**

Общеизвестно, что человек, знающий много языков, не только с легкостью овладевает новым, но и угадывает, еще не изучив, его особенности благодаря натренированному языковому чутью. Общеизвестно также, что при переводе сложно передать языковые микропроцессы, из которых рождается смысл предложения.

Почти полвека назад Э.Бенвенист заметил: "... изучение какого-либо языка неизбежно приводит к изучению языка вообще" [1974: 53]. Перефразировав, можно сказать: наблюдения над одним языком есть наблюдения над языком вообще.

Постижение разговорного стандарта того или иного языка – это своеобразное постижение Словаря как Вселенной, расположенной не в алфавитном порядке, а в упорядоченности, отражающей "картину мира" и общения в ее социо- и психолингвистических значениях.

Стационарные предложения – это продукт самого языка, это прежде всего доверие к интуиции языка, подкрепленное статистическими данными.

Языковой/речевой стандарт создан языком и постоянно им же пополняется. Стандарт, как и любое явление языка, развивается и изменяется. Его описание – это описание движения языка в условно остановленный момент развития, которое фиксируется в сознании в виде стереотипного пласта. Тенденции к устойчивости и изменчивости являются важнейшими закономерностями эволюции языка, а следовательно, и речи. "В языке, – подчеркивал Г.Шухардт, – лишь движение действительно, лишь покой воспринимаем" [цит. по: Протченко, Черемисина, 1986: 7].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамян Л.А. Значение как категория семиотики // Вопросы философии. – 1965. – № 1.

Акишина А.А., Камогава К. Сравнительный анализ русского и японского речевого этикета // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1974.

Акишина А.А., Формановская Н.И. Русской речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. – 3-е изд., испр. – М.: Русской язык, 1983.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1971.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005.

Амосов Н.М., Головань Э.Т., Заславский С.Я., Иванов-Муромский К.А., Старинец В.С. Об одном подходе к моделированию психических функций // Кибернетика и техника вычислений. – Киев: Наукова думка, 1964.

Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1979.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Атаян Э.Р. Внутренняя организация и внешняя отнесенность языкового мира. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1981.

Атаян Э.Р. Ситуативная характеристика языковой деятельности человека // Вестник Ереванского университета. – 1986. – № 3(57).

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.

Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. литры, 1961.

Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т.1. – М., 1963.

Блохина И.А. Типологические свойства и коммуникативные смыслы междометных высказываний: Дисс. … канд. филол. наук. – М., 1990.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонации русской речи. – 5-е изд. – М.: Русский язык, 1983.

Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурные единицы общения в современном культурном пространстве – лингвометодический аспект // Русский язык в Армении. – 2003. – № 3.

Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах современных лингвистов // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979.

Василевич А.П. Описание фигуры человека в лексике семи знаков: универсалии и различия // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. – М.: Русский язык, 1976.

Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVII). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.

Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

Виноградов В.А. Лингвистика и обучение языку. – М.: Academia, 2003.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008.

Всеволодова М.В. К вопросу о системном описании моделей простого предложения // Русский язык: теоретические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

Выготский Л.С. Мышление и речь: Психика, сознание, подсознательное. – М.: Лабиринт, 2001.

Гарпушкин В.Е. Некоторые методологические вопросы определения значения "значения" // Проблемы методологии философского исследования. – Горький, 1972.

Гаспаров Б.М. Введение в социограмматику // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 425 // Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. Проблемы языковой системы и ее функционирования. – Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1977.

Гаспаров Б.М. Язык. Образ. Память. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003.

Грайс Т.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985.

Грамматика русского языка. Синтаксис. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – Ч. 1.

Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Наука, 1970.

Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры / Пер. с немец. – М.: Прогресс, 1985.

Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1980.

Дюрен Ж. О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ.; Под ред. Б.А.Ильина. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянской культуры, 2006.

Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Изд. 2-е. – М.: Институт русского языка РАН, Филологический фак-т МГУ, 2003.

Золотова Г.А. Теоретические ресурсы грамматической науки // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

Инаньь Ли О русском национальном характере и его связи с русской историей и культурой // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX Международный конгресс МАПРЯЛ: Тезисы докладов и сообщений. – Ч. 2. – Братислава, 1999.

Каверин В.А. Литератор: Дневники и письма. – М.: Советский писатель, 1988.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.

Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. – М.: Наука, 1980.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Кершан Б., Новембер А., Стоун Дж. Основы компьютерной грамотности. – 2-е изд., стер. – М.: ММПШ, 1995.

Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / Пер. с немец. Н.Г. Комлева. – М.: Прогресс, 1967.

Клобукова Л.П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы: Автореферат дисс. … д-ра пед. наук. – М., 1995.

Козлова Т.В. Язык и власть: метафоризация идеологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М.: Прогресс, 1963.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения

// Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Красных В.В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Красных В.В. Современная научная парадигма: лингвокогнитивный подход // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н. Словарь языка Интернета.ru. – М.: АСТ-Пресс, 2016.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986.

Кубрякова Е.С. и др. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991.

Лаптева О.А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкран: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – Изд. 5-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2003а.

Лаптева О.А. Нерешенные задачи изучения структуры современного русского литературного языка и устной литературной речи в его составе // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003б.

Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1974.

Лекант П.А. Русский язык: Теория. Практика. Речь. – 2-е изд., стер. – М., 2001.

Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1963. – Т. 29.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999а.

Леонтьев А.А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Смысл, 1999б.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). – М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. – 1972. – № 12.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – 2-е изд. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1998.

Матевосян Л.Б. Стационарные предложения в современном русском языке. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1992.

Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. – М.-Ереван: Институт языкознания РАН, Изд-во Ереванского ун-та, 2005.

Матевосян Л.Б. Языковое сознание. Стереотипный пласт. – М.-Ереван: Институт языкознания РАН, Авторское издание, 2007.

Матевосян Л.Б. Стереотипный пласт языкового сознания: от стандартного к оригинальному. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Матевосян Л.Б. Стереотипный пласт лингвокультурного сознания: рефлекс, или неосознанная необходимость. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012a.

Меликян В.Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 2002.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2000.

Милых М.К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956.

Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. – М., 1978.

Митрофанова О.Д. Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Михальчук Т.Г. Речевой этикет в произведениях Виктории Токаревой // Русский язык и культура (изучение и преподавание): Сборник. – М.: ЭКОН, 2000.

Мкртчян Л.М. Если бы в Вавилоне были переводчики. – Ереван: Советакан грох, 1987.

Мкртчян Л.М. Слепой, но не настолько. – Ереван, 1998.

Муханов И.Л. Интонация в практике русской диалогической речи. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Ойкумена, 1995.

Николаева Т.М. Функция частиц в высказывании (На материале славянских языков). – М.: Наука, 1985.

Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи. – Киев, Одесса: Вища школа, Головное изд-во, 1986.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под общ. ред. Б.А. Серебренникова – М.: Наука, 1970.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под общ. ред. Б.А.Серебренникова – М.: Наука, 1972.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57000 слов. - 16 изд., испр. – М.: Русский язык, 1984.

О'Коннор Дж., Сеймор Дж. Введение в нейролингвистическое программирование: Как понимать людей и как оказывать влияние на людей. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 1998.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова. – СПб., 2013. – № 2.

Педагогика высшей школы / Отв. ред. Ю.К. Кабанский. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1972.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: Заметки об общей теории клише. – М.: Наука, 1970.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956.

Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. – М., 1984.

Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1993.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. – М.: Наука, 1968.

Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1967.

Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976.

Пропп В.Я. Морфология сказки / Репр. изд. Тит. лист. Л.: Academia, 1928. – СПб., 1996.

Протченко И.Ф., Черемисина Н.В. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного (динамика, экспрессия, экономия). – М.: Русский язык, 1986.

Русская грамматика. – Т. 2. – М.: Наука, 1980.

Русская разговорная речь. Тексты. – М.: Наука, 1978.

Русский семантический словарь. – М.: Наука, 1982.

Русско-армянский разговорник (с краткими культурно-историческими сведениями об Армении) / Автор-составитель Дж.А.Гарибян. 2-е издание, переработанное. – Ер.: Изд-во "Гитутюн" НАН РА, 2012.

Рыжков В.А., Сорокин Ю.А. Стереотипизация как метод воздействия на аудиторию // Язык как средство идеологического воздействия. – М., 1983.

Сабаткоев Р.Б. Речевой этикет как важное средство воспитания культуры общения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974.

Сиротинина О.Б. Пути развития русского литературного языка в их соотношении с типами русской культуры // Русский язык: теоретические судьбы и современность: II

Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

Словарь синонимов / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1975.

Слюсарева Н.А. Теория Фердинанда де Соссюра в свете современной лингвистики. – М.: Наука, 1975.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956.

Современный русский язык / Под ред В.А.Белошапковой. – М., 1981.

Соковнин В.М. О природе человеческого общения (Опыт философского анализа). – Фрунзе: Мектеп, 1974.

Сорокин Ю.А. Стереотип, клише, штамп: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М., 1978.

Сорокин Ю.А. Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других) // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Стереотипы общественного сознания. – М., 1988.

Стеценко А.П. О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения: Науч. доклад по опубл. трудам, представ. к защите … д-ра филол. наук. – М., 1992.

Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.

Театральная жизнь. – 1987. – № 18.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа: Языки русской культуры, 1996.

Тер-Аракелян Р.А. Принципы сопоставительного описания простого предложения // Вестник Ереванского университета. – 1980. – № 3(42).

Тер-Аракелян Р.А. Предложение в тексте. – Ереван: Луйс, 1987.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1960а.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1960б.

Уфимцева Н.В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.

Формановская Н.И. Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения: Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1979.

Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. - 2-е изд.. – М.: Русской язык, 1984.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Русский язык, 2002.

Формановская Н.И. Коммуникативная лингвистика: поиск единиц // Русское слово в мировой культуре: Материалы X

Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня–5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Политехника, 2003.

Хамзина Г.К. Некодифицированные русские высказывания-номинативы как объект изучения в иностранной аудитории // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – Вып. 4. – М.: Изд-во МГУ, 2002.

Хомский Н. Язык и мышление. – М., 1972.

Храковский В.С. Русский язык в зеркале социолингвистики // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Политехника, 2003.

Хун Б. Экспрессивный синтаксис с точки зрения коммуникативной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991а.

Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991б.

Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992.

Черемисина Н.В. Стационарные предложения в структуре диалогов. Тезисы доклада // Второй международный симпозиум по вопросам диалогической речи. – Тбилиси, 1980.

Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи. – Киев: Вища школа, 1981.

Черемисина Н.В. Стационарные предложения как коллоквиальный феномен // Теория и практика описания разговорной речи. – Горький, 1982а.

Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – М.: Русский язык, 1982б.

Чернявский С.А. Организация витка эволюционной спирали // Философские исследования. – 1996. – № 1.

Чувакин А.А. Ситуативная речь. – Барнаул, 1987.

Шаклеин В.М. Лингвокультурное содержание слова и предложения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977.

Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. – Т.1. – Пг.: тип. А.Э.Коллинс, 1915.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Язык: изменчивость и постоянство. – М., 1998.

Язык и массовая коммуникация: Социолингвистическое исследование. – М.: Наука, 1984.

Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.

Язык и эмоции: Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 1995.

Язык как творчество: Сборник научных трудов. – М.: ИРЯ, 1996.

Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 1; 2. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. тех. ун-та, 2001; 2002.

Язык. Сознание. Коммуникация: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Вып. 19. – М.: МАКС Пресс, 2001.

Язык. Человек. Картина мира. – Омск: ОмГУ, 2000.

Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты: Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена; Саратов, 1998.

Языковое сознание: стереотипы и творчество. – М.: ИЯЗ, 1988.

Якобсон Р.О. Мозг и язык // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Труды фонетического института практического изучения языков: Сборник статей / Под ред. Л.В.Щербы. – Вып. 1. – Петербург, 1923.

Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.

Lippmann W. Publik opinion. – New York, 1922.

Putnam H. Mind, Language and Reality // Philosophical Papers. Vol.2. – Cambridge, 1975.

Morris Ch.W. Sings, Language and Behavior. – New York: Printice-Hall, 1946.

Searle J.R. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. – V. 3. – New-York – San-Francisco – London, 1975.

Vendler Z. Linguistics in Philosophy. – New York: Cornell University Press, 1967.

Wallon H. La vie mentale. – Paris: Editions sociales, collection Essentiel, 1982.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арбузов А. Драмы (Таня. – Годы странствий. – Двенадцатый час. –Иркутская история. – Потерянный сын. – Мой бедный Марат). – М.: Искусство, 1969.

Афиногенов А. Машенька. – М.: Искусство, 1966.

Бондарев Ю. Игра // Новый мир. – 1985. – № 1; № 2.

Вампилов А. Избранное (Пьесы: Прощание в июне. – Старший сын. Утиная охота. – Провинциальные анекдоты. – Прошлым летом в Чулимске. – Из ранних произведений). – М.: Искусство, 1975.

Володарский Э. Беги, беги, Вечерняя заря // Современная драматургия. – Вып. 1. – М.: Искусство, 1982.

Гоголь Н. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Собр. соч. Миргород. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1984.

Каверин В. Наука расставания. – М.: Современник, 1985.

Леонов Л. Обыкновенный человек // Собр. соч. Пьесы. – Т. 7. – М.: Художественная литература, 1971.

Шток И. Ленинградский проспект. – М.: Искусство, 1962.

Шукшин В. Рассказы. – М.: Русский язык, 1984.

Приложение[19]

СТЕРЕОТИПНЫЙ ПЛАСТ РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ
(ИЛИ КАК ГОВОРЯТ РУССКИЕ В РАЗНЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СИТУАЦИЯХ)

Тематико-ситуативная группа "Согласие/Несогласие с мнением собеседника"

1. *(А) Ты (Вы) думал(-а,-и)?*
2. *(И так) Бывает (бывало).*
3. *(Мне) (Все) Понятно**[20].
4. *(Не) Понимаю.*
5. *(Не) Понял (-а).*
6. *(Ну и) Слава (вам, тебе) богу;*
7. *(Ну) Конечно*.*
8. *(Охотно) (тебе, Вам) Верю.*
9. *(Пока) Не надо.*
10. *(Я) (Не) Понимаю (Вас, вас, тебя)*.*
11. *(Я) (Охотно) Верю (Вам, вам, тебе).*
12. *(Я) Все понимаю (понял(-а)*.*
13. *(Я) Не верю.*
14. *(Я) Ничего не понимаю.*
15. *(Я, Он, Она) Не прочь (...).*
16. *Бог с тобой (с Вами, с вами, с ними, с ним, с ней).*
17. *Было дело.*
18. *Было такое(?).*
19. *В самом деле.*
20. *В самом деле?**
21. *Вам (тебе, мне, ему, ей, им) виднее*(+/–).*
22. *Велика беда!*
23. *Вот и славно.*
24. *Вот именно*.*
25. *Где мне с тобой (с Вами) тягаться.*
26. *Да.*
27. *Дело (совсем) не во мне (тебе, нем, ней).*
28. *Добро.*
29. *Еще чего (не хватало)!**
30. *Как бы не так!*
31. *Ладно*.*
32. *Легко сказать (говорить).*
33. *Надо (бы).*
34. *Не (велика) беда!*

---

[19] Список ТСГ стационарных предложений – всего лишь иллюстрация, но иллюстрация, доказывающая, что этот перечень возможен. Списки ТСГ стереотипных высказываний содержатся также в книге «Русская разговорная речь» [1978], в различных ситуативных разговорниках для иностранцев, в Приложениях к нашим монографиям [Матевосян 1992: 165-200; 2007: 66-70].

[20] * отмечены многоситуативные и многозначные стационарные предложения.

35. *Не говори(-те) так.*
36. *Не может быть.*
37. *Не смей(-те) так говорить*.*
38. *Не смеши(-те).*
39. *Ни в коем случае.*
40. *Никаких разговоров!*
41. *Ни за что.*
42. *Никогда.*
43. *Ничуть не бывало.*
44. *Ну знаешь(-ете)!**
45. *Нужен(-а, -ы) ты (Вы, вы, он, она, они) мне (ему, ей) (больно)! (=Не нужен.)*
46. *Нужен(-а, -ы) ты (Вы, вы, он, она, они) мне (ему, ей) (больно)! (=Нужен.)*
47. *Очень надо. (=Надо.)*
48. *Очень надо. (=Не надо.)**
49. *Правда/Неправда.*
50. *Ради бога. (=Да. =Пожалуйста.)*
51. *Ради бога. (=Нет.)*
52. *Так дело не пойдет.*
53. *Тем лучше.*
54. *Точно.*
55. *Ты (Вы) попал(-а,-и) в (самую) точку.*
56. *Ты (Вы, вы, он, она, они) не имеешь(-ете) права.*
57. *У меня (нас) время терпит.*
58. *Упаси боже. (=Нет.)*
59. *Хватит с меня.*
60. *Хорошо сказано* (+/–).*
61. *Хорошо/Нехорошо*.*
62. *Черта с два. (=Нет.)*
63. *Что здорово, то здорово*.*
64. *Это вам (Вам, тебе, ему, ей) только кажется*.*
65. *Это мне ничего не стоит.*
66. *Этого еще не хватало*.*
67. *Я (Вас, вас, тебя) понял(-а).*
68. *Я не мог(-ла) иначе.*

Тематико-ситуативная группа
"П р о я в л е н и е и н т е р е с а"

1. *(А) Что с тобой (Вами, ним, ней)?**
2. *(Ну) Как (Вам, тебе, вам) спалось?*
3. *В чем дело?*
4. *Который час? Сколько времени?*
5. *Ты (Вы, вы) меня (его, ее и т.п.) (очень) любишь(-ите)?**
6. *Где?**
7. *Зачем?**
8. *Как (Вас, вас, тебя) зовут (звать)?**
9. *Как (Ваше, твое) настроение?*
10. *Как (твое, Ваше) имя?**
11. *Как (твои, Ваши, ваши) дела?*

12. *Как (ты, Вы) себя чувствуешь(-ете)?*
13. *Как (ты, Вы, вы) провел(-а, -и) ночь?*
14. *Как живешь(-ете)?*
15. *Как поживаете(-ешь)?*
16. *Как семья (родители, жизнь, работа, дети)?*
17. *Как ты (Вы)?*
18. *Какие (у Вас, у тебя, у вас) новости?*
19. *Когда?**
20. *Куда ты (Вы, вы)?*
21. *Куда?**
22. *Ну (и) как (что)?**
23. *Почему?**
24. *Сколько (Вам, тебе) лет?**
25. *Ты (Вы) какого года рождения?**
26. *Чем (я) могу быть (Вам, тебе, вам) полезен(-а)?*
27. *Что (ты, Вы, вы) (здесь) делаешь(-ете)?**
28. *Что (Чего) вам (Вам, тебе) надо?**
29. *Что (Чего) ты (Вы, вы) хочешь (хотите) (от меня, от него, от нее)?* Что (Чего) вам (Вам, тебе)?**
30. *Что (Чем) ты (вы) встревожен(-а,-ы)?*
31. *Что (это) (здесь, тут) происходит (произошло, случилось)?**
32. *Что случилось?*
33. *Что у тебя (Вас, вас) такое?*
34. *Что это значит?**
35. *Что(это) такое?**
36. *Что?*
37. *Это еще что такое?**

Тематико-ситуативная группа
"П о з д р а в л е н и е - п о ж е л а н и е"

1. *(За) Твое (Ваше) здоровье!*
2. *(Я) (Сердечно, Искренне) Поздравляю (Вас, тебя, вас).*
3. *(Я) Желаю (Вам, тебе, вам) успеха.*
4. *(Я) Желаю Вам (вам, тебе) здоровья (здравия, здравствовать).*
5. *(Я) Желаю Вам (тебе, вам) счастья.*
6. *(Я, Мы) Поздравляю(-ем) (Вас, тебя, вас) с новорожденным.*
7. *(Я, Мы) Поздравляю(-ем) (Вас, тебя, вас) с новосельем.*
8. *(Я, Мы) Поздравляю(-ем) (Вас, тебя, вас) с Новым Годом!*
9. *(Я, Мы) Поздравляю(-ем) (Вас, тебя, вас) с победой.*
10. *(Я, Мы) Поздравляю(-ем) (Вас, тебя, вас) с праздником (с 1 Мая).*
11. *Будь(-те) здоровый(-ым, -ой,-ыми).*
12. *Будь здоров – расти большой.*
13. *Будь(-те) здоров(-а,-ы).*
14. *Будь(-те) счастлив(-а,-ы).*
15. *Будь(-те) счастливый(-ым,-ая,-ой,-ыми).*
16. *Всего (хорошего, лучшего, наилучшего) доброго.*
17. *Дай бог (вам, тебе, ей, ему) здоровья.*
18. *Дай бог здоровья.*
19. *Доброго здоровья*.*
20. *За Вас (вас, тебя)!*
21. *За Ваших (твоих, наших, ваших) родителей!*
22. *За Вашу (нашу, вашу) дружную семью!*
23. *За Вашу (твою, вашу, нашу) маму (бабушку, дочурку, внучку и т.п.)!*
24. *За нашу встречу!*
25. *Ни пуха ни пера.*
26. *Носи(-те) на здоровье.*

27. *Приятного (Вам, тебе, вам) сна*.*
28. *С новосельем (вас, тебя).*
29. *С Новым годом! С новым счастьем!*
30. *Спокойной (доброй) (Вам, тебе, вам) ночи*.*
31. *Счастливого (Вам, тебе, вам) пути*.*

Тематико-ситуативная группа
"П р о с ь б а"

1. *(А) (Мне) Можно?*
2. *(Ну) Что Вам (тебе, вам) стоит.*
3. *(Одну) Минуту (минуточку).*
4. *(Я) Прошу (Вас, тебя, вас).*
5. *(Я) Умоляю (Вас, тебя, вас).*
6. *Будь(-те) добр(-а,-ы), ...*
7. *Будь(-те) друг (другом), ...*
8. *Будь(-те) любезен(-а,-ы), ...*
9. *Включи(-те)/Выключи(-те) (,пожалуйста,) свет;*
10. *Минуту внимания!*
11. *Прошу внимания.*
12. *Прошу покорно.*
13. *Разреши(-те) (мне) пройти.*
14. *Разреши(-те) взять (что-либо).*
15. *Разрешите!**

Тематико-ситуативная группа
"Н е д о в о л ь с т в о - у п р е к"

1. *(Да) Будет тебе (Вам, вам)!*
2. *(Да) Хватит тебе (Вам, вам)!*
3. *(Мне) Голову не морочь(-те)*.*
4. *(Ну) Что ты (Вы, вы)!**
5. *(По-)Молчи.*
6. *Не твое (Ваше, ваше) дело*.*

7. *Его (тебя, Вас, вас) только не хватало* (о лице, предмете или явлении)*.
8. *Как же так?**
9. *Как тебе (вам) не стыдно**.
10. *Как ты (Вы, вы) мог(-ла,-ли).*
11. *Какое твое (Ваше, ваше) дело!**
12. *Крестись(-тесь), если кажется**.
13. *Куда ты (вы) суешь(-ете) свой нос?!**
14. *Нашел(-и) чем хвастаться (хвалиться)**.
15. *Не до тебя (Вас, вас)**.
16. *Не лезь(-те) не в свое дело!**
17. *Ни стыда у тебя (вас), ни совести**.
18. *Ну что?**
19. *Пеняй(-те) на себя.*
20. *Перестань(-те) паясничать**.
21. *Подумаешь!**
22. *Разве тебе (Вам, вам) (это) к лицу?**
23. *Сам не знаешь (-ет), что говоришь(-ит) (делаешь) (-ет)**.
24. *Ты (Вы, вы) в своем уме?(!)**
25. *Ты (Вы, вы) с ума сошел(-и)?(!)**
26. *Хватит вам (тебе) валять дурака/Не валяй(-те) дурака**.
27. *Что (Чего) ты (Вы, вы) хочешь (хотите) от меня (него) (нее)?**
28. *Что с тобой?**
29. *Что ты (вы) мелешь(-ете) (говоришь(-ите) (несешь(-ете)?**
30. *Что ты (Вы, вы) наделал(-а,-и)!**
31. *Что это значит?**
32. *Этого не хватало!**
33. *Этого недоставало!**

Тематико-ситуативная группа
"Р а д о с т ь"

1. *(Ах) Вот что (как)!* (=Какая радость!)*
2. *(Как) Прекрасно!*
3. *(Это) (Просто) Чудесно (прекрасно, превосходно, замечательно)!*
4. *(Я) (Очень) Рад(-а) (за Вас, тебя, вас).*
5. *(Я) Рад(-а) видеть Вас (тебя, вас).**
6. *(Я) Рад(-а) с Вами (вами) познакомиться.**
7. *Я рад(-а).*

Тематико-ситуативная группа
"У т е ш е н и е - с о ч у в с т в и е - с о п е р е ж и в а н и е"

1. *(Мне)(Очень)Жаль.*
2. *(Я) Сочувствую (Вам, тебе, вам).*
3. *Держись(-тесь)*.*
4. *Не падай(-те) духом.*
5. *Не унывай(-те).*

Тематико-ситуативная группа
"Н е г о д о в а н и е"

1. *(Этого) Я тебе (Вам, вам, им) не прощу!*
2. *Будь(-те) ты (вы, он, она, они) (трижды) проклят(-а,-ы)!*
3. *Довольно!*
4. *Еще чего не хватало!**
5. *Еще чего!**
6. *Знать вас (тебя) больше не желаю (не хочу)!*
7. *Катись(-тесь) к чертям собачьим!*
8. *Надо же (мне) связаться с таким идиотом!*
9. *Смотри(-те) у меня!**
10. *Чтоб вам (тебе) пусто было!*
11. *Чтоб духу вашего (твоего) здесь не было!*
12. *Этого еще не хватало!**
13. *Я тебе (Вам, вам, им) (покажу, устрою)!*

Тематико-ситуативная группа
"О г о р ч е н и е"

1. *А, черт!*
2. *Ну и что теперь?*
3. *Сожалею;**
4. *Что теперь будет?*
5. *Эх!**

Тематико-ситуативная группа
"И р о н и я"

1. *(Ну) Где мне с тобой (с вами) тягаться.**
2. *Смех…*
3. *Здравствуй(-те).**
4. *Здрасьте.**
5. *Привет*.*

Тематико-ситуативная группа
"О д о б р е н и е - п о х в а л а"

1. *Браво!*
2. *Молодец!*
3. *Прекрасно!**
4. *Умница!*
5. *Хорош(-а,-и)!**
6. *Хорошо!*
7. *Чудесно!**

Тематико-ситуативная группа
"С т р а х"

1. *(Мне) Страшно.*
2. *(Я) Боюсь* и др.

Лианна Бениаминовна Матевосян

РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ СТАНДАРТ
курс лекций

Լիաննա Մաթևոսյան

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԽՈՍՈՂԱԿԱՆ ՍՏԱՆԴԱՐՏ
դասախոսությունների դասընթաց

Lianna Matevosyan

RUSSIAN SPOKEN STANDART
Lecture course

lianna.matev@gmail.com
lianna.matevosyan@ysu.am
www.famous-scientists.ru/11225/

Компьютерная верстка Л.Б. Матевосян
Корректура Л.Б. Матевосян
Дизайн обложки А. Патваканяна

Отпечатано в ООО "КОПИ ПРИНТ"
Хоренаци 4-й пер., дом 69

Подписано к печати 05.12.2022.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тип. печ.12.375.
Тираж 100.

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1
www.publishing.ysu.am